

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

1

Орёл
2015

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

2015
№1

выходит два раза в год

ГОД КУЛЬТУРЫ

РЕДАКЦИЯ

Каратеев Владимир Ильич –
ответственный за аграрно-публицистический блок

Золотарёв Леонард Михайлович –
ответственный за литературно-художественный блок

Анишкин Валерий Георгиевич –
ответственный секретарь

Золотарёв Игорь Леонардович –
ответственный за науку, литературную критику

Грибанова Татьяна Ивановна –
отдел очерка и прозы

Васичкин Валентин Митрофанович –
отдел поэзии и краеведения

Тарабрина Зоя Федотовна –
заведующая редакцией

ISBN 978-5-91468-173-6

E-mail: val_anishkin@mail.ru
Igozolo @yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор **Леонард Золотарёв**,
Владимир Каратеев,
Валерий Анишкин,
Игорь Золотарёв,
Зоя Тарабрина

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Гусев Владимир Иванович –
доктор филологических наук, профессор (Москва),
Криволапов Владимир Николаевич –
доктор филологических наук, профессор (Курск),
Каратеев Владимир Ильич –
начальник Департамента сельского хозяйства
Орловской области,
Грачёв Иван Александрович –
Глава Мценского района, председатель совета
муниципальных образований Орловской области,
Логвинов Владимир Николаевич –
Глава Орловского района,
Трунов Александр Сергеевич –
мэр г. Малоархангельска,
Гладкова Ирина Анатольевна –
директор Центральной городской библиотеки
имени Пушкина,
Травинская Жанна Анатольевна –
художник,
Котюков Лев Константинович –
поэт (Московская область),
Катанов Василий Михайлович –
писатель,
Ходулин Валерий Георгиевич –
поэт (Тула),
Лютый Вячеслав Дмитриевич –
литературный критик (Воронеж).

ББК
УДК

Русское поле. Российский аграрно-публицистический и литературно-художественный журнал. – №1: – Орёл: Департамента сельского хозяйства Орловской области и писателей из Союза писателей России и Союза российских писателей. 2014. – 260 с. с иллюстрациями.

Журнал «Русское поле» создан по инициативе писателя Леонарда Михайловича Золотарёва творческими коллективами аграриев и писателей области. Выход намечен по два номера в год. В аграрно-публицистическом блоке выступают руководители, специалисты сельского хозяйства, видные работники культуры, историки, краеведы.

В литературно-художественном, публицистическом блоке свои лучшие произведения представляют орловские писатели и журналисты, а также авторы из других областей. Это очерки, проза, поэзия, литература для детей. Сюда же включается поэзия и проза уже ушедших писателей, память о которых жива в их произведениях, публикуемых в этом журнале.

ISBN 978-5-91468-173-6

© Коллектив авторов, 2015

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Это первый номер журнала «Русское поле», созданного в Серединной Руси – прародине живого русского языка, благодаря творческой энергии работников Департамента сельского хозяйства Орловской области и писателей из Союза писателей России и Союза российских писателей. В аграрно-публицистическом блоке публикуются выступления руководителей, специалистов сельского хозяйства, учреждений культуры, учёных, историков, краеведов. В литературно – художественный блок входят произведения писателей и журналистов. Их очерки, поэзия и проза, литература для детей.

2014-й год объявлен годом культуры. Вот что пишется в словарях о термине «культура». Существует много определений слова «культура». Самое последнее и объёмное находим у академика Д.С. Лихачёва в его книге «Русская культура» («Искусство», М., 2000, 440с.). «Культура – это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации». «Культура – это святыни народа, святыни нации». В современное понятие культуры входит религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства. В формате журнала «Русское поле» мы выделяем следующий аспект понятия «культуры». По происхождению это слово латинское, по смыслу связано с обработкой, уходом, улучшением земледелия. Со временем это понятие стало приобретать более широкий смысл, вбирая в себя обширный круг явлений, предметов и действий.

В русский лексикон оно входит с середины 30-х годов XIX века, когда слово «культура» стало осмысляться как источник человеческой деятельности, познания и творчества (например, высокая культура взаимоотношений в искусстве, литературе). Таким образом, культура земледелия как понятие материальное и культура как понятие духовное связаны тесным образом давно, ещё с дохристианских времён.

И «Русское поле» не просто поле, где сеют хлеб, а такое поле, где сеют разумное, доброе, вечное. Поле именно русское, соединяющее земное с духовным. Иными словами, земное, земледельческое начало связано с литературным, творческим, одухотворённым потенциалом народа. Журнал «Русское поле» состоит из двух блоков: аграрно-публицистического и литературно-художественного.

И вот что написано о земле в «Шекспириане» Леонардом Золотарёвым (14-й сонет):

*«Да здравствует зелёная земля!
Росток – твой символ, дням потерян счёт.
Тот гномик пережил и короля,
Такусенький – и нас переживёт;
Пою тебя, мой карлик, мой цветок!
Твой знак – твой знак! Немного погода,
Вавилов, мысля накормить Восток,
Умрёт, мой Бог, в тюрьме, сам не едя.
На том и проверяются эпохи,
Науки, государства, самодержцы.
Коль урожая на ладошку, крохи,
Не жди добра, чернь выкинет коленце.*

*Да здравствуют такие короли,
Что обожают зелены земли!*

Вот чем ответил на вызовы жизни и времени Николай Иванович Вавилов. Умер академик на своей малой родине в Самаре, в тюрьме, погибая от голода, но выводя для людей новые, улучшенные сорта зерновых. И люди на это ответили тем, что не тронули в блокадном Ленинграде из вавиловского фонда ни единого зёрнышка. Вот это высокая культура духа человека и человечества. Ещё до язычества на Руси бог Велес приохотил нас, русичей, землю пахать, хлеба выращивать. Сорта мы улучшали и улучшаем год от года, из века в век.

Связанное с хлебом, с культурой хлебной, с зерном живёт в нашем сознании немало былин. Вот одна из них:

Тяга земная

Всевышний наделил Святогора такой силой, что тот не мог сходить со Святых гор, не держала его мать сыра Земля. Узнал про такую силушку Святогора бог Перун, решил её испытать. Вызывает Перун на бой Святогора. А тот ему и говорит: – Не осилишь ты мою силу – силушку. Мне сама мать Земля ту силу даёт.

И поехали они вместе уже побратимами. А тут путник навстречу. Через плечо у него сумка – сумочка перемётная. Окликнули они его, спросили: «Что у тебя в сумочке – то наложено, что несёшь?»

Положил прохожий наземь ту самую сумочку да и говорит:

– А ну, подымите – ка её, тогда и узнаете.

Попробовал Перун, но даже приподнять не смог, из сил тут же выбился. Попробовал богатырь Святогор. Оторвал он сумочку ту от земли, а сам в землю утраз.

И сказал Святогор путнику:

– Что же в сумке твоей такое имеется, что даже я её приподнять не могу?

И ответил Святогору прохожий:

– В сумочке этой тяга земная.

И тогда Перун со Святогором спросили прохожего:

– Кто же ты будешь сам – то?

– Велес я, – ответил прохожий. – Бог, почитаемый Русью. Вот оно моё всё это – поле широкое, Русское поле! Я помог людям вспахать его, теперь оно мне Разум божеский, совесть, силу даёт. А грядут времена, когда станет ратным поле, кровь прольём мы за Русскую землю.

И XX век. Более двух тысяч вёрст отступали мы от границы. А тут встали, упёрлись и ни шагу назад, почему?

И Велес, научивший Русь землю пахать, землепашеству, хлеборобству, ответил:

– Видишь? Всё тут наше. Вот оно – поле широкое, Русское поле.

С этих мест, под Малым городом, где по всей округе везде бог Велес, и пошло, покатило войну назад.

Жарким летом 43-го, на Центральном фронте битвы на Орловско-Курской дуге, за дубину народ взялся, простой русский мужик. За ту самую сумочку, что не могли поднять до того ни главный бог Перун, ни богатырь Святогор. А Велес-то поднял её, ту самую сумочку, с её тягой земной. Потому что он как бог в мужике, мужик в боге. Он – Велес, Русь его почитает. С того Отечественная война и стала народной. А народ победить невозможно.

Итак, всё у людей идёт от земли, земледелия. Люди облагораживают землю, а через неё облагораживают и себя. Вот почему, оказывается, наши друзья из посёл-

ка Синяевский (Нюра и Иван Тихоновы), не имея шибко высокого образования, такие любвеобильные, добрые, понимающие себя и людей в этом мире на земле обетованной. Во Франции термин «сельское хозяйство» («agriculture») включает в себя слово «культура», что подчёркивает глубокие, неразделимые связи у человека и человечества с землёй. Об этом мы говорим в год 2014-й, названный Годом Культуры.

В этой связи интересно привести следующий пример. В 1889 году в Париже проходила Всемирная выставка, тогда же была возведена Эйфелева башня, ставшая символом французской столицы. Россию на выставке представлял куб воронежского чернозёма, направленный в Париж с Юга России известным русским учёным – почвоведом Василием Васильевичем Докучаевым. В Каменной степи, на родине Митрофана Ивановича Пятницкого, известного своей хоровой, песенной культурой, в ковыльной степи был вырезан огромный монолит земли, которому придали форму куба, ограничили в чёрный бриллиант, поставили его на пьедестал. Этот чёрный бриллиант покори́л мир. В качестве главного экспоната выставки он был представлен в Палате мер и весов, где и остался. «Царь почв, кормилец России», – назвал его Докучаев.

Со временем опытная станция в Каменной Степи превратилась в научно – исследовательский институт имени Докучаева, где ныне разрабатывают проблемы культуры почвоведения, облагораживания земли. А в Воронеже проектируют памятник «чёрной жемчужине».

Так в начале прошлого века в Париже слились воедино Эйфелева башня как знак культуры, дела рук человека и куб воронежского чернозёма, огранённого в бриллиант, как символ земли, культуры земледелия, которое лежит в основе всеобъемлющего понятия культуры и цивилизации человечества.

Как выйду я в степь, в наше Русское поле, так, зазвучав, и поётся во мне эта песня Александры Пахмутовой «Зачарованная даль»:

*Хлеба налево,
Хлеба направо,
Хлеба на веру,
Хлеба на славу...
Здесь всё лучшее от Бога,
Здесь меня, как Бога, ждут.*

Поле, о Русское поле! Кормилец и воин, защитник земли! В культуру входит и защита её обитателей. Там в Каменной степи – пракорень мой, корень, лежат мои предки, а тут в земле мои дедушка, мать. И тут я живу. Поле, о Русское поле!

АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ БЛОК

Общество начинается с общей культуры. Я – за книгу, но против компьютерной игры. Я за то, чтобы человек продолжал расти, развиваться, становиться лучше. И только, развиваясь культурно, можно развиваться как личность. Я считаю, что это даст новый импульс развитию культурной жизни в области и Орле, который по праву считается «третьей литературной столицей России».

ПОТОМСКИЙ ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ
Губернатор Орловской области

ДИАЛОГ С НАРОДОМ

Образование высшее: в 1993 году окончил «Санкт-Петербургское Высшее зенитное ракетное командное училище», диплом с отличием и золотая медаль. Профессия: инженер по эксплуатации радиотехнических средств.

В 2006 году окончил ФГОУ ВПО «Северо-Западная академия государственной службы», профессия: экономист.

С 1993-го по 1998 г. – служба в рядах Вооружённых Сил РФ, подполковник запаса, мастер спорта по дзюдо.

С 1997-го по 2007 г. занимался бизнесом, работал генеральным директором МУП «Экология», директором МУ «Всеволожская муниципальная управляющая компания» (Ленинградская область).

В 2005 году избран депутатом совета депутатов МО «Всеволожское городское поселение» (Ленинградская область).

В 2007 году избран депутатом Законодательного собрания Ленинградской области, работал на профессиональной основе. Возглавлял постоянную комиссию по экологии и природопользованию Законодательного собрания Ленинградской области. Входил в состав комиссий по ЖКХ и топливно-энергетическому комплексу, являлся председателем Общественного совета по жилищной политике и ЖКХ Санкт-Петербурга по Ленинградской области.

В 2011 году избран депутатом Государственной думы ФС РФ, являлся членом комитета по ЖКХ и жилищной политике.

26 февраля 2014 года Указом Президента РФ В. В. Путина назначен исполняющим обязанности Губернатора Орловской области.

Женат, воспитывает троих детей.

ВОПРОС. Правда ли, что в ленинградском борцовском клубе Вы боролись с самим Президентом России В. В. Путиным и именно поэтому вам удалась стремительная политическая карьера?

ОТВЕТ. Нет, это легенда. С Президентом я никогда не боролся. В мире дзюдо все, действительно, друг друга хорошо знают, и о достижениях Владимира Владимировича в борьбе я знал. Но лично познакомился с нашим Президентом, только когда стал депутатом Государственной думы. А дзюдо, действительно, помогло мне в политической карьере. Борьба научила уважать соперника и пахать до седьмого пота.

В политике и управлении это главное.

Я специалист разноплановый: и по гиревому спорту, и по стрельбе по воздушным целям (окончил Высшее зенитное ракетное командное училище с красным дипломом и золотой медалью), и специалист по экономике (окончил Академию государственной службы при Президенте РФ), и специалист по ЖКХ и муниципальному управлению, и по лицензированию хороший специалист. У меня как у бизнесмена были станции технического обслуживания автомобилей, колбасный, пельменный и хлебный цеха, я занимался торговлей металлами, строительством. Возглавлял МУП «Экологию», очищал Всеволожский район, был главой комиссии Законодательного собрания Ленинградской области по экологии и природопользованию. Много чего успел за 42 года, это правда... Да, знаю, как правильно организовать в городе порядок и чистоту, это ко мне. Одно из конкурентных преимуществ Орловщины – это экологическая чистота. Другое дело – «чистые» предприятия по сортировке твёрдых бытовых и промышленных отходов с целью их вторичной переработки. Такое предприятие должно быть в каждом городе, которое стремится быть чистым и современным.

ВОПРОС. Правда ли, что Вы вообще не употребляете спиртное?

ОТВЕТ. Не совсем. Но первый раз выпил водки, только когда мне исполнилось 22 года. И я, действительно, не люблю спиртное. Но, конечно, бокал шампанского «за Крым» поднял и могу как русский офицер выпить под хорошую закуску и в компании близких друзей рюмку – другую.

Но мне хорошо знакомо чувство меры. Чего многим желаю.

Детям нужно ставить границы дозволенного. Молодёжь современная не пугает (меня вообще ничего не пугает, кроме здоровья близких), молодёжь порой меня печалит. Нацию нужно спасать. Запреты не помогут. Стать человеком могут помочь только родители. Иногда данный вовремя хороший подзатыльник отца может спасти ребёнку здоровье и жизнь и сохранить его будущее.

ВОПРОС. Правда ли, что Вашим любимым предметом была математика?

ОТВЕТ. Алгебра и геометрия стали моими любимыми предметами после того, как я приехал в Ленинград из Туркмении и пошёл в приличную ленинградскую школу. Тут выяснилось, что уровень моих знаний, мягко говоря, никакой. Особенно по математике и физике. Но мне часто по жизни везёт на хороших людей. Классный руководитель Сергей Фёдорович настолько сумел увлечь меня миром формул и цифр, что математика стала моей любимой наукой. Экзамен в военное училище я сдал в итоге на «отлично».

ВОПРОС. Правда, что это Вы в составе команды подняли Всеволожский район Ленинградской области, который стал одним из самых инвестиционно привлекательных районов в стране?

ОТВЕТ. В делах государственного управления, в больших проектах, конечно, роль личности важна. Но без команды сделать ничего невозможно. История

подъёма Всеволожска – это история успеха команды молодых людей, которая создавала льготный налоговый режим, привела район в порядок в смысле коммуникаций, уборки дорог и общего порядка, работала с потенциальными инвесторами и руководством региона. Мы пришли в район, когда его ВВП был равен 1 миллиарду (2000 год), а уходили со 100 миллиардами (2011 год). Это заводы «Форд», «Нокиан Тайрс» (автомобильные покрышки), алюминиевый завод и многое другое.

Я не говорю сегодня, что Орёл пройдёт такой же путь (у нас у каждого – и у города, и у человека – путь свой), но я знаю, куда идти и с кем.

ВОПРОС. Правда, что Вы приехали на Орловщину, как в командировку, а семья осталась в Питере?

ОТВЕТ. У нас офицерская семья: куда Родина направит, туда все вместе мы и поедем.

Моя мама была с отцом под бомбёжкой в Триполи с маленькой дочкой. Чего же бояться моей семье? Орёл – очень приятный город, умный, с красивой русской речью, с великой историей. Орловская земля – родина гениев: Тургенева, Лескова, Бунина, Поликарпова и многих других. Тут и писатели, и конструкторы, и генерал Ермолов, один из моих кумиров. Мне здесь интересно и легко. И моя семья всегда будет рядом со мной.

ВОПРОС. Правда ли, что Ваши настольные книги – произведения Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок»?

ОТВЕТ. Для отдыха, да. Но в последние годы чаще читаю законы, книги по экономике, по коммунальному хозяйству и массу документов.

Из-за загруженности на работе не успеваю уделить должное время культурным событиям. С нетерпением жду открытия театрального сезона, чтобы вместе с семьёй сходить на хорошую классическую постановку. Вообще, тема культуры, я считаю, незаслуженно задвинута на второй план.

Конечно, важны и «коммуналка», и дороги, и экономика с инвестициями, но...

Общество начинается с общей культуры. Поэтому я – за театр и против современных телесериалов, пропагандирующих насилие и дурной вкус.

Я – за книгу, но против компьютерной игры. Я за то, чтобы человек продолжал расти, развиваться, становиться лучше. И только, развиваясь культурно, можно развиваться как личность. В рамках подготовки к 450-летию Орла многие культурные объекты города обретут новое лицо. Я считаю, что это даст новый импульс развитию культурной жизни в области и Орле, который по праву считается «третьей литературной столицей России».

В★ДИМ ПОТОМСКИЙ

Вадим Владимирович Потомский, 42 года. Русский. Православный.
 Родился в г. Мары Туркменской ССР в семье военнослужащего.
Образование высшее: в 1993 году окончил «Санкт-Петербургское высшее зенитное ракетное командное училище» с дипломом с отличием и золотой медалью. Профессия: инженер по эксплуатации радиотехнических средств.
 В 2006 году окончил ФГОУ ВПО «Северо-Западная академия государственной службы», профессия: **экономист**.
 С 1993-го по 1998 г. - служба в рядах Вооруженных сил РФ, подполковник запаса, мастер спорта по дзюдо.
 С 1999-го по 2007 г. занимался бизнесом, работал генеральным директором МУП «Экология», директором МУ «Всеволожская муниципальная управляющая компания» (Ленинградская область).
 В 2005 году избран депутатом совета депутатов МО «Всеволожское городское поселение» (Ленинградская область).
В 2006 году вступил в КПРФ.
 В 2007 году от КПРФ избран депутатом Законодательного собрания Ленинградской области, работал на профессиональной основе. Возглавлял постоянную комиссию по экологии и природопользованию Законодательного собрания Ленинградской области. Входил в состав комиссий по ЖКХ и топливно-энергетическому комплексу, являлся председателем Общественного совета по жилищной политике и ЖКХ Санкт-Петербурга и Ленинградской области.
 В 2011 году от КПРФ избран депутатом Государственной думы ФС РФ, являлся членом комитета по ЖКХ и жилищной политике.
26 февраля 2014 года Указом Президента РФ В.В. Путина назначен исполняющим обязанности Губернатора Орловской области.
 Женат, воспитывает троих детей.

14 СЕНТЯБРЯ 2014

*Это раздавали народу в Орле
во время предвыборной кампании*

КАРАТЕЕВ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ
Начальник Департамента сельского хозяйства
Орловской области

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ

Всю свою трудовую жизнь я работаю с хлебом. Начинал когда-то с руководителя небольшого Сосковского района, затем был переведён в Кромской район, а уже после него стал начальником Департамента сельского хозяйства области. Какие слова только не зрели в душе при виде орловской золотой нивы: хлеб наш насущный, не хлебом единым, хлеб – имя существительное. На одном из хлебоприёмных пунктов, кажется, на станции Малоархангельск, я прочитал такое:

*«Рыба – вода,
Ягода – трава,
Хлеб – всему голова».*

Что мне хочется сказать о динамике развития хлеба, зерновых, всего растениеводства в Орловской области за последние пять лет? Впервые в истории агропромышленного комплекса Орловщины в 2014 году было произведено 3136,2 тысячи тонн зерна, что на 577,2 тысячи тонн больше 2013 года и составило по 4 тонны на каждого жителя региона.

Средняя урожайность зерновых, зернобобовых и крупяных культур составила 39,8 центра с гектара, что на 7,2 центнера с гектара выше 2013 года.

По итогам минувшего сезона Орловская область вошла в тройку лидеров Центрального Федерального округа (наряду с Белгородской и Курской областями) по средней урожайности зерновых культур.

По зерновым и зернобобовым культурам высшая урожайность сложилась в следующих хозяйствах Орловщины: ЗАО «Славянское» Верховского района (на площади 1540 гектаров получено по 76,7 центнера с гектара), ЗАО «Орловская нива» сельхозпредприятия «Сабурово» Орловского района (на площади 9967 гектаров получено по 73,0 центнера с гектара), ОАО агрофирма «Мценское» (на площади 9967 гектаров по 68,1 центнер с гектара), ООО «Дубовицкое» Малоархангельского района (на площади 5050 гектаров по 62,6 центнера с гектара).

Почему же в этих хозяйствах, в вышеуказанных районах стали возможными стабильно высокие урожаи? Какие меры для этого в них применяются? Конечно, целый комплекс мероприятий, однако особенно хочется отметить работу с кадрами, новейшими технологиями, рациональное применение техники. Всё это стало возможно благодаря грамотной работе специалистов, внедрению новых сортов, технологий, соблюдению агротехники, серьёзной государственной поддержке.

Большинство сельскохозяйственных предприятий и фермерских хозяйств выполняют рекомендации науки. Достаточно сказать, что под урожай 2014 года в области было внесено 95 тысяч тонн минеральных удобрений, то есть 86 килограммов на гектар посевов. Своевременно проводились защитные мероприятия посевов. Обработанная пестицидами площадь составила 2264, 65 тысяч гектаров. Кондиционными семенами было засеяно 97,5 процентов всего объёма высеянных семян, элитными – 52,5 тысяч гектаров.

Сортоиспытания и сортообновление в работе хозяйств стали системой. Большой объём занимают перспективные сорта как озимых, так и яровых зерновых культур.

Выросла техническая вооружённость хозяйств области. В последнее время ими приобретено 800 единиц сельхозтехники, в том числе 191 трактор, 155 зерноуборочных комбайнов. При этом надо отметить следующую картину, сложившуюся в последние годы. В мире существуют пять центров, производящих зерноубороч-

ные комбайны: три центра американские, один немецкий, один наш, российский, это «Ростсельмаш». На наших полях используются комбайны как отечественных, так и импортных марок, к примеру, голландские комбайны.

В настоящее время в России производится своя сельскохозяйственная техника, начиная от обработки почвы и заканчивая уборкой и послеуборочной обработкой зерна. Хорошо зарекомендовали себя на полях Орловской области зерноуборочные комбайны «Асro-590 plus», «Torum-740» производства комбайнового завода «Ростсельмаш».

В августе 2013 года во Мценском районе проведены испытания на озимой пшенице зерноуборочных комбайнов «John Deere S670», «Claas Tucano 480» и («Torum-760»). Испытания показали, что российская машина («Torum-760») превзошла другие по многим показателям (производительность, дробление зерна, суммарные потери зерна).

Отечественная сельхозтехника дешевле импортных аналогов, отвечает всем требованиям агропромышленных технологий, природно-климатическим условиям, почвенным особенностям. Также необходимо учитывать тот факт, что ремонт, содержание, обслуживание, запасные части в данном случае дешевле и доступнее. Однако из-за недостаточной эксплуатационной надёжности отечественной техники, отсутствия налаженного и качественного сервиса (своевременное представление услуг по ремонту), осуществляемого дилерами «Ростсельмаша» на территории Орловской области, часть эффективно работающих сельскохозяйственных предприятий, холдинговые компании были вынуждены приобретать высокопроизводительную, дорогостоящую технику импортного производства. Полноценный сервисный центр «Ростсельмаш» в Орле был открыт только в 2014 году, создан склад запасных частей, выездные бригады сервисных специалистов.

Основными конкурентными преимуществами импортной техники являются высокая надёжность, превосходство над отечественными аналогами по показателям технической готовности, экологическим параметрам, налаженной системой сервисного обслуживания и обеспечение более комфортных условий труда механизаторов. В случае с иностранной техникой, запасные детали приходится заказывать за границей, а это влечёт удорожание обслуживания, простои машин, на что оказывает существенное влияние и рост курса иностранной валюты.

Многое, конечно, зависит ещё и от того, кто и как работает на этих комбайнах, как мы готовим кадры. Подготовка специалистов высшего звена осуществляется в Орловском аграрном университете, где ректором долгие годы является Николай Васильевич Парахин. Сельхозпредприятия имеют возможность направлять в вуз на обучение, переобучение и повышение квалификации своих работников по всем сельскохозяйственным специальностям. Выпускники аграрного университета трудятся не только в сельскохозяйственных организациях региона, многие из них, организовав своё дело, стали успешными фермерами.

Что касается рабочих специальностей, их подготовка ведётся в лицеях и колледжах аграрного университета. Кроме того, крупные сельхозорганизации самостоятельно, на собственной базе – поставщиков современной сельхозтехники – проводят обучение механизаторов.

Такую всестороннюю работу над повышением урожайности зерновых и других культур успешно ведут в Ливенском, Колпнянском, Покровском, Мценском, Малоархангельском и других районах. В минувшем году все, без исключения, районы области улучшили свои показатели. По урожайности зерновых в лидеры вышел Хотынецкий район.

На фоне успехов соседей скромно выглядят результаты Корсаковского, Сосковского районов. На их территории слабее деятельность инвестиционных компа-

ний, более успешно работают фермеры, хотя их техническая и технологическая оснащённость оставляет желать лучшего.

Особенно стоит отметить помощь науки аграриям. Эта помощь на Орловщине традиционно высока. Работу по сортообновлению, повышению технологий возделывания зерновых и других сельхозкультур успешно проводит ООО «Дубовицкое» Малоархангельского района. Сюда со всей страны приезжают крупные специалисты, академики Российской Академии Наук, здесь прямо на полях проводятся практические семинары, на совещаниях учёными читаются лекции по разработке новейших технологий при возделывании зерновых и других культур.

В 2014 году на высоком уровне изучением сортов и агротехники в области занимались такие сельхозпредприятия, как ООО «Северное сияние» Покровского района, где были заложены опытные поля по различным технологиям сева озимых зерновых культур. Большое количество сортоопытов по зерновым культурам также было заложено в агрофирме «Мценская» Мценского района. Во всех перечисленных выше сельскохозяйственных организациях демонстрация опытов проходила открыто, прямо на полях, с присутствием большого количества руководителей и специалистов агрономической службы области. Кроме того, аграрии Орловщины принимали участие в выездных агрономических семинарах и совещаниях, проводимых в соседних регионах: в Курской, Белгородской, Липецкой, Воронежской областях.

Как же выглядит Орловская область на фоне соседей? По предварительным данным Минсельхоза Российской Федерации в 2014 году по показателям растениеводства наша область вошла в число 15 регионов страны.

Что касается сравнения с областями Центрального Федерального округа, по итогам 2014 года наш регион вошёл в тройку лидеров по многим показателям: общей средней урожайности зерновых культур (по пшенице и ячменю), по производству гречихи, подсолнечника, рапса.

В заключение хочется назвать имена победителей в соревновании комбайнёров области. Это личности, лучшие механизаторы Орловщины. Они наши кормильцы, кормят хлебом страну, убирая зерновые на полях вовремя и без потерь. Стало доброй традицией, подводя ежегодно итоги хлебоуборочной компании, собирать лучших комбайнёров области на главной площади Орла и вручать им в качестве приза автомобиль.

2012 год. Востров Владимир Егорович – комбайнёр СПК «Победа Октября», Хотынецкий район.

Алтынников Александр Леонидович – ООО «Дубовицкое», Малоархангельский район.

2013 год. Дмитриев Николай Дмитриевич – комбайнёр ОАО агрофирма «Мценская», Мценский район.

Дёмкин Борис Борисович – ЗАО «Голунь», Новосильский район.

2014 год. Рыжов Александр Владимирович – комбайнёр СПК «Победа Октября», Хотынецкий район.

Пялин Николай Николаевич – АОНП «Успенское», Ливенский район.

Вот достойные имена, они заслуживают почёта Орловщины!

Большие задачи стоят перед нами в 2015 и последующие годы. Указом Губернатора Орловской области Потомского Вадима Владимировича от 26 сентября 2014 года «О развитии агропромышленного комплекса Орловской области» определены стратегические задачи по развитию регионального агропромышленного комплекса на предстоящее десятилетие:

«Обеспечить рост производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий в 1,5 раза;

обеспечить рост объёма инвестиций в основной капитал сельского хозяйства в 1,4 раза;

увеличить среднемесячную заработную плату в 1,75 раза;

выйти на стабильный уровень по производству не менее 3 млн тонн зерна в год».

Как видим, области предстоит серьёзно поработать и дальше, совершенствуя сельскохозяйственное производство. В самом деле, на Орловщине, в хлебосеющем регионе страны, хлеб – всему голова.

ЛОГВИНОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

Глава администрации Орловского района

ОТСЮДА ВИДНО ВСЮ РОССИЮ

Год 2014-й объявлен годом культуры. Думается нашему пригородному Орловскому району, как никакому другому на Орловщине, наиболее подходит такое наименование года. Достопамятны места вокруг Орла! Мы гордимся своей историей, славными именами, тружениками села, богатыми культурными традициями. Об этом хорошо было рассказано в книге «Отсюда видно всю Россию», изданной в 2000 году. Всегда с благодарностью вспоминаем авторов: Александра Воробьева, Светлану Куревину, Валерия Шапочку за интересный, содержательный материал книги. Особенно за одну из таких глав «Последний приют поэта», в которой говорится о нашем знаменитом поэте – Афанасии Афанасьевиче Фете. Имя его, незабываемые стихи большой лирической силы звучат на ежегодных Фетовских праздниках, проводимых в Клеймёново, на конкурсах юных чтецов, в библиотеках района, живут в душе каждого русского человека, всех людей, собирающихся в конце мая у сельской церкви, чтобы отдать дань уважения великому поэту.

Фет – имя живое, незабываемое.

Нет в нашем Орловском районе другого такого имени, которое так раскручивало бы вокруг себя, так сказать, всякие «шестерёнки»: культуру и образование, детей и взрослых, любителей поэзии и профессиональных поэтов, музыкальные, клубные и школьные коллективы. Иными словами, людей со всей Орловщины, из соседних регионов, из разных городов, сёл и весей, приезжающих сюда на фетовские праздники. Имя Фета притягивает всех, как магнит. Оно не только уважаемо, но и любимо. А ведь было время, когда вышестоящие органы называли его за твёрдую волю, «бригадирские замашки» в сельском хозяйстве «крепостником». Литература, как всегда, любым поэтам любого ранга ничего не давала, как и ему в материальном отношении и Фет обратился к земле, к русскому полю, хлебу насущному. Сделался добрым, хорошим хозяином не только в Козюлькино (Новосёлках), где он родился, но и на старинной дедовской усадьбе в Клеймёново, затем в купленных уже на свои средства в деревнях Степановке (ныне Свердловского района), который отдал 17 лет жизни и титанического труда, и курской деревне Воробьёвка, где-то поблизости от Коренной пустани. Так что Фет не только поэт, но и, если в шутку сказать, да и не в шутку, «наш человек» – аграрий. Пахал не только за письменным столом, работая над стихом, но и на земле, в трудах и заботах добывал себе хлеб насущный. Вот какая тайная пружина, как мне кажется, движет нами, тружениками нашего хлеборобного края, когда они обращаются к имени Фета. Стихи его лёгкие, воздушные, а труд на земле тяжёлый, материальный.

Такие мнения приходят в голову, когда в очередной раз я отправляюсь отсюда, с улицы Полярной, где находится районная администрация, туда – в Клеймёново, где проходит Федовский праздник. Пока еду, думаю: о культуре, образовании, о школах, библиотеках своего района, о творении художественных коллективов, как они связаны с именем Фета? Как пропагандируют его творчество, русскую литературу, живое русское слово?

Сначала о детях. Они наше будущее, наша надежда. Всего в районе 45 школ, из них 19 средних, 10 неполных, а это сотни школьников, которые читают книги, любят Фета, многие из них принимают активное участие по своим школам в конкурсах чтецов, на которых декламируют стихи многих поэтов, в их числе и Фета. А лучшие из детей – победители конкурсов отправляются сюда, в Клеймёново, на областной и районный Фетовский праздник поэзии. Звучат с эстрады звонкие детские голоса, шумят зелёные берёзы соловьиной рощи вокруг поляны, где проводится праздник.

Начальник районного Управления общего образования Елена Васильевна Дурнева не преминет похвалиться успехами школьников.

– Смотрите, какие у нас таланты растут. Будущие поэты, писатели! Сами стихи пишут, в Знаменской средней школе из их стихов составили и издали целый сборник.

По району проводятся в школах конкурсы сочинений.

В Стрелецкой средней школе существует один из лучших в районе музеев, посвященный Великой Отечественной войне. Кстати, в нём имеется интересный материал о Валерии Фёдоровиче Соломатине – участнике боёв Французского Сопротивления против фашизма, многие годы проработавшем учителем физкультуры в поселковой школе.

Живые книги, живые люди, вечно живые имена, память о которых священна. В той же Знаменке местный автор Е.А. Дмитриева написала книгу по истории поселка «Знаменка от вятичей до наших дней». А заведующая клубом Н.С.Петракова и заведующая библиотекой Е.Н.Приставко «выдали на гора» хорошую книгу «Вехи села Новоселово».

Не отстают от детей, от школьников и взрослые – библиотечные и клубные работники. В районе существует централизованная библиотечная система, а это центральная районная и детская библиотеки и 33 сельских филиала. Это десятки библиотечных специалистов с высшим и средним образованием, которые обслуживают тысячи читателей. Книжного фонд, который требует особого внимания, постоянного пополнения журналами, газетами, новыми изданиями.

Вот что отмечает директор муниципальной центральной библиотечной системы Валентина Степановна Тюленева в своем отчете: «Для лучшего обслуживания читателей развита совместная работа библиотек с другими организациями культуры, образования, социальной поддержки населения, здравоохранения».

В своей работе библиотекари стараются использовать различные формы подачи информации: оформляются книжные выставки, проводятся беседы, эстетические часы, обзоры, разнообразные литературно-музыкальные праздники к юбилеям писателей, поэтов, музыкантов, художников.

Для проведения мероприятий в структурных подразделениях разрабатываются рекомендательные списки, информационные буклеты и памятки, приуроченные к различным знаменательным датам.

Библиотечная система полностью компьютеризирована. Выход в сеть «Интернет» имеют шесть структурных подразделений системы, из них четыре на селе.

Проведение библиотечных мероприятий часто сопровождается демонстрацией различных видеоматериалов: слайдов, видеороликов, презентаций.

Видеоматериалы готовятся самими сотрудниками. На базе методического центра постоянно работает «Школа сельского библиотекаря», в которой для руководителей библиотек-филиалов проводятся консультации по практическому применению разнообразных компьютерных программ.

Методико-библиографическим отделом библиотечной системы разрабатываются методические пособия для сотрудников по использованию современных компьютерных технологий. Продолжается установка системы автоматизации библиотек «Ирбис 32», позволяющая получить доступ в центральной районной библиотеке к электронному каталогу.

Библиотечная система принимает участие в различных мероприятиях российского, областного и местного уровня.

В январе 2014 года на областном культурном форуме, посвященном открытию Года культуры в РФ, на заседании круглого стола выступала заведующая Салтыковской сельской библиотекой Маркович Н.С.

В феврале 2014 года Станово-Колодезьская библиотека (заведующая Н.С. Меншова) была признана первой в номинации «Лучшее муниципальное учреждение культуры».

Все структурные подразделения принимали активное участие в благотворительном марафоне «Солдаты необъявленной войны» по сбору средств на строительство памятника жителям Орловского района, погибшим в локальных войнах. В библиотеках были установлены «чаши дарения», подготовлены выставки, проведены электронные презентации, посвященные памяти погибших в локальных конфликтах.

Библиотечная система Орловского района приняла участие в областном конкурсе «Библиотека в социокультурном пространстве региона» среди (публичных) библиотек области.

В номинации «Лучшая библиотека» на конкурсе была представлена Новоселовская сельская библиотека, которая была признана лучшей среди сельских библиотек области.

31 мая в селе Клеймёново прошел традиционный ежегодный праздник «Фетовская весна». Библиотечная система района традиционно принимала участие в ежегодном празднике «Фетовская весна», проходившем в Клеймёново.

Гостей встречали в литературном салоне, им вручали эмблемы праздника. Была подготовлена книжная выставка «Крылатые слова звук», посвященная жизни и творчеству А.А. Фета.

Посетители салона могли ознакомиться с выставленными изданиями, получить ответы на вопросы о жизни и творчестве А.А. Фета, истории праздника «Фетовская весна» и т.д.

Работники библиотечной системы Орловского района также принимали участие в подготовке и проведении Дня района, участвуя в представлении подворий сельских поселений, проводя различные мероприятия – выставки, викторины и т.д.

Библиотеки были и остаются центрами культуры на протяжении многих лет. Одна из основных функций библиотек – собирать, систематизировать памятники духовной культуры и приобщать людей к достижениям культуры, проводя систематическую работу по пропаганде литературы исторического, военно-патриотического характера.

В мае в библиотеках района проходит месячник пропаганды военно-патриотической литературы «Читать, чтобы помнить». Библиотекари принимают участие в проведении декады Памяти, акции «Поздравь ветерана», участвуют в подготовке и проведении в поселениях празднования Дня Победы.

Все филиалы принимают участие в проведении Всероссийской акции «Читаем детям о войне». В 2014 году за участие во Всероссийской акции «Читаем детям о войне» библиотечная система района была отмечена почетным дипломом.

Значительное место в деятельности библиотек отводится правовому просвещению населения на базе имеющихся и вновь поступающих печатных изданий различных видов, а это книги, буклеты, периодические издания и др.

В сельских библиотеках постоянно действуют «Уголки правовой информации». В центральной районной библиотеке работает клуб молодых избирателей, где проводятся уроки права, множество других обучающих, воспитательных и информационных мероприятий.

В библиотеках района в настоящее время работает двенадцать центров правовой информации на основе справочно-поисковой электронной базы данных.

Библиотеки принимают активное участие в подготовке и проведении избирательных кампаний.

В сентябре 2014 года в Орловской области состоялись выборы Губернатора области и глав сельских поселений. Библиотекари не остались в стороне, они приняли участие в предвыборной кампании: в библиотеках были оформлены уголки избирателя, проведены правовые часы, беседы.

Краеведение всегда остается одним из приоритетных направлений в работе библиотечной системы. Библиотеки занимаются популяризацией творчества наших земляков. Проводятся мероприятия, посвященные истории родного края.

В 2014 году библиотеки района уделяют особенное внимание разнообразным памятным датам, относящимся к истории нашей культуры. Например, отмечали 700-летие Сергея Радонежского, 200-летие М.Ю. Лермонтова. Прошли мероприятия, посвященные юбилеям других писателей, известных людей Орловщины. В текущем году подготовлены электронные презентации, рассказывающие о творческих традициях, мастерах-умельцах разных населенных пунктов. Отличились Становская, Наугорская и Образцовская сельские библиотеки.

В 2014 году библиотечной системе Орловского района исполнилось 35 лет. К этому событию был приурочен выпуск информационного краеведческого буклета «Это наша с тобой биография», в котором рассказано об истории районных библиотек.

Не менее эффективно работают в районе учреждения культуры, возглавляемые Ларисой Анатольевной Медик. Всего их 33, из них 17 головные и 16 филиалов. Это хореографические ансамбли «Орлица» Стрелецкой школы искусств (руководитель Нина Алиева), «Ритмы детства» Сретенского сельского Дома культуры (руководитель Рахима Джафарова), «Юность планеты» Стрелецкой школа искусств (руководитель Светлана Долгова). Это народные коллективы – хоры русской песни Лавровского, Стрелецкого сельских Домов культуры, Дома культуры «Олимп» пгт. Знаменка.

В мае 2014 года, объявленном годом культуры, Фетовский праздник поэзии прошел в Клеймёново, как всегда хорошо. Праздник собрал много почитателей таланта А.А. Фета. Выступали творческие, поэтические коллективы района, поэты из Орла и других регионов. Как всегда приехали гости из Курского Дворца пионеров во главе с Лидией Григорьевной Деягиной, красивой обаятельной русской женщиной, любящей творчество А.А. Фета – нашего земляка. Ждем следующей фетовской весны.

Поэты в Орле пишут стихи, в школах, библиотеках, учреждениях культуры Орловского района разрабатывают к фетовскому празднику поэзии новые программы, готовятся к встрече гостей.

ГРАЧЁВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ
Глава Мценского района

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДУХОВНОСТИ

Беседовала Арина Павлова

В начале сентября во Мценском районе прошел ряд мероприятий, приуроченных к 900-летию крещения Орловщины и Центральной России. Столь масштабное событие не могло не оказаться под пристальным вниманием администрации района, оказывавшей всестороннюю поддержку в подготовке к празднику. О важной роли возрождения духовности и православной веры мы побеседовали с главой Мценского района Иваном Грачёвым.

Не хлебом единым

– Иван Александрович, районная администрация активно поддержала торжества, связанные с подвижнической деятельностью святого Кукуши на Орловщине. В чем вы видите важность этого события для нашего края в частности и всей русской духовной традиции в целом?

– Мне как человеку это близко и понятно. Считаю, что участие светской власти в возрождении духовности, в строительстве храмов, церквей, монастырей необходимо. Возведение монастырского комплекса в нашем районе – это увековечивание памяти святого Кукуши, возрождение православных традиций.

Роль монастырей неопределима. Монастырь – это духовный центр. Во все времена в России они способствовали сохранению национального самосознания, культуры русского народа. В монастырях велись летописи, процветали иконопись и искусство книгописания. Монастыри испокон веку были центрами ремесленного производства. За монастырскими стенами в дни военных лихолетий люди находили убежище.

Содействуя распространению и укреплению христианства, монастыри значительную часть своих доходов тратили на благотворительные цели.

Невзирая на то, что живём мы в сложное время перемен, воссоздаются тысячи храмов, сотни обителей земли русской. И это делается не по указанию сверху, а востребовано нашим православным народом. Люди возвращаются к своим истокам, к нравственным основам христианской веры, святого православия. В разных частях Мценского района мы наблюдаем это.

Новый храм воздвигнут в селе Отрадинское, строится комплекс в селе Сторожевое, выделили участок под строительство храма в деревне Первый Воин, создана община в Алябьево, ведутся богослужения в Протасово, восстанавливаются церкви в селах Башкатово и Знаменское.

Если мы, власть, решаем проблемы людей, когда они просят о хлебе насущном – починить крышу, помочь провести газ, водопровод, сделать дорогу, то разве можем мы отказать, когда они просят помощи при строительстве или восстановлении храма? Всеми силами мы стараемся оказать поддержку. То же и при подготовке к великому празднику 900-летия крещения Орловщины.

– В частности, это касается и возведения монастыря в честь святого Кукуши?

– Лет десять назад в район пришли подвижники. Они хотели построить монастырь в честь святого Кукуши, мы помогли им. Помогали и сейчас. В наведении порядка, благоустройстве. Постарались внести свою лепту в это благое дело. Мне вспоминаются слова преподобного Серафима Саровского: «Если на Вашу долю выпала честь строить дом Божий, примите это как великий дар Творца, ибо десница Господня касается того, кто строит храмы...».

Объединяющая вера

– Как вы оцениваете значение духовности, поддержки православных традиций для развития села?

– Я считаю, что вера православная, поддерживаемая подвижниками, является духовным началом, объединяющим всех нас. Мы должны хранить веру, любовь к своей малой родине, любовь к России.

В том году Орловщина отметила 70-летие освобождения от фашистских захватчиков, но отголоски разрушительного смерча, пронесшегося над нашими сёлами и деревнями, слышны и по сей день. Мне очень хочется, чтобы Мценская земля процветала, чтобы сёла и деревни возрождались, чтобы в них были слышны детские голоса и смех, чтобы была жизнь. Считаю, если будет вера в наших сердцах, будет возрождаться село, а вместе с ним и Россия.

Мценский край всегда славился талантами, хорошими и добрыми людьми. Сегодня мы видим, что подвижников духовности, христианской веры становится все больше. Начало человечности – любовь и справедливость, именно этому нас учит православная вера, традиции наших предков.

БОРЗЁНКОВ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ
Генеральный директор ООО «Дубовицкое»

ДУБОВИК. ОПЫТНОЕ ПОЛЕ СТРАНЫ

В июне прошлого года на полях агрохозяйства ЗАО «Щёлково Агрохим» – ООО «Дубовицкое» Малоархангельского района состоялась пятая научно-практическая конференция, в работе которой приняли участие руководители Минсельхоза России, академики, заместитель председателя правительства Орловской области Василий Фёдорович Новиков, руководители и специалисты крупнейших сельскохозяйственных предприятий России и стран СНГ, руководители районной администрации.

Представителям агропромышленного комплекса к рассмотрению была предложена тема «Система управления вегетацией растений – основа высокопродуктивного производства сельскохозяйственной продукции».

Участников конференции приветствовали директор департамента растениеводства, химизации и защиты растений Пётр Чекмарёв и генеральный директор ЗАО «Щёлково Агрохим» доктор химических наук, член-корреспондент РАН Салис Каракотов. Он отметил, что ежегодные встречи переросли в традицию, и выразил уверенность в том, что опыт ЗАО «Щёлково Агрохим» поможет сельхозпроизводителям сделать бизнес рентабельным, а это, несомненно, скажется на развитии сельского хозяйства и экономики страны в целом.

Правительство Российской Федерации ставит перед аграриями непростые задачи, цель которых – обеспечение продовольственной независимости и повышение конкурентоспособности российской сельхозпродукции на международном рынке. Эти задачи успешно решаются на полях сельхозпредприятия «Дубовик». Наше сельхозпредприятие компании ЗАО «Щёлково Агрохим» – опытное поле страны, пример экономически успешного агрохозяйственного комплекса. Его динамичное

развитие обусловлено, прежде всего, применением новых технологий. На полях хозяйства, площадь которого занимает более семи тысяч гектаров, выращиваются зерновые, кукуруза на зерно и зелёную массу, сахарная свёкла, горох, соя, гречиха и другие культуры. В хозяйстве осваиваются элементы, направленные на минимизацию минерального питания и управления вегетацией на всех этапах развития сельхозкультур. Используемые технологии управления урожаем гарантируют высокоэффективное сельскохозяйственное производство в сложном севообороте с уровнем рентабельности за последние пять лет до 80-120 процентов.

В соответствии с планом мероприятия участники конференции осмотрели производственные поля «Дубовика».

Вот поле озимой пшеницы «Московская-56». Оно радует глаз участников семинара своей чистотой и ухоженностью. Это среднеспелый сорт, он устойчив к полеганию и засухе, это ценная пшеница, она обладает высокими хлебопекарными качествами. Средняя урожайность этого сорта у нас в ООО «Дубовицкое» 74 центнера с гектара. В 2014 году на полях хозяйства озимой пшеницей сортов Московская -56,40,39, «Корчанка» было засеяно 2150 гектаров.

На научно-практической конференции, проходившей в Малоархангельске, в кинотеатре «Колос», об особенностях возделывания озимой пшеницы, уровне её рентабельности в хозяйстве подробно рассказал глава Орловского представительства ЗАО «Щёлково Агрохим» Пётр Матвейчук. Он акцентировал внимание аграриев на необходимости хорошего предпосевного протравливания семян как основе будущего урожая. О производстве зерновых, кукурузы информировал участников конференции учёный-селекционер Салис Каракотов, который сообщил собравшимся, что при урожайности 90-100 центнеров с гектара в сухом весе наше хозяйство имеет возможность получать с гектара 80-90 тысяч рублей дохода с гектара. В сельхозпредприятии используют быстро созревающие гибриды. Для сева кукурузы на зерно используют элитные семена, уборка этой культуры проводится в середине октября.

Пётр Чекмарёв сообщил о том, что в прошедшем году в России было собрано 10 миллионов тонн зерна кукурузы. Перед аграриями страны поставлена задача в ближайшие годы довести производство зерна кукурузы до 25 миллионов тонн. В этом году площади, занятые кукурузой, значительно увеличились, и опыт сельхозпредприятия «Дубовик» при этом играет для хозяйств России немалую роль.

На конференции не обойдён вниманием и яровой клин пшеницы сорта «Дарья», которая при правильном уходе даёт стабильно высокие урожаи. Её семена, производимые в ООО «Дубовицкое», неизменно пользуются спросом во многих регионах страны.

Большое внимание было уделено также технологии выращивания сахарной свёклы, урожайность которой держится в нашем хозяйстве на уровне 600 центнеров с гектара. Возможности повышения урожайности этой культуры позволяют свекловодам работать рентабельно, получая высокие доходы.

ЗАО «Щёлково Агрохим» производит у нас, на дубовицком опытном поле, который по праву считается одним из лучших в Европе, восемь иностранных и три российских гибрида семян сахарной свёклы. Цены продукции на 20-30 евро ниже зарубежных аналогов и составляют 70-75 евро. Это сказал член-корреспондент РАН Салис Каракотов. О проблемах устойчиво экологичного агрономического производства проинформировал директор международного института нетрадиционного растениеводства Республики Крым академик РАН Виктор Головин.

Приветствуя участников конференции, заместитель главы правительства Орловской области Василий Фёдорович Новиков от имени губернатора Вадима

Владимировича Потомского поблагодарил учёных и производителей за выращенный урожай и пожелал им дальнейших успехов.

Гудят трактора, везут удобрения на просторы «Дубовика», этого опытного, элитного поля страны, уже с осени закладывая основы будущего урожая.

МЕРКУРЬЕВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА

Первый проректор института искусств и культуры

ГОД КУЛЬТУРЫ – ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ

Целый цикл ярких и незабываемых мероприятий, проведённых Орловским государственным институтом искусств и культуры в рамках Года культуры, завершает фестиваль современного искусства «Созвездие Орла». Международные и межрегиональные конкурсы, фестивали, новые имена, новые открытия в сфере этнографических изысканий – все это бескорыстно нам подарил ОГИИК, без которого сегодня немыслима культурная политика региона.

Что привнёс Год культуры, проведённый в России впервые, в жизнь ОГИИК, давно превратившегося из провинциального вуза в крупный научно-образовательный центр? Насколько важно сегодня обратиться к историко-культурному наследию, которое способно дать мощный толчок всем тем, кто хочет развиваться, а не деградировать?

На эти и другие темы мы побеседовали с первым проректором ОГИИК, кандидатом филологических наук, доцентом Натальей Меркурьевой.

– Наталья Алексеевна, наверное, для студентов и преподавателей ОГИИК Год культуры не отличался от предыдущих, и они работали в привычном ритме. Но что-то, по вашему мнению, витало в воздухе? То, что способно изменить наше общество, заставив его обратиться к историко-культурному наследию?

– Действительно, мы работали в своем обычном напряженном ритме: провели конкурс исполнителей произведений на народных инструментах среди студентов колледжей культуры и искусств конкурс балетмейстерских работ, приуроченных к Дню танца, межрегиональный фестиваль-конкурс вокальных ансамблей «Благодарение», приняли участие в городском конкурсе патриотической песни, дали рождественские спектакли для воспитанников детдомов, домов-интернатов, коррекционной школы №14 г. Орла. В Год культуры следует говорить о патриотической работе: наш поисковый отряд «Факел» принял участие во всех Вахтах памяти и был отмечен не только региональными, но и федеральными наградами. Всё это и есть сохранение культурного наследия края, которому в Год культуры была отведена особая роль.

К сожалению, в предыдущие годы в нашей области об этом вспоминали нечасто. В отличие от областных центров Брянского, Курского, Липецкого регионов у нас долгое время даже не существовало своего фольклорного муниципального ансамбля. Только в прошлом году стараниями ректора ОГИИК Николая Александровича Паршикова был тарифицирован наш фольклорный ансамбль «Каравай», который теперь действует при областной филармонии. Но, к сожалению, по нашей информации, на сегодняшний день уже нельзя сказать со стопроцентной уверенностью, что ансамбль сохранит свой статус. А ведь «Каравай» блистал на мно-

гих сценах мира, его вокалисты пели в Венгрии, Франции, в соборах Праги. Если в соседних областях такие фольклорные объединения горячо поддерживаются, то у нас почему-то они остаются невостребованными. Это как раз к вопросу об отношении к нашей культуре.

– Наверное, настало время напомнить всем нам о самобытности и уникальности культуры Орловского края.

– По выражению нашего земляка, известного писателя Бориса Зайцева, Орловщина «есть место встречи Москвы со степью». Уникальные «южные» традиции, которые берут начало от Курской губернии, перемежаются с традициями Центрального региона. Поэтому у нас такое количество диалектов, песни и танцы у нас совершенно особенные, и их пытаются возродить наш институтский ансамбль «Радуга». Ребята объездили весь мир с концертами, ансамбль является лауреатом многочисленных премий. Европа рукоплещет нашим артистам, потому что это искусство ни на что не похожее, самобытное. Ребята ездят в фольклорные экспедиции, приобретают костюмы, которым по 150-200 лет! Вообще, все наши обряды и традиции свидетельствуют о том, что на Орловщине всегда жили труженики, которые ценили семью, лад в семье, стабильность.

А тот, кто много трудился, не мог быть безнравственным человеком. Тот, кто почитал стариков, понимал, что они — носители традиций, и потому с ними не может и не должно быть конфликтов. Ведь из этих традиций мы все черпаем силы.

Фольклор есть встреча язычества с православием, поэтому он отражает стремление человека к извечным ценностям, подчёркивает нашу привязанность к земле, природе, воспитывает чувство красоты, умение её созерцать, чувствовать и не быть соглядатаем. Соголядамай, у которого нет корней, он ведь пришёл и ушёл, ничего не заметив и не оценив.

– Как лично вы оцениваете уровень культуры нашего общества?

– На мой взгляд, культурный человек — это человек, способный к диалогу. Чем больше он впитал традиций, тем больше способен разговаривать с другими, слышать других людей, ценить их, ценить профессионализм, человечность, быть милосердным, справедливым, — всё это зависит от того, насколько ты культурен или бескультурен. Отсутствие культуры — первый признак деградации человека. Думаю, не всё у нас потеряно.

– Вы воспитываете настоящих подвижников. Ребята готовы работать за маленькие зарплаты, и при этом они будут считать себя счастливыми людьми.

– Если бы они не были энтузиастами, не пришли бы в культуру. После вуза ребята идут в сельские дома культуры, возглавляют музеи, дома творчества, берутся за любую работу, чтобы отдавать другим людям то, что есть в них самих. Наша выпускница Наталья Титова — преподаватель кафедры хорового народного пения, приезжая к себе в село, устраивает концерты для своих земляков, они ждут каждого её приезда. Когда она выступает в нашем зале на пятсот мест, люди стоят в проходах, к нам приезжают из разных городов, чтобы её послушать. И таких имен много. Но кому-то приходится уезжать, чтобы найти работу в другом регионе, в столице. Наши выпускники работают хореографами в хоре им. Пятницкого, поют в мюзиклах, которые ставятся на столичных сценах. К сожалению, распался первый, самый титулованный, состав нашего ансамбля «Мужской стиль», совершенно уникальный, это было сформировавшееся профессиональное содружество. Ребята нашли себя в Академическом ансамбле песни и пляски Российской армии им. А.В. Александрова. Получается, что здесь они не пригодились. Хотелось бы, чтобы местная власть понимала, насколько важно сохранение таких коллективов.

– Год культуры стал по-настоящему знаковым для ОГИИК, которому удалось трижды пройти мониторинг, инициированный Министерством образования и

науки РФ, и оказаться практически единственным вузом культуры, оценённым максимально успешно. Что в ближайших планах вуза?

– В ближайшей перспективе — выборы ректора. Николай Александрович Паршиков прочно ассоциируется с ОГИИК уже на протяжении более чем тридцати лет, и предложенная коллегами кандидатура действующего ректора была однозначно поддержана Министерством культуры РФ.

В рамках действующих направлений мы планируем открыть новые профили: постановка и продюсирование культурно-досуговых программ, менеджмент детско-юношеского досуга, социально-культурные технологии в индустрии досуга, будем пытаться лицензировать направление культурологии.

2015 год объявлен Годом литературы, и хотелось бы, чтобы о культуре всё же не забывали. Мы всё время говорим: литература и искусство, на самом же деле литература — тоже его часть, это тоже великий носитель того самого историко-культурного наследия, консолидация всех замыслов, всех ценностей, всех ориентиров. Поэтому, я считаю, что мы из Года культуры органично переходим в Год литературы.

ГЛАДКОВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА

Директор Центральной городской библиотеки им. Пушкина

БИБЛИОТЕКИ ОРЛА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

За многие годы изменений и реформ, библиотеки стали самым демократичным социальным институтом, распахнувшим свои двери перед широкими слоями населения. Такие перемены были вызваны удивительным свойством библиотек. На протяжении веков столь востребованные обществом очаги культуры точно отражали процессы, происходившие в государстве. Это убедительно прослеживается в своеобразной летописи библиотек Централизованной библиотечной системы города Орла. У истоков этого экспериментального объединения стояла одна из старейших библиотек города Центральная городская библиотека имени А.С. Пушкина, распахнувшая свои двери для первых читателей ещё в 1900 году. Вместе с городом библиотека пережила годы революций и войн, разрухи и возрождения. Весь этот путь Центральная городская библиотека прошла, ориентируясь на лучшие профессиональные образцы и стремление постоянно совершенствовать свою деятельность. Объединение массовых библиотек города принесло очевидный результат, что позволило более полно использовать книжные фонды, избежать неоправданное дублирование в приобретении литературы, дала возможность работникам больше уделять внимания читателям, качественнее удовлетворять их запросы.

Муниципальное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система города Орла» как информационное, культурно-просветительное, досуговое учреждение было создано в 1975 году. В его состав входят Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина, Центральная детская библиотека им. И.А. Крылова, два библиотечно-информационных центра и 16 библиотек-филиалов, расположенных на территории четырех административных районов города. Общий фонд документов, предоставляемый жителям города, составляет более 600 тыс., среди них произведения классической и современной мировой литературы, фонд редкой книги,

аудиовизуальные материалы, CD диски по различным темам. Формирование фондов идёт с учётом потребностей и вкусов пользователей всех возрастов и профессий. А читателями библиотек ЦБС г. Орла являются почти 82 тыс. орловцев – детей, подростков, молодежи, пенсионеров, людей трудоспособного возраста, гостей города.

Сотрудники ЦБС г. Орла всегда стремились к главному: привитию любви к чтению, книге, развитию интересов, организации условий к образованию и самообразованию. И хотя культура всегда была на остаточном принципе финансирования, Централизованная библиотечная система всегда старалась развиваться.

Около ста подвижников стояли у истоков Централизованной библиотечной системы. А создавала и возглавила эту систему заслуженный работник культуры СССР, орденосец Кузина Ираида Андреевна, всю свою жизнь посвятившая развитию библиотечного дела в городе Орле. Нельзя не назвать других работников, внёсших огромный вклад в дело воспитания и привития любви к книге – это, прежде всего, ветераны библиотечного дела: Людмила Николаевна Торопова, более 50 лет проработавшая в Центральной детской библиотеке им. И.А. Крылова, заведующая отделом комплектования Тамара Сергеевна Котляр, заведующая филиалом №13 им. М. Горького Любовь Аркадьевна Сыромятникова и работник этого же филиала Лидия Никифоровна Успенская, заведующая филиалом №1 им. И.С. Тургенева Валентина Ивановна Жидкова и многие другие. Они являлись не только профессионалами своего дела, но и воспитывали молодую смену, которая всегда подставляла своё плечо, не боясь работы и став впоследствии библиотекарями с большой буквы – это Надежда Ивановна Немцова, Светлана Васильевна Радзилович, Лариса Петровна Семакина, Галина Ивановна Иванина, Татьяна Васильевна Сулоева, Елена Васильевна Герасина, Надежда Владимировна Макарова, Галина Александровна Гаврилина, Елена Вячеславовна Горькова, Лидия Васильевна Прыткова, Ирина Ивановна Симонова, Лариса Григорьевна Волкова и многие другие.

Начало 21 века... В книжную индустрию стремительно ворвались цифровые технологии. Компьютерные игры, интернет, сотовые телефоны формируют новый образ жизни. К сожалению, подобный стиль жизни сопровождается стремительным падением интереса к чтению, особенно в молодежной среде. Отныне традиционная книга и Интернет существуют параллельно.

В это непростое для всех учреждений культуры время, библиотеки ЦБС г. Орла смогли быстро перестроиться. Наверное, прежде всего, благодаря слаженной работе коллектива, я стала директором, возглавила Централизованную библиотечную систему г. Орла в 2005 году. В работу орловских библиотек начали внедряться инновационные формы работы в обслуживании читателей, сотрудники библиотечной системы стали активными участниками в разработке и реализации современных библиотечных программ и проектов. Основными принципами деятельности библиотек остались, по-прежнему, общедоступность и открытость для пользователей, полнота и достоверность предоставляемой информации, взаимное уважение. Городские библиотеки стали своеобразными информационными центрами, без которых нельзя успешно функционировать в обществе, ориентированном на информацию и знания.

В течение последних лет библиотеки ЦБС г. Орла активно преобразовываются и приобретают совершенно новое качество, превращаясь в современные информационные центры, благодаря реализации целевых программ по развитию библиотечного дела в городе. Эти программы предусматривают создание новой формы организации деятельности библиотек, где традиционные её функции расширяются созданием фондов на электронных носителях, медиатек, специализированных служб. За последнее десятилетие открыта первая юношеская специализированная библиотека, два библиотечно-информационных центра, один из которых

со спортивным уклоном, три библиотеки переехали в новые отремонтированные помещения с увеличением площадей, 6 библиотек стали именными, открыт первый музей в библиотеке. Для тех, кто предпочитает электронные носители, а таких немало, в библиотеках создаются информационные специализированные центры с выходом в Интернет, работой на компьютерах, справочно-правовыми системами «Гарант», «Консультант», «Законодательство России».

С внедрением новых информационных технологий в практику работы библиотек вошли современные формы работы: презентации, мультимедийные просмотры, виртуальные выставки. У ЦБС появился свой сайт, который позволил удаленным пользователям работать с электронным каталогом, использовать такие услуги, как виртуальная справочная служба и электронная доставка документа. Базовая система взглядов, в соответствии с которой модернизировалась библиотека, включила в себя и работу на виртуальной «молодёжной площадке» – в Интернете, где широко размещаются библиотечные анонсы и новости.

Централизованная библиотечная система города Орла стала в течение последних лет инициатором ряда городских акций и праздников, участницей различного уровня конференций, круглых столов, семинаров. Активно работая в различных направлениях информационно-досуговой деятельности, библиотеки ЦБС г. Орла неоднократно становились победителями городских, областных конкурсов профессионального мастерства.

Нас очень радует тот факт, что в программу «Развитие отрасли культуры в г. Орле» включен конкурс на присуждение муниципальной премии «Лучший работник библиотек», победителями которого уже четвёртый год становятся работники нашей ЦБС. Конкурсы профессионального мастерства не только показывают творчество и многогранность нашей профессии, способствуют выявлению ярких, разносторонне развитых личностей, но и содействуют повышению их квалификации. Как положительный итог можно отметить победу в областном ежегодном конкурсе «Библиотека в социокультурном пространстве региона» среди общедоступных (публичных) библиотек Орловской области. В номинации «Лучший библиотечный специалист» в 2014 году победителем стала Соломина Наталия Васильевна, ведущий библиограф ЦГБ им. А.С. Пушкина, в номинации «Лучшая библиотека» победила Центральная детская библиотека им. И.А. Крылова.

В рамках Года культуры информационная и массовая работа ЦБС г. Орла приобрела новый импульс.

19 марта 2014 года в городе Орле состоялось торжественное открытие Недели детской и юношеской книги «Добрая книга – детям Орла», посвященной Году культуры и Олимпийским играм в Сочи. К орловской детворе приехала Евгения Ярцева, детский писатель из Москвы, член международного творческого объединения детских авторов, член товарищества детских и юношеских писателей России.

В апреле 2014 года в России состоялась третья ежегодная социально-культурная акция «БИБЛИОНОЧЬ». В Год культуры «Библионочь» в Орле была посвящена знакомству с культурой и традициями разных народов. В проведении мероприятия участвовали 4 библиотеки ЦБС г. Орла. Общее число участников составило более 600 человек, 70% из которых – молодежь и дети.

«Библионочь» в ЦГБ им. А.С. Пушкина прошла под названием «Созвездие культур». Русскую народную культуру гостям представили орловский композитор Евгений Дербенко и его ученики-дипломанты многочисленных Международных конкурсов, а также детский фольклорный коллектив «Забава».

Песенный калейдоскоп с украинскими, молдавскими и цыганскими мелодиями подарил гостям ансамбль «Славица». Удивительные, мелодичные песни поко-

рили зрителей и погрузили в сокровищницу народной культуры. Студенты ОГУ, факультета по работе с иностранными учащимися, познакомили участников «Библионочи» с традициями народов Китая, Вьетнама, Кореи, Курдистана.

На нескольких площадках одновременно можно было увидеть национальные танцы, поучаствовать в красивейшем обряде – китайской чайной церемонии, оценить национальные блюда русской кухни. Блины с мёдом и вареньем, гречневая каша, как оказалось, нравятся не только россиянам, но и представителям других культур. В эту долгую ночь гости библиотеки успели принять непосредственное участие в мастерской рукоделия и творчества, фотосалоне и импровизированной парикмахерской.

Дням славянской письменности и культуры и общероссийскому Дню библиотек была посвящена традиционная Неделя «библиотеки – городу, город – библиотекам». Эта Неделя была насыщена различными мероприятиями, среди них – акция-пленэр «Библиозона для летнего газона» на улице Ленина (ЦДБ им. И.А. Крылова), акция «Читающий бульвар» на площади перед КДЦ «Металлург» (юношеская библиотека – филиал № 8). В свой 115-летний юбилей Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина устроила День читательских удовольствий с яркими и интересными выставками, акциями, экскурсиями, творческими встречами, кинопросмотрами и мастер-классами.

В этом году исполнилось 215 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Основные торжества под названием «День с Пушкиным» начались 6 июня на Университетской площади у памятника А.С. Пушкину литературным праздником «Звонкое пение Пушкинской лиры», который по традиции организовали Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина и орловский Дом литераторов.

Здесь же состоялось награждение призёров краеведческой онлайн-викторины «Пушкин и Орловский край», которая состоялась на сайте Централизованной библиотечной системы города и была посвящена 215-летию А.С. Пушкина и 115-летию ЦГБ им. А.С. Пушкина.

В библиотеках города большое внимание уделяется популяризации творчества орловских писателей. В ЦДБ им. И.А. Крылова этому был посвящён цикл встреч «Живёт в Орле писатель».

Накануне Дня города на центральной улице города Орла – улице Ленина состоялась акция «Орёл – третья литературная столица».

Организована она была по инициативе Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина, Центральной детской библиотеки им. И.А. Крылова при участии семи библиотек централизованной библиотечной системы города, носящих имена орловских писателей.

Вживаясь в образы дам XIX века, библиотекари раздавали прохожим флаеры с информацией об орловских писателях, библиотеках, о любимых блюдах наших классиков. Здесь же были развёрнуты выставки о жизни и творчестве И.С. Тургенева, А.А. Фета, Н.С. Лескова, Л.Н. Андреева, Д.И. Блынского и других.

На празднике упоминались важные события из жизни орловских писателей и поэтов, читались их произведения, звучали замечательные романсы и песни, в том числе на стихи орловских поэтов. Украсили литературный праздник участники студии исторического танца «Дворянское гнездо».

Большим достижением года можно назвать реализацию проекта по соединению книги и спорта в единое информационное поле и созданию библиотеки нового типа. В апреле этого года в рамках Года культуры состоялось торжественное открытие библиотечно-информационного центра на ул. Московской, 78, одним из основных направлений которого стало продвижение спорта в молодежную и подростковую среду, здорового образа жизни.

В октябре в рамках ведомственной целевой программы «Развитие отрасли культуры в городе Орле на 2014-2016 г.г.» состоялось открытие Центра экологической информации «Здоровый город» на базе филиала № 10 им. Н.М. Рубцова. Деятельность Центра позволит систематизировать материалы по экологическому просвещению, разнообразить обучающие, информационные формы, сделать экологическую информацию доступной.

Несмотря на достигнутые положительные результаты можно отметить и некоторые проблемы. Охотно поддерживая внедрение новых технологий, приобретение компьютерного и другого оборудования, электронных ресурсов, администрация нашего города не видит смысла в обновлении фондов на печатных носителях. На протяжении многих лет проблемной остаётся ситуация с комплектованием фондов библиотек, объем которых на протяжении последнего десятилетия уменьшается. Фонды ветшают, устаревают, сохранить их в должном состоянии с каждым годом становится всё сложнее. Единственным выходом из сложившейся ситуации видится перевод некоторых изданий в электронный вид. Однако это не решит полностью проблему. Ведь финансирование комплектования с каждым годом становится все меньше, соответственно сокращается и количество новых поступлений. Как следствие этого невыполнение на протяжении нескольких лет показателей книгообеспеченности и обновляемости фонда.

Всё острее в последнее время становится проблема кадров, и лозунг прошлых лет «кадры решают всё» становится все более актуальным. На сегодняшний день в ЦБС трудятся 128 работников. Снизился процент специалистов со специальным образованием. Все больше к нам приходят работники из других сфер деятельности. 57 процентов работников имеют высшее специальное образование, 26 процентов – высшее другое, 13 процентов – среднее специальное, 4 процента – среднеспециальное другое.

Процент работников со стажем свыше 10 лет (80 процентов) остается неизменным на протяжении последних лет. Можно отметить, что кадры ЦБС проверены временем, с большим опытом работы. Но с другой стороны, нам необходим приток молодых специалистов. В городе есть прекрасная база по подготовке высококвалифицированных специалистов: колледж искусств и культуры и Орловский государственный институт искусств и культуры. Однако молодые специалисты неохотно идут работать по специальности, прежде всего, из-за низкой заработной платы. По этой же причине уходят из профессии и специалисты с опытом работы.

И все же эти проблемы не могут помешать муниципальным библиотекам Орла активнее вливаться в жизнь города и становиться для его жителей не только информационными центрами, но и центрами досуга, общения и творчества.

ТАРАБРИНА ЗОЯ ФЕДОТОВНА
Журналист

К ТУРЕНЕВУ В БАДЕН-БАДЕН

По давней традиции сотрудники музея И. С. Тургенева совершают экспедиции по местам, отмеченным и описанным в произведениях писателя. Долго вынашива-

лась идея посетить места за границей, где он жил, встречался с друзьями, творил. И вот осенью мечта сбылась.

Помог случай. Есть в немецком городе Баден-Бадене Тургеневское общество. В том году оно отметило своё 20-летие. В связи с чем и пригласили в гости членов Тургеневского общества города Орла. Чтобы достичь цели, нам пришлось на автобусе пересечь Германию с северо-востока на юго-запад, почти до границы с Францией. Наша первая остановка – Берлин. Поселившись в гостинице, мы, в первую очередь, посетили Трептов-парк, мемориал, посвященный советским воинам-освободителям, поклонились их праху, возвратившись памятью к событиям 1945 года.

На следующий день мы отправляемся в центр Берлина на улицу Унтер ден Линден, по которой, предполагаем, студент Иван Тургенев ежедневно ходил в университет. Перед фасадом главного здания университета – скульптура двух известных учёных – братьев Гумбольдтов, один из которых Вильгельм основал этот университет в 1809 году. С волнением входим в здание, идём по коридорам. На стенах портреты учёных, которые в разное время здесь учили студентов. Здесь молодой Тургенев слушал лекции по философии, филологии, истории. Учёба в Берлинском университете стала значительным этапом в образовании и развитии личности будущего писателя с мировым именем. В развалах книг, продаваемых рядом с университетом, мы нашли и купили книгу Тургенева на немецком языке.

Не могли мы не посетить музей Пергамского большого алтаря Зевса, находящийся неподалеку от университета. Просторные залы музея, грандиозные рельефные фризы с изображением битвы богов с гигантами оставляют неизгладимое впечатление. Интересно, что в 1880 году Тургенев, будучи проездом в Берлине, тоже посетил этот музей и смог увидеть ещё лежавшие на полу и собираемые специалистами в целое тысячи пронумерованных фрагментов этого бесценного памятника древности. Свои впечатления писатель изложил в статье «Пергамские раскопки».

И снова в путь – в Баден-Баден. В 1863 году И. С. Тургенев писал другу: «Через восемь дней я уезжаю из Парижа и переселяюсь в Баден-Баден. Не приедете ли вы туда? Там есть такие деревья, которые я нигде не видел». В другом письме из Баден-Бадена он писал Фету: «Край чудесный, зелени пропасть, деревья старые, тенистые, изумрудным мохом покрытые, виды красивые, добрые знакомые...».

И действительно Баден-Баден – райский уголок, бальнеологический и климатический курорт на реке Оос у подножия гор Шварцвальда. Земля богата источниками целебной воды, излечивающей от многих недугов. Но главное нас ждали друзья, поклонники творчества Тургенева.

Большой знаток всего, что связано с пребыванием русских в «летней столице Европы», – Ренате Эфферн, президент Тургеневского общества, лауреат медали Пушкина (2006г.), автор «Путеводителя по Баден-Бадену», понимает, что нас интересует всё: город, достопримечательности, климат, пребывание здесь Тургенева и других писателей.

Она встретила нас у курзала, который был и остаётся центром города. Здесь-то и происходило всё, что описано в романе «Дым», который так и начинается: «10 августа 1862 года, в четыре часа пополудни, в Баден-Бадене, перед известною «Conversation», толпилось множество народа. Погода стояла прелестная... всё улыбалось как-то слепо, доверчиво и мило, и та же неопределённая, но хорошая улыбка бродила на человеческих лицах...». Таким нам и предстал город.

Вот театр, открытый в 1862 году, где, несомненно, бывал Тургенев, присутствовал на бенефисе Полины Виардо, устроенным ею в пользу нуждающихся горожан.

Вот казино – красивейшее в мире. Это гордость Баден-Бадена. Расположен он в правом флигеле курортного пансионата. Мы воочию убедились в великолепии и роскошном убранстве его залов. Красный зал, Флорентийский зал, зал 1000 свечей, салон Помпадур... В процессе экскурсии слышали немало курьёзных историй, происшедших здесь с любителями азартных игр. Именно здесь испытал рулеточную лихорадку Ф.М. Достоевский, о чём подробно описал в романе «Игрок». Л.Н. Толстой тоже, проиграв здесь весь наличный капитал, пережил нравственные муки унижения, о чём оставил дневниковую запись, а пребывание в Баден-Бадене описал в рассказе «Семейное счастье».

Перед казино большая зелёная площадь. Недалеко питьевой павильон «Тринкхалле», вестибюль которого длиной в 90 метров, удерживают шестнадцать коринфских колонн. И сейчас здесь можно набрать воды из минерального источника, посмотреть настенные росписи бювета, каждая из которых – легенда о Баден-Бадене. Одна из них подвигла Тургенева к написанию рассказа «Призраки»

Напротив бювета отель «Европейский двор». У входа на стене две мемориальные доски. Одна из них посвящена героине романа «Дым» Ирине Ратмировой. Она жила в этом отеле с мужем-генералом и встречалась с другом Литвиновым. В зимнем саду отеля – «Русский салон». О пребывании здесь русских рассказывают портреты царствующих особ, писателей и других известных лиц. В шкафу – книги с произведениями Тургенева, Пушкина, Достоевского, Гончарова, Толстого на русском языке. Их можно взять и тут же почитать.

Отсюда вдоль реки Оос более чем на два километра – великолепная Лихтенталевская аллея, представляющая собой прекрасный зелёный салон под открытым небом. Здесь происходили все события, описанные в романе. Тут гулял Тургенев. Приезжая в Баден-Баден, он часто ходил в гости к семье Виардо, по пути пересекая аллею. Позже он построил виллу рядом с их домом. Сейчас она продана в частное владение. На воротах табличка: «Вилла И. С. Тургенева».

На Лихтенталевской аллее в 2000 году установлен бюст писателя – работа скульптора Юрия Орехова. На постаменте высечено на русском и немецком языках: «Иван Сергеевич Тургенев, годы жизни» 1818-1883» и годы пребывания в этом городе «1863-1870». У бюста венки, на ленте надпись: «Тургеневское общество Баден-Бадена друзьям из Орла». Тургенев стал как бы постоянным жителем этого города. Встретившийся пожилой немец рассказал, что каждое утро, проходя по аллее, он говорит ему: «Доброго утра, Иван Тургенев», а возвращаясь обратно: «Доброго вечера, мой друг!»

Русские писатели увековечили этот город в своих произведениях, их имена занимают важное место в его исторической летописи. Здесь в 1836 году был Н.В. Гоголь. На здании, где он жил, установлен барельеф, иллюстрирующий его рассказ «Нос». Четыре года со своей семьёй жил В.А. Жуковский, на аллее ему поставлен памятник. В 1867 году здесь был Ф.М. Достоевский с женой. На втором этаже дома, где они жили, установлен его бюст, а в 2004 году в городском парке Ротенталь поставлен ещё один памятник – трехметровая бронзовая скульптура босого писателя на сплюснутом глобусе Земли.

Вечером состоялась встреча двух Тургеневских обществ. Орловская делегация показала фильм о местах, связанных с именем писателя в городе Орле. Организатор и вдохновитель поездки – председатель Тургеневского общества, к. ф. н., заслуженный работник культуры РФ Л. Балыкова, В. Ефремова – директор объединенного Государственного литературного музея И.С. Тургенева и её заместитель Л. Дмитрихина выступили с докладами о направлениях исследовательской работы. Руководитель студенческой театральной студии «Ювента», доцент филофака ОГУ Н. Смоголь и научный сотрудник музея А. Бушунов поставили отры-

вок из пьесы Тургенева «Месяц в деревне». Баденцы исполняли русские песни и романсы.

Побывали мы и в Веймаре, «под небом Шиллера и Гёте», где поэтический дух присутствует всюду. Здесь долгие годы жили, творили и закончили свой жизненный путь эти два величайших гения. В центре Веймара на главной городской площади оперный театр, директором которого когда-то был Гёте. В этом театре в 1869 году с успехом была поставлена оперетта Виардо «Последний колдун» (либретто И. С. Тургенева).

На старинном кладбище посетили усыпальницу Гёте, а также совершили экскурсию по городу, где заботливо хранят память о великих людях. Это и старый парк, заложенный когда-то Гёте, музеи и памятники. Рядом с музеем Гёте мы с радостным удивлением увидели памятник нашему великому гению А. С. Пушкину, которому, по преданию, Гёте передал свое поэтическое перо.

В Гейдельберге познакомились с историей старейшего в Европе университета (1386г.), где на протяжении веков обучались лучшие представители европейской молодёжи; прошли по улице, где жили русские студенты, находилась русская библиотека, нашли здание гостиницы, где останавливался Тургенев. Университет расположен у подножия горы, на вершине её старый замок, о котором Тургенев упоминает в романе «Дым». На университетской площади плита с надписью, напоминающая, что здесь 17 мая 1933года нацисты жгли книги, неудобные их идеологии. Тургенев не раз бывал в этом городе не только для того, чтобы насладиться красотой здешней природы, набраться русских впечатлений, но и по причине недуга, обратиться за советом к опытному врачу.

Незабываемое впечатление осталось от посещения Франкфурта-на-Майне – банковской столицы Германии. Во время войны он на 80 процентов был разрушен, но по счастливой случайности, а может по старанию хранителей, известный здесь музей Гёте сохранён в целостности. Великолепное трёхэтажное здание, где жили его родители, прошло его детство и отрочество. В музее сохраняется обстановка того времени, убранство комнат, домашняя утварь... Особенно берегут здесь три ступеньки в неизменном виде со следами маленького, но великого в будущем поэта. Тургенев бывал в городе в 1838 и в 1840 годах, где, возможно, с ним и произошло любовное приключение, описанное в повести «Вешние воды».

Познакомились мы с достопримечательностями городов Карлсруэ, Кель-на-Рейне, Страсбурга. Экскурсионный маршрут по тургеневским местам Германии опробован и, возможно, станет регулярным. Поездка раскрывает глубокое значение жизни и творчества И.С. Тургенева. Своё пребывание за границей он сумел поставить на службу Родине. Благодаря ему русская литература стала достоянием европейских читателей, а произведения зарубежных писателей его эпохи были переведены на русский язык.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БЛОК

Очерки

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

СИМВОЛ БЛАГОПОЛУЧИЯ, ЕДИНСТВА ФИЗИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

(Глава из повествования «О Библейских травах»)

Наисвященнейшим из священных во все времена человеческой истории считается хлеб насущный. В Библии пшеница – символ духовного питания, упоминается пятьдесят два раза, а ячмень – символ телесного питания – сорок шесть раз! С ветхозаветных времён оба эти растения занимают особое место в жизни людей, и называются первыми богатствами земли обетованной. Оттого и не удивительно, сколь часто встречаются они и в Ветхом, и в Новом заветах.

Обращается внимание на то, что пшеница – пища человека, а ячмень – пища животных. С точки зрения символики это разделение подчёркивает влияние, которое оказывают они на внутреннее состояние человека. Пшеница (по Священному Писанию) действует на духовную жизнь, а значит, и пробуждает стремление к возвышенному, к Господу. Ячмень, укрепляя тело, способствует проявлению животного начала. Вместе же они символизируют духовное и физическое единство.

Предуведомляя приход Христа, который отделил Добро от Зла, Иоанн Креститель сравнивал Добро и Справедливость с пшеничным зерном: «Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжёт огнём неугасимым».

Хлеб, как символ, имеет огромное значение в Христианстве. Именно поэтому монастыри, как оплот веры, стали хранителями традиций хлебопечения, как для ритуальных действий: причащения и благословения, так и для обеспечения монахов, а порою и всего прихода питанием.

До 12 века на Руси выпекали белые хлеба, а кислые ржаные – «чернушку» начали изготавливать намного позже. По свидетельству старорусских летописей, хлебопечением испокон веков славилась обитали. Здесь, кроме просфор, выпекали калачи и сайки, изделия с творогом и маком, пироги со всевозможной начинкой.

Своим вкусным хлебом известны Печёрская лавра и Троице-Сергиевский монастырь. Считалось, что монахи владеют особыми секретами приготовления хлеба, которые держатся в строжайшей тайне и передаются из поколения в поколение. И, что очень важно, в тесто добавляют освящённую воду, а печь растапливается от огня неугасимой лампы.

В настоящее время посевы пшеницы занимают примерно 1/5 часть всей обрабатываемой земли. Среди её разновидностей различают: озимую, яровую, полую озимую форму и двуручку (даёт урожай и при весеннем, и при осеннем посеве). Железнодорожные вагоны, наполненные собранной за год со всего света пшеницей могут дважды опоясать земной шар по экватору!

В России хлеб – не просто важнейшее, главное, блюдо национального стола, а символ благосостояния народа. И поныне мы судим об общем поднятии цен, когда дорожает хлеб.

В следующих пословицах можно увидеть, как люди относились к хлебу и деньгам, как сравнивали для себя их значимость.

Тот счастлив, у кого есть хлеба с души, платья с тушу, денег с нужу.

Береги хлеб в углу, а деньги – в узлу.

Хлеб-соль – платное дело.

У богатого груз на корабле, у бедного хлеб на уме.

Хлебу – мера, деньгам – счёт.

Тяжёлым трудом добывали наши предки себе пищу, потому что знали: не посеяв, не пожнёшь. Исстари на Руси говаривали: «Горька работа, да хлеб сладок».

При молотье пшеницу раскладывали ровным тонким слоем и били по ней (молотили) цепом. Зёрна освобождали от шелухи, подбрасывая выколотченную массу на ветру. Зерно мололи на муку, а шелуху сжигали.

«Готовую жатву подрежут серпами,

В снопы перевяжут, на ригу свезут,

Просушат, колотят-колотят цепами,

На мельнице смеют и хлеб испекут».

В народном сознании прочно укрепилась мысль о том, что хороший человек, всегда отломит от своей краюхи бедствующему, поделится не столько мыслями, сколько достатком, т. е. хлебом насущным. Отсюда пошли и многочисленные обычаи, связанные с хлебом.

Прост, привычен хлебушко, но ничем его не заменить! Он вкусен в любое время года, в любом возрасте, при любом расположении духа.

Подмечено, что при болезни вкус к хлебу теряется в последнюю очередь. Лишь только он объявится снова, можно надеяться на скорое выздоровление.

Несколько веков назад жизнь не только русского, но и многих народов на земле, была подчинена ритму природных изменений. По весне поля засеивались, в летний период на них работали, ухаживали за посадками, наступала осень – торопились с уборкой урожая, подкатывала зима – ели то, что смогли выходить в благоприятные месяцы и дожидались новой весны. Отсюда – «Хлеб – всему голова!»

Как слово «мама», которое похоже звучит почти на всех языках, так и хлеб, рецептов которому множество, есть в любой стране.

Издавна на Руси по Великим дням пекли праздничные хлеба, гостей всегда встречали хлебом-солью. На Рождество подавались пироги со всевозможной начинкой: мясной, рыбной, грибной, ягодно-овощной.

На Пасху не было дома, где бы хозяйка ещё в четверг не ставила бы тесто на куличи, не ходила бы святить их вместе с крашеными яйцами в церковь, где бы потом вся семья не разговлялась освященной пасхой, куличом, крашенками.

А в Фомино воскресенье (на Красную горку) в конце литургии верующим раздают священный хлеб – «антидор». Этот хлеб представляет собой небольшие кусочки просфоры, из которой во время первой части литургии была извлечена середина (Агнец) для причастия. Священный хлеб принимается по строгим, особым правилам: правую руку укладывают на левую ладонями вверх, так, чтобы они образовали крест. Вкушают антидор натошак, тут же в храме.

На десятый день после Пасхи на Руси отмечали, и по сей день отмечают Радунцу или день поминовения Родителей. Каждая семья обязательно берёт с собой хлеб, вино и другую пищу и отправляется на погост. Всех, кто встречается на пути, угощают хлебом, яичком или конфеткой «за помин души». Угощая усопшего и птиц, на могилу крошат хлеб и яйца. Устраивают трапезы. На могиле оставляют

стакан водки с куском хлеба. Церковь является противницей этого языческого обряда: по христианским канонам выпивать, есть самому или оставлять хлеб на могиле для усопшего нельзя. Но, видать, жива ещё древняя традиция, со времён, когда наши праотцы русичи справляли по своим соплеменникам долгие тризны.

Хлеб брали с собой, отправляясь свататься, хлебом и солью встречали гостей и молодых по возвращении после венчания. Да и в невестином приданом можно было обнаружить краюху домашнего хлеба. И в люльку к новорожденному подкладывали ломтик – оберег.

Молодками, наши прабабки использовали для поддержания красоты такой рецепт: «Колоса пшеничного цвет утри мелко и смешай с белок яичной, доспей, как мазь, и мажь...»

Старики строго следили за молодёжью, чтобы та бережно обращалась с «хлебушком», т. к. считалось, что и вся краюха, и каждый её кусочек, даже малюсенькая крошка, воплощали собой долю человека. И от отношения к «кормильцу» зависит здоровье, сила и удача. Поэтому самым большим грехом на Руси считалось обронить хотя бы крошку хлеба, и ещё страшнее растоптать её ногами.

Существовало очень много примет, связанных с зерном и хлебом.

Дашь во время еды хлеб со стола собакам – постигнет бедность.

«Добро сеять при полном месяце!», при молодом и стареющем месяце посевов не начинали.

Нельзя есть за спиной другого – съешь его силу.

Нельзя доедать хлеб за другим – заберёшь его счастье.

Не начинай новой ковриги на закате и после. Хлеб не уродится. Хозяйство порушится.

Если же всё-таки в это время надо отрезать хлеба, горбушку сохраняли и приставляли к начатой краюхе.

С детских лет ребяташки помнят загадки и считалки о зерне и хлебе.

Катилась торба

С высокого горба.

В этой торбе хлеб, соль, пшеница.

С кем ты хочешь делиться?

Традиционно хлеб на Руси делится на множество сортов и по разным критериям. Тут и различия в муке, и размер изделия, и отличия в рецептуре. К примеру: хлеб, более двух килограммов в одной краюхе, до середины XX века считался весомым, т. е. продавался на вес. Штучным хлебом являлись батоны, сайки, ватрушки, т. е. белый хлеб.

Известны три вида национального русского хлеба, которые пользуются неуклонно растущей популярностью: сайка, ситник и калач.

Подумать только, «бородинский», «заварной» и «красносельский» были известны уже в средние века!

Правда, о появлении, например, бородинского бытует несколько различных легенд. Одна из них гласит, что этот хлеб изобрели монахи Спасо-Бородинского монастыря, основанного вдовой генерала Тучкова, героически павшего под Бородино. По другой версии, рецепт «бородинского» известен ещё с 15 века. И был он на Руси чёрным поминальным хлебом. Существует и третья история, будто бы в обоз с провизией (опять же под Бородино) попало ядро. Мука смешалась со специями: тмином и кориандром. Полковые повара измудрились всё-таки испечь хлеба. На удивление, вкус оказался необычным, но замечательным. Такие ходят истории о всеми любимом бородинском.

Ни стол деда, ни стол отца, ни стол моей семьи никогда не накрывался без хлеба. Не зря же у русских принято, что «хлеб – всему голова». А значит, и главные заботы, надежды, печали и радости крестьянские испокон веков тоже связывались

с ним. Достаток хлеба всегда считался символом материального благополучия. Сколько слов можно обнаружить в русском языке для обозначения главного национального продукта! Каравай, хлебешек, хлебешко, пицца, еда, доход, заработок, булка, пропитание, калач, хлебец, гренка, жито, житник, печево, бухонец, буханка, валок, плетёнка, ситник, кулич, чернуха, чернушка, черняшка, черняга, беляшка, паляница, ржаник.

Именно хлеб издревле приносился в жертву Господу. У восточных и западных славян было принято класть хлеб перед иконами, как бы свидетельствуя этим о своей верности Богу. В церкви стоит столик, на котором и поныне можно видеть приношения верующих: будь то пшеничная плетёнка, маковый батон, кулич или печенье. Читаем в Библии: «Если какая душа хочет принести Господу жертву приношения хлебного, пусть принесёт пшеничной муки, и вольёт на неё елея, и положит на неё ливана».

За всю нескитанную историю войн, не было ни одного случая, чтобы налагаемая контрибуция не включала «хлебного» пункта.

Припоминается из детства (когда я помогала в жатву землякам), как счастливо на опалённых июльским солнцем лицах светились глаза хлеборобов, как сама, поддаваясь общему радостному настрою, не ведала устали: принимала на грузовике от комбайна только что обмолоченное жито, или с подругами на незатихающем в страду ни днём, ни ночью стареньком колхозном току просушивала целые горы «мужицкого золота». За уборочную одежда, волосы и тело насквозь пропитывались духовитой «новиной», словно бабушкина краяха.

Как сейчас помню ни с чем несравнимый запах только что вынутого из печи хлеба. Замешивали тесто и «сажали» хлеба ещё затемно, а когда из кухни аромат свежих краях расплывался по хате, невозможно было улежать в постели, не выскочить в сенцы, не откинуть домотканое полотенце, под которым на лавке доходил хлебешко, не отломить поджаристую, шершавую, но такую лакомую, ещё тёплую хрустящую корочку.

Правда, исконно русским хлебом всегда считался ржаной. Полагают даже, что, если убрать его со стола, русские будут более подвержены плохому настроению и стрессам. Предпочтение ржаному хлебу – не привычка, а неотъемлемая часть нашей жизни, символ национальной самобытности.

Как заверяет авторитет в области поваренного искусства В. Похлёбкин, разделение церквей на католическую и православную произошло в значительной степени из-за хлеба. В середине XI века в христианской церкви разгорелся спор об евхаристии: следует употреблять квасной (кислый) хлеб, как это делалось в Византии и на Руси, или пресный, как это повелось в католической церкви. Византия, опасаясь потерять поддержку могучей Руси, вынуждена была выступить против запрета папы Льва IX употреблять кислый хлеб.

Но испокон веку выпекались на Руси и пшеничные, и овсяные, и ячменные, и хлеба, из муки сразу нескольких зерновых.

При чём у каждой хозяйки имелись свои хитрости-премудрости. Как правило, хлеба ставились в каждом доме раз в неделю. Рецепты теста бережно хранились и передавались от матери к дочери.

Неотъемлемой частью русской кухонной утвари была дежа – деревянная кадушка для заквашивания теста. Мерой объёма муки являлась четверть (около 210 литров), объём жидкости измерялся ушатом (20 – 25 литров), часто при взвешивании употреблялся фунт (400 г.).

В каждом магазине теперь полки ломаются от хлеба. Но исчез со временем куда-то тот вкус и аромат, которым были пропитаны бабушкины краяхи. Может закваска теперь иная? Мучицы, соли-сахарку не в меру? А может, оттого, что не помнят

современные пекари, что перед таким великим делом, как выпечка хлебов, надобно обязательно помолиться.

Помнится, раным-ранёшенько, лишь забрезжит, слышался у Божницы еле внятный бабулин шёпот: «...хлеб наш насущный дасть нам днесь...», и лишь потом, «поздоровкавшись, потолковав с Господом», шла она на кухню, бережно хлопотала над закваской.

Правильное её приготовление и придавало хлебам кисловатый, ни с чем не сравнимый аромат. И сейчас ещё хранится у меня тот, бабулин, рецепт настоящего русского хлеба. На полкило муки брала она немного дрожжей, граммов 25, не больше, соединяла с чуть тёплой, как парное молоко, родниковой водой. Откинув творог на марлицу, собирала сыворотку, с полстаканчика подливала в кадку, смешивала с мучицей и дрожжами не спеша («кормить» закваску надобно не торопясь, умеючи).

Хорошо вымесив, накрывала дёжку льняным рушником, сверху наваливала дедушкин старенький тулуп и водружала на лавку, поближе к печке. Тесто бродило в тёплом месте около суток.

Оно «не любит» сквозняков, поэтому форточка на кухне, пока бабуля занималась хлебами, закрывалась наглухо. Опытная хозяйка, она отсылала дедушку вместе с его крутым самосадом в сенцы или во двор – квашня впитывает сильные запахи.

На двухкилограммовую краюху брала она 130 г. закваски, около литра воды, столовую ложку соли. Приступая к приготовлению хлебов, разводила в тёплой водичке треть приготовленной муки, добавляла закваску.

Как сейчас вижу: стоит она, склонившись над кадкой, рукава ситцевой кофточки закатаны выше локтей, волосы прибраны под беленький подшолок, хлеба замешивает. Руки ходят споро, сноровко. Отщипнёт кусочек, понюхает, пожует, и поставит опять бродить-выхаживаться в тёплое место, теперь уже на полдня. Только за это время от дёжи уже далеко не отойдёт: заглядывает, принохивается. А как время подойдёт, обомнёт да снова перемешает, добавив по вкусу соли, всыпав оставшуюся муку. И опять на часок, в тепло, теперь уж в последний раз.

В детстве, оставленная родителями на бабулин пригляд, крутилась и я подле печи, докучала ей своими приставаниями: «Расскажи, да расскажи какую-нибудь сказку-побасенку». Перебрав всеми известные, начинала она выдумывать свои. А потом уж и сама путалась, где её выдумки, где услышанные ею от бабушки, когда она и сама девчонкой была.

Небережливая память сохранила всё-таки, на мою радость, одну из таких сказок. Может, оттого она мне и запомнилась, что простая, родная, словно бабулина краюха.

Жил-был в стародавние времена на нашем хуторе богатый мужик. Имел не малое хозяйство. А пуще всего дорожил и гордился своим ветряком, мельницей.

Как-то раз проходил мимо его мельницы нищий. Дело было осенью. Вокруг стояли подводы, с наваленными на них мешками. Зерно сыпалось в жернова рекой. Горы муки заполняли мельницу. Подступился нищий к богачу и стал просить милостыню. Подай, мол, за-ради Христа на пропитание, два дня ничего не ел.

Рассердился на него мельник, даже не взглянул, велел выдворить попрошайку прочь. Пошёл обездоленный по просёлку не солоно хлебавши. Уж из виду скрылся, как догоняет его на телеге мужик, приехавший молотить зерно, да ненароком увидавший, как мельник с беднягой обошёлся. Жалко стало крестьянину несчастного. Располовинил он своё зерно, а нищий в ответ лишь благословил участливого мужичка, да трижды перекрестил во след.

Посмеялся богач над сердобольным крестьянином, завидя, сколько у того осталось зерна. Но как стали молотить, то из полмешка зерна намололось двадцать мешков муки.

А в конце сказки бабуля непременно добавит: «Нет богатства, касатка, дороже, чем творить добро!»

Обсыпав стол мукой (чтобы к нему не прилипали сырые хлеба), смазав маслом руки, поделит она тесто на краюхи, смочит их водой, загладит, чтобы не трескались, да посадит деревянной лопатой часа на два, на три в печь. Да не забудет туда же задвинуть рогочами и небольшой чугунок с водицей (чтобы хлебушек пропекался равномерно).

Готовность проверит длинной тонкой лучинкой. Проткнёт в середине, коли пропеклось, так и тесто к лучинке не клеится. Пора! Для хозяйки подоспела самая радостная, самая волнительная минутка. А ну, как хлебец не задался? Но за своё долгое стояние у печи бабуля уже с закрытыми глазами могла завести тесто, испечь такие хлеба, что помнятся мне спустя полсотни лет!

Краюхи выносили в сенцы, укладывали на выскобленную хлебную лавку, смачивали (чтобы корочка не была слишком твёрдой) горячей водой, укрывали домоткаными рушниками и оставляли доходить.

А чтобы выпечка подольше хранилась, не черствела, рядом с хлебами ставили корзину яблок. Свежий хлеб не любит ни солнца, ни холода, поэтому спустя время, хлеба переносили в кухню, размещали на полках деревянного буфета. Для того чтобы в нём не появлялся запах залежалого хлеба, время от времени стены и полочки протирали тряпицей, смоченной в яблочном уксусе. А чтобы на краюхах ненароком не объявилась плесень, в уголке буфета стоял стаканчик с тряпочкой, обрызганной йодом. Простецкие ухищрения, а хлеб не портился целую неделю... С мыслями о хлебе мне всегда приходят мысли о родном доме, о самом светлом, радостном.

Ведя разговор о пшенице, невозможно не вспомнить о её полудикой сестре – полбе, её наиболее древнего и неприхотливого вида, имеющего ломкий колос и невымолачиваемое из плёнок зерно. В Библии речь идёт о полбе-двузернянке. Уже по названию видно, что большого урожая от этого растения ждать не приходилось. А потому в Святом Писании она служит символом жизненных ограничений, бедности. Пророк Иезекииль, по Господнему повелению, в знак наступления для иудеев тяжких испытаний, должен был испечь особый хлеб, из дешёвой муки, из смеси зерновых с добавлением бобовых. Господь дал пророку совет, как выпекать хлеб такого рода: «Возьми себе пшеницы и ячменя. И бобов и чечевицы, и пшена и полбы, и всыпь их в один сосуд, и сделай себе из них хлебы, по числу дней, в которые ты будешь лежать на боку твоём; триста девяносто дней ты будешь есть их». (Иезекииль, 4:9)

Сметливый русский мужик тоже истари ценил полбу. Хотя и урожай её с гulyкин нос, зато и «заморачиваться» с посевом и уходом не надо. Злак этот не требует особых природных условий. Дичок, он и есть дичок. К тому же колосья его не осыпаются при созревании. По причине своей выносливости и неприхотливости полба произрастает повсеместно, даже в Сибири. Ни буйные ветры, ни проливные дожди не способны склонить этот стойкий злак. К тому же, растение это вообще не болеет. Уж как оно справляется с вредителями, один Бог ведает, только нечисть эта обходит полбу стороной. И сорняк остерегается селиться в полбе, поскольку она не позволяет ни одному растению проникать на её территорию.

Ещё в XVIII веке полба выращивалась на Руси повсеместно: и в центральных, и в южных, и даже в северных губерниях. Каша из этого злака была частым, почти повседневным, кушаньем на крестьянских столах. Многовековой житейский опыт подсказывал, что в ней находится очень много веществ, придающих человеку силу и выносливость. Хотя и груба полбяная каша, но полезна и питательна. Современная наука утверждает, что полба – это и протеины, и железо, и витамины, и белки.

Кто не помнит сказку А. С. Пушкина «О Попее и его работнике Балде?» Тремя щелчками осилил Балда отправить Попа к «создателю». А питался герой ничем иным, как полбой, о чём сам и говорит:

*«Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелчка тебе по лбу,
Есть же мне давай варёную полбу».*

Зерно полбы вымолачивается не очень чисто. Цветковые и колосковые чешуи прирастают к нему крепко-накрепко. Да и мучицу из него смолотить надо изобрести. Поэтому постепенно «культурные» сорта пшеницы оттеснили полбу на задворки истории.

К счастью, в наше время, вспомнив вдруг о биологической ценности полбы, её снова начинают выращивать. Встретить этот продукт можно под разными именами: И «зандури», и «камут», и «спельта». Но всё это – названия одного и того же растения, «прабабушки» полбы. Именно из России рассеялись её зёрна (не поддавшиеся ни стихиям, ни времени) по всему белу свету.

Раскопав, уж и не припомню где, стародавний рецепт приготовления полбяной каши, отведала и я это блюдо, ставшее для нас диковинкой, но совсем обычное для наших предков.

Взяла стакан полбы, замочила её на ночь в поллитре простокваши. Поутру промыла в проточной воде и сварила из неё на слабом огне молочную кашу. Не разварилась, крупочка к крупочке. А как вобрала она в себя молоко, так укутала я её старой пуховой шалью да оставила на полчаса дозревать. Если подать такую кашу с топлёным коровьим маслом, так сам Похлёбкин рецептник испытывать станет. А всего-то – полбяная каша!

Ещё одним популярным и любимым продуктом на Руси (после пшеницы) был и остаётся ячмень. По исследованиям учёных на территории нынешней России он возделывался за 4-5 тыс. лет до н. э. В настоящее же время у нас из 30 видов, выращиваемых по всему свету, произрастает 10. И в библейские времена, и в Древней Руси ячменём заменялась при выпечке хлеба более дорогая пшеница. Бедный люд перемалывал ячмень в муку и выпекал невысокого качества хлеб. Из-за недостаточного количества клейковины он черствел быстрее, чем пшеничный и легко крошился. Это самый северный колосовой хлеб.

Зерно ячменя, смешанное с соломой, ещё в ветхозаветные времена служило обычным кормом для животных: «И ячмень и солому для коней и для мулов доставляли каждый в свою очередь на место, где находился царь». (3-я Царств, 4:28)

Из Нового Завета мы узнаём, что пятью ячменными хлебами и двумя рыбами Иисус насытил пять тысяч человек, не считая женщин и детей. (От Иоанна, 6:9-14).

Ячмень неоднократно упоминается как в Библии, так и во всех древнейших трактатах. Ещё нашим прародителям было известно, что он придаёт силу и здоровье, а пища и напитки, приготовленные из ячменных зёрен, способствуют укреплению выносливости, усилению физической и умственной силы. Это первый знак, который человек начал культивировать. На основе компонентов ячменя строился и эволюционировал на протяжении многих тысячелетий человеческий организм.

Ячмень на Руси издревле был хорошим подспорьем хозяйкам в приготовлении квасов и киселей. А уж как хороши из него супы, похлёбки! Кто не пробовал кашу из этого воистину нашенского продукта, тот не знает настоящей русской кухни. Пётр I, к примеру, признавал ячневую кашу «самою спорою и вкусною». Крупу из ячменя называли ласково «яченька».

Ветхозаветные патриархи были людьми мудрыми и знали, что именно надо сеять. Не зря ячменная крупа упоминается в Библии двадцать раз!

Существует народные приметы: ячмень сеют, пока цветёт калина; когда ячмень колосится, соловей замолкает. Не обошлось без упоминания об этом злаке и в пословицах: «Приелся, как сухой ячмень беззубой кобыле».

Издревле по Руси, да и за её пределами ходят были-небылицы о всевозможных целебных свойствах ячменя. Помнится, был у нас в деревне дед, Михой кликали. Век свой при зерне коротал, склады сторожил, за током приглядывал. «Земелюшку топтал» не мало, не много – 92 годка! Дня не ведал без трудов праведных. Наверно, и ещё бы на свет Божий радовался, да развалилось колхозное хозяйство, пахотные, самые хлебные поля заполонила лебеда да берёзки-самосевки. Последнее зерно на охраняемых Михой складах подъелось мышами, за ненадобностью дед и преставился.

Но вот что примечательно: дед Миха («ни Боже мой!») не признавал никакой иной пищи «акромья зернеца». А более всего почитал он «ячменюшку-батюшку». На первое у Михи – похлёбочка с разварочки, прямо из печи. Вынет ямками чугуночек, по горенке такой дух поплывёт, что от дедова угощения ни за какие коврижки не откажешься. На второе – (по стариковским зубам) у него томлёная, всем кашам каша (царь-каша!) – яченька. И в погребке у деда всегда сыщется кубан с ячменным кваском-кисельком. «Жисть моя такая длиннохвостая тока по его уса-той милости», – непременно заметит Миха всякому, толкуя о своём почтенном возрасте.

Односельчане верили и не верили дедовым байкам о силе ячменного зерна. Но, когда Миха выходил облучившегося, комиссованного с подлудки правнука Тольку, деревенские забеспокоились. Уж не подколдовывает ли старый сторож?

А Миха поднял Тольку на ноги наипростецким средством, которое сам и сочинил. Встав перед смертью на защиту своей кровинки, день изо дня, поднимаясь с петухами, хлопотал он в крошечной горенке. В выдавшую виды махотку насыпал столовую ложку (не боле) ячменного солода, шмыгал в сенцы, зачёрпывал из ведра ключевой водицы, что ещё затемно успел припасти из Марьиного родника. Выливал её в солод и, укутав овечьей телогрейкой, водружал на припечку. Из-под сарая, из вишнёвой поленницы, притаскивал охапку дров и растапливал. Через час, перелив микстуру в чугуночек, кипятил её минут десять на слабом, почти опавшем огне. Остудив, нёс болезному Тольке. Настаивал, чтобы тот принимал его лекарство три раза на дню по полстакана, непременно до еды.

Теперь уж никто и не скажет, что Михин правнук когда-то смертельно хворал. Год понадобился деду, чтобы поставить парня на ноги. Живёт Толька, поживает, обзавёлся семьёй, ухаживает за дедовой могилкой. А как не доглядывать? Жизнью деду да ячменю обязан.

А сколько Миха простуд, ангин да бронхитов ячменными снадобьями извёл, так и счёту нет. Смотрит, бывало, как в соседские ворота, по «пятую точку» застудившегося мальчонки медсестра Петровна стучится, сердает: «Заколет, пацана, как пить дать, заколет». Измельчит на крупорушке ячменного солода, пересыплет в полотняный мешочек, постучится к соседке. Вот, мол, испробуй, Миколавна, глядишь, полегчает Петюшке-то. И накажет ей поить сынишку настоем, а как его изготовить, обстоятельно растолкует: «Две столовые ложки измельченного солода залить чашкой кипятка да настоять часа четыре, а того лучше – пять. А как остынет, пользоваться Петюшку по полстакана до шести раз в день. Неплохо бы и медку добавить. Для скорости выздоровления. Глядишь, через неделю мальчишка опять с горы на пузе катается, здоровёхонек.

По зимней поре да по ранней весне, как подъедятся морковки-яблоки, всяк у нас знает: нет лучше средства для поддержки сил (тяжко без витаминов при крестьянском нелёгком житье), чем «живая (а проще – ячменная) вода» деда Михи.

Рецептура её давно гуляет по округе, потому что приготовить эту воду проще пареной репы: 300 г. пророщенного ячменя нужно залить 1 л воды и на слабом огне, под закрытой крышкой, довести до кипения. Дать настояться с полчаса, процедить, остудить – и все дела. А пить такую ячменную воду надобно каждый день по 1 стакану. И ненастная пора покажется не такой уж изнуряющей, и почувствуешь, что сил поприбавилось, можно браться за новые хлопоты. А всё оттого, что в ячмене – полон воз природных витаминов да минералов.

Нет таких болячек, которые не лечил бы Миха ячменными микстурами, мазями, настойками да примочками. Сколько туберкулёзов и золотух, гастритов и язв, маститов и грудниц извёл он своими незамысловатыми рецептами!

Но самым распространённым применением этого злака стало пивоварение. Долог и неизвестно, чьим национальным продуктом является пиво. Но во всех славянских языках это слово присутствует. В стародавние времена им называли напитки вообще, как таковые, ведь нет сомнений в созвучности славянских слов «пить» и «пиво». Хотя в древнем мире повсеместно, где выращивался ячмень, было налажено и пивоварение, именно славяне явились посредниками, передавшими практику использования хмеля народам Европы. Наряду с хлебом и луком пиво у славян входило в основной набор продуктов питания.

Как известно, пить на Руси любили испокон веков, толк в этом знали. Пригубляли (зачастую чрезмерно) и пиво, и брагу, и медовуху, и «зелено вино». На пирах пили такое крепкое пиво (от 35% и более), что от одного стакана «сшибало с ног». Но варились и напитки более лёгкой крепости: и 2-4%, и 4-7%.

В дохристианской Руси из-за отсутствия вин, как таковых, пиво да ещё медовуха были единственными хмельными напитками. Первое упоминание о пиве у славян относится к 448 году, однако предполагается, что в славянских землях пивоварение было известно ещё в эпоху Трипольской культуры, т. е. в IV-III в. до н. э.

Из новгородских летописей IX века известно, как широко было распространено пивоварение на Руси. Очень часто встречается в них упоминание о «переваре» – крепком хмельном напитке, который готовился из мёда и пива. На одной из берестяных грамот, обнаруженных в Новгороде при раскопках, о хмельном напитке «переваре» и о «жите» – ячмене писалось: «Поклон Грикши к Есифу. Прислав Онанья, молви... Яз ему отвечал: не реки ми Есиф варити перевары ни на кого. Он прислал к Федосье: вари ты пиво, сидишь на безатыщине, не варишь жито...»

В летописях Киевской Руси можно встретить упоминание о солоде - проросшем, высушенном и перемолотом зерне. Повсеместно крестьяне за землепользование облагались оброком из пива, хмеля и солода. Этими же продуктами принимались всевозможные платежи и штрафы. В сборнике норм древнерусского права «Русской правде» отмечается, что вирнику (сборщику платежей) в день полагалось ведро солода. Мастеровым, занятым на ремонте городских укреплений, помимо прочего оплата производилась солодом. С хмеля, мёда и солода бралась «брашная пошлина».

Как ни удивительно, но именно монастыри, всегда славились пивоварением. Так Никоновская летопись, упоминая о Троице-Сергиевом монастыре, об его основателе, преподобном Сергии Радонежском, сообщает: «...что там Сергей пива и мёду никогда вкушаше или обнюхаше».

Во времена царствования Ивана III пиво и хлебное вино можно было повсеместно встретить в царёвых кабаках. Для того чтобы ограничить ввоз хмеля из Литвы и при этом расширить отечественное производство, в XVII веке в Псков был доставлен царский указ, запрещающий покупку этого сырья. Его появление толковалось естественно для того времени: «Есть на Литве баба ведунья, и наговаривает на

хмель с целью навести на Русь моровое поветрие». В XVIII веке ведро пива стоило всего-ничего – 4 алтына (12 копеек). При Алексее Михайловиче бочку пива можно было приобрести за 4 рубля! Но доходы от пивоварения (как в последствии и от производства водки) шли исключительно в государственную казну.

Лишь четыре раза в год: на Пасху, на Масленицу, на Рождество Христово и в Дмитриевскую субботу, да ещё – для свадеб, крестин, на Ильин день и Медостав день простому люду дозволялось самим варить пиво, брагу и медовуху. Такие застолья назывались «Особым пивцом». Права на него давались не любому-каждому, а только лишь работающим, рачительным хозяевам. И то всего лишь на три дня. По их прошествии кабацкий голова опечатывал остатки питания до следующего праздника. Пословицы об этих пирушках живы и по сей день: «выпили пиво о Масляне, а с похмелья ломало после Радуницы», «В Дмитрев день и воробей под кустом пиво варит».

Но чтобы отказаться от питания вообще, – такого на Руси во все времена предположить было невозможно. При Петре I пиво льётся рекой, в Петербург выписываются пивовары и солодовники, повсеместно строятся пивоварни. К XIX веку пиво даже не облагалось налогами, и не варил его лишь ленивый. Но следует отметить, варили его только для себя, по-прежнему – не на продажу.

Кому не известна присказка из русских народных сказок: «И я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало»? Даже в выборе государственной религии это пристрастие наших предков сыграло немаловажную роль. Отказаться от гарема русский князь ещё смог, но запретить своим соотечественникам пить пиво, брагу и т. п., было не по силам даже самому Великому Князю Владимиру.

Ничего нет милее душе русской, чем поспевающая нива. Оттого-то и волнуется, и радостно щемит у меня сердце, когда иду меж склонившихся до самого просёлка хлебов. Священнее хлеба нет растения на Земле. «Будет хлеб – будет жизнь!» – говорят мои земляки, а в этом деле я им доверяю. Потому как, кому же ещё знать всё о жите, как ни хлеборобу.

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

ОДА РУССКОМУ ХЛЕБУ

«Хлеб – всему голова». Слова эти у входа на хлебоприёмный пункт так и врезались в меня, в память мою, так и живут во мне уже годы. Вряд ли найдётся такой человек на Руси, а может быть, и в мире, который бы не связал свою жизнь, свою судьбу с Хлебом. Хлеб – имя существительное, это цивилизация. Да, не хлебом единым, но искони, исторически так: хлеб живёт в каждом из нас не только въяве, на столе, но и в слове, в легендах.

Например, считается, что Малоархангельску в сентябре 2013 года исполнится 235 лет. Это столько лет прошло с тех пор, как Екатерина Вторая монастырскому селу Архангельское подарила статус уездного города. А что, до той поры тут ничего разве не было?

Недавно Тамань – некогда греческое поселение, более известное по лермонтовскому роману «Герой нашего времени» – отсчитывала 2700 лет от основания. Через Тамань греки некогда вывозили хлеб в Элладу, в том числе и на одиссее-

ву Итаку. А Эллада, как известно, с помощью своих мудрецов, таких как Эсхил, Аристотель, Гомер, воспитала всю европейскую, христианскую цивилизацию. Вот какова цена хлебу нашему, в том числе и малоархангельскому, ибо, как мной установлено, именно за хлебом сюда, в наши скифские края, отправлялся, согласно Гомеру, царь Итаки Одиссей.

Именно с тех времен существует тут древнее городище на виду святого колодца Девятая Пятница на речке Дайменке, впадающей в Сосну – приток Тихого Дона. Был тут и царь Одиссей. А почему бы и нет? Ведь наши предки, известные под скифским именем скелоты, тут выращивали хлеба. И другого пути на юг не существовало, не было других дорог, кроме речных, по которым и везли наши предки скифы-скелоты в ту же Тамань свой хлеб, свой товар. Вот такая история, вот какие хлеба созревают ныне у нас тут, в наших малоархангельских хлеботородных местах.

Что помнится мне и что здесь сейчас? Сразу же после Великой Отечественной войны на обагрённых кровью полях, ещё заставленных битыми танками, сеяли по три-четыре центнера зерна на гектаре, а собирали каких-то пять-семь центнеров с того же гектара. А сейчас? По пятьдесят, шестьдесят центнеров! Прямо сказочный рост! Откуда же все это взялось? Один гектар заменил сразу пятьдесят, шестьдесят гектаров. И кто это сделал?

Относительно недавно мной была написана поэма в сонетах «Шекспириана», где воспеваются великий русский ученый-селекционер Николай Иванович Вавилов. Ещё в молодости он поставил перед собой дерзкую задачу накормить не только свой народ, но и всё человечество, а сам умер от голода в Самаре – в тюрьме неподалеку от своего дома. А ведь на горных плато он собрал «банк» зерновых из диких злаков и делал из этой дикости зерновую культуру.

*«Да здравствует зелёная Земля!
Росток – твой символ, дням потерян счёт.
Тот гномик пережил и короля
Такусенький – и нас переживёт.
Пою тебе, мой карлик, мой цветочек!
Твой знак – твой знак! Немного погода,
Вавилов, мысля накормить Восток,
Умрёт, мой бог, в тюрьме, сам не едя.
На том и проверяются эпохи,
Науки, государства, самодержицы,
Коль урожая на ладошку крохи,
Не жди добра, чернь выкинет коленце.
Да здравствуют такие короли,
Что обожают зеленя Земли!»*

(«Шекспириана», сонет № 14)

Итак, совсем уже наше время. Кто герой нашего времени? Это тоже учёный-селекционер, академик Российской академии сельскохозяйственных наук Баграт Исменович Сандухадзе и его напарник, непосредственный исполнитель его научных замыслов на опытном поле председатель сельхозпредприятия в малоархангельском Дубовике Сергей Петрович Борзёнков. Что необычно, так это то, что Сандухадзе родился где-то в горах Грузии, а тут у нас, в русском поле, ставит свои научные, селекционные эксперименты; Борзёнков же – местный хлеботороб, реализует их, давая урожай на полях по пятьдесят-шестьдесят центнеров на гектаре.

Вот тебе скелоты, вот тебе Вавилов, вот тебе Сандухадзе и Борзёнков – все они единая нить, хлеботоробы! Славное племя поэтов русского поля, русской земли!

По легенде Эшила, бог-титан Прометей создал племя поэтов. Вот что сказал о них в своём слове «В защиту поэзии» английский поэт Шелли: «Поэты являются

пророками в прямом смысле слова и могут предсказывать формы будущего так же уверенно, как они предсказывают его дух. Поэт причастен к вечному и единому, для замыслов не существует времени, места и множественности.

Слава скульпторов, живописцев и музыкантов даже тогда, когда силой таланта великие мастера этих искусств ничуть не уступают тем, кто для выражения своих мыслей изобрёл язык, никогда не могли сравниться со славой поэтов в собственном смысле слова».

Самая большая поэзия русского поля – в хлебе, а хлеб – всему голова. А голова его – в людях. Вот передо мной увесистый том научных работ Сандухадзе «Селекция озимой пшеницы в Центральном районе нечернозёмной России». В этой книге вся жизнь учёного по ступеням, упорный и неуклонный путь от школьника средней школы в селе Орсантия Зугдидского района Грузии до действительного члена Российской академии сельскохозяйственных наук, профессора по селекции и семеноводству, заведующего лабораторией в подмосковной Немчиновке.

Вот оно, русское поле, тут, у нас, в малоархангельском Дубовике, что на Орловщине, в Серединной Руси. Вот он, Сергей Петрович Борзёнков, на этом опытном поле, в пшеничных хлебах. На фоне серебристых цилиндров, доверху заполненных хлебом, этого современного элеватора на краю Дубовика.

*«Поле, русское поле!
Пусть я давно человек городской.
Запах полыни, вешние ливни
Вдруг обожгут меня прежней тоской.
Поле, русское поле!
Верю молчанью, как обещанью.
Пасмурным днём вижу я синеву».*

У природы нет плохой погоды. Если солнце, хлеб пахнет солнцем. Если дождь, земля будет щедра. Значит, опять будем с хлебом!

2 июля 2013 года

СЕДЫЕ ХЛЕБА

Нет в слякоть лучшего ходу от Глазуновки до Старого Горохово, чем по «линии», бывшей «чугунке», по которой в прежние времена пытался вывозить руду из кромской глубинки делец-воротила. Лопнуло, быльём поросло его дело, а вот насыпь осталась, и сквозит она по волнистой хребтине, по которой совершали набег на Русь ещё крымчаки-басурманы, и идёшь себе этим путём, бывшей «царевой» дорогой; вольготно ноге на земле, обдуваемой ветром, как бы заговорённой от грязи; отрадно представить, что плеснёшь вправо кружку воды — попадёт она в окское русло, после в Волгу, в Каспийское море, плеснёшь влево — в Тихий Дон, Чёрное море. И ещё отрадно припомнить одно из местных преданий, что именно этой дорогой по пути из Орла на Кавказ проезжал когда-то сам Пушкин...

Ни дымка, ни селения — все в стороне. Лишь ведёт и ведёт травянистая насыпь — безрельсовая, с гладко срезанными боками, с намекнувшимся сбоку просёлком. Где-то там впереди синеют лески, в них — махнул мне прохожий — и Горохово, деревушка, где родился русский писатель Лесков.

Иногда принимается дождь — мелкий, въедливый, знобкий, и лески эти, как в цветомузыке, начинают то блекнуть, то снова густеть, а поля, переспелые, жёлто-соломённые, разом становятся сизыми, колос делается седым. И вдруг рядом, в жнивье, вскрикнула птица, разбежалась, подпрыгнула, захлопала крыльями — никак чёр-

ный дрозд? Вскоре целая стая, крича резко, с надрывом, кружилась над положенной в валки потемневшей куртиной, воровато заходила позади на посадку.

Но вот, наконец, и вблизи перелески. Лесковские. «Линия» уходила дальше, взбиралась куда-то ввысь, где, как у Айвазовского, бушевало вспоённое влагой небо, а просёлок, вильнув, опускался в деревню. Из-за бугра торчал, отмечая ферму, карандаш водокачки. А сбоку на просёлок наступала обсадка, за ней виднелся сад — старый, выщербленный, должно быть, ещё помещичий. Тут же опускался новый.

Просёлок переходил в ровную деревенскую улицу. Крепкие дома, телеантенны, высоковольтная линия, старик, проехавший на мотоцикле... Всё это высветляло мысли, накладывалось на картины, описанные в лесковской «Юдоли».

На крылечке дома бригады сидели за куревом, за разговорами люди.

— А что, ребята, — сказал я протяжно, рассчитывая на обстоятельный разговор, — нелёгкие нынче хлеба?

— Трудные, — подтвердил один из них, взглядывая на часы. — Да и сами подумайте: озимые помёрзли, сколько пришлось пересеять, а яровые, видите, дождь — не даёт убирать... А хлеб-то какой — сила силой! За «линией» ячмень центнеров эдак под сорок. Да ведь всё на хлеба положили. Загремела уборочная — зерно пошло государству, да вот уж пятый день как дожди...

— Ну, а где же управа на канцелярию? — говорю я без иронии. — Не молебн же, как бывало, служить?

— Вон у нас управа, — кивнул говоривший на механизаторский стан, — люди и техника. Техники у нас всякой хватает, а люди... Люди — не терпится — по пять раз в день комбайны заводят. Да вон и Ефим Дробилин — мастер всякой работы. Можно сказать, Левша. Был бы смысл, подковал бы и блоху...

Сравнение это здесь, на лесковской земле, показалось мне небезынтересным, и я энергично приветствовал ещё одного гороховца. Пришёл бригадир, послал мужиков на конопляник, где женщины брали замашку, и мы с Ефимом остались вдвоём. Я взглянул на него внимательнее: телосложения он был обычного — небольшой, крепко сбитый, с виду около сорока. На лоб надвигалась седоватая щётка волос — плотный «ёжик»; крупные губы и рот, глубокие, под чёрно-густыми бровями глаза, сухой смех и слегка сипловатый голос — всё это заставляло видеть в нём человека простого, открытого, обветренного полевыми и житейскими шквалами. Одет он был во фланелевую рубашку, серые хлопчатобумажные штаны, заправленные в кирзовые сапоги, которыми и месил без стеснения местную жирную грязь.

— Всё гляжу, где же был дом, в котором родился Лесков, — сказал я Ефиму. — Не в тех ли посадках?

— В них, — ответил мой собеседник медлительно. — Идём покажу.

Мы подошли к бывшей барской усадьбе, стоявшей особняком. По оба крыла её пустели травянистые копани — остатки прудов. Дорога прорезала подкову из акаций, сирени-«синели», как назвал Дробилин эту непременную спутницу всяких жилищ. Аллеи, сужаясь, сходились к самому центру, где на возвышении глазел некогда окнами двухэтажный деревянный дом. Сколько всякого перебивало тут после того самодура-барина Страхова, мужа тётки Лескова, у которой из милости и жил до поры до времени мальчик — будущий русский писатель.

— Дед Алёшка недавно помер, — заговорил глуховато Ефим, — так он во дворе у господ в услужении был, всё нам рассказывал... Было вот тут, перед домом, такое местечко, приходили сюда крестьяне на праздник. Выходил барин к народу, швырял им целковый-другой на водку, и те, благодарные, прямоком в монопольку... А однажды случился большой недород, и крестьяне пришли к барам не за целковым на водку — за хлебом. Стояли вот так под дождём, а из окон им всякие там пианина. Выходил управляющий немец — и вон, и взашей. А однажды вынес три

ковриги под мышкой, ломал и швырял в людей, и смеялся, глядя, как они бросались, падали, увечили друг дружку.

Вот оно какое здесь страшное, лобное место. Говорят, при пожаре железо с крыши летело аж до деревни.

Бугор стыдливо прикрывал бурьяном своё изъязвлённое тело; выройки, траншеи, обозначавшие прежний фундамент, зияли сырой пустотой — кирпич был взят на постройки; глиняные черепушки да осколки бурого кирпича — вот и все сувениры — успели зарастить глухой крапивой, татарником, пастушьей сумкой и тысячелистником. Над ними панствовали ясени и шиповник, вставшие здесь по прихоти ветра. Я искал, угадывал по фундаменту комнатуху, где раздался первый крик ребёнка, голос которого потом слышали все. Вотще! Лишь песчаник, торчащий углом, напоминал мне легенду о «диком камне», растущем из земли и за века вырастающем в горы, похожие на обелиски...

Мы прошли дальше по стёжке, вторглись в заросли одичавших яблонь, черёмухи, липок и клёнов, которые ещё не успело обдуть после очередного дождевого захода. Ефим наклонился и сорвал подорожник.

— Глухо, однако, захлопнулось, — заметил он, вглядываясь в цветок, в отверстие, ведущее к самой пыльце. И вздохнул: — Ночью, значит, перемжится.

Я знал: Ефим всё о том же — о погоде, о хлебах, ведь изболелась душа. Я успел уж заметить за ним эту заботу об общем, хозяйскую струнку, точный глаз, обо всём своё крепкое слово. Вот и сейчас, когда по буграм, по откосам прошли мы ветшающим садом да вышли на самый край, к заидневшимся фермам, он сказал с огорчением:

— А землю мы не жалеем. Гляди, где помещик усадьбы-то городил — пустошь горбатую приспособлял, а нам под бригадный двор подавай лучшую, пахотную землю. А там бы такие хлеба!

Вечерело. Тучи на какое-то время раздвинулись, солнце садилось спокойным и ясным. И сейчас же в зарослях пронзительно закричала сойка: «Р-ррэ--ррэ-рра», захлопала крыльями, затурлила по-горличьи, а на механизаторском стане чей-то дизель живо рассыпал звонкую дробь.

— Салютуют ребята, — оживился Дробилин. — Сей в ненастье, и убирай в ведра, — переиначил он известную поговорку. — Завтра бы после полдника в поле.

Пискнула где-то гармонь — молодёжь сходилась в бригадный клуб. Шли у нижнего пруда, отражаясь в воде; и не было теперь у этого пруда прежней чересполощицы — ни господской, ни крестьянской половинок, всё теперь было едино, как и эта деревня, и это вот поле, на котором есть где гульнуть, размахнуться технике. Луг за прудом переходил в плоскую, заросшую всякими травами пойму чистой речушки Рыбницы, где, я знал, вскоре вырастет водохранилище. Там темнела другая деревня, там было правление. В сумерках контур деревьев на горизонте казался средневековым замком: плоские башни, острые пики-шпили...

— Вон то поле, — кивнул Ефим в сторону «замка», — мы уже замахнули. На очереди это вот — у «гусятника».

Незаметно, за разговором, подошли мы к жилищу Ефима. Дом у него был свежий, ухоженный. Во дворе у берёзки стоял мотоцикл. Во второй комнате хозяйка с дочерью, приехавшей на каникулы, смотрели по телевизору «Угрюм-реку». Следом за нами к Дробилиным влетела старушка-соседка с известием:

— Марийка, автолавка, гляди, прорвалась — хлебушка привезли, беги!

— Небось, — степенно ответила Марийка, невысокая, смуглая, круглолицая женщина в цветном переднике поверх пиджака. — Хлеб, бабка Груня, нам покуда испечь есть из чего. Да ты садись, посумерничаем.

— Оно и верно, — вздохнула старушка, — у вас все при работе.

— В прошлом году одной пшеницы, уж и не упомяну, на двоих сколько ссыпали...

— Центнерами, центнерами, Марийка.

— Центнерами... Да вот нынче премию-то мой проморгал, сполз вниз. Ишь, молчит. Это он на работу проворный, а на язык — слова, что твои жернова.

— Господь равняет, — вставила своё бабка Груня, — муж дюже мешковат, зато жена, как шкворень.

Всё это Ефим сносил терпеливо, давая им выговориться. Но упоминание о премии, видно, тронуло его. Едва в разговоре появился просвет, он повернулся ко мне:

— А насчёт премии...

— Да уж будет, не виноват, — смягчилась Мария, — а то разве простила б? Передовой и вдруг на.

— Нагоним, — улыбнулся Дробилин.

— Помогал Максиму Гремякину, — совсем уж оттаяв, ласково посмотрела Мария на мужа. — Тот впервой сел на комбайн. Ну и не особенно ладилось. То муфта сторит, то ещё что. А Ефим с ним на одном поле, вот он и к нему — товарищ же. Ну и не вытянул в передовые... Но ничего, Ефимушка, ничего, ты как-нибудь в другой раз, верно?

— Верно, — пробасил растроганный Ефим и повернул к ней загоревшееся лицо:

— Да ить сколько раз говорил, давайте в таких условиях напрямую. Так нет — кладут в валки, а ты идёшь почти следом и подбираешь.

— Голова ты у нас золотая, — запричитала бабка Груня. — Всё-то ты разумеешь.

— А руки? — сказала Мария. — Да уж нет на округу ухватистей рук, чем у него.

— Полно вам, — строго сказал Ефим и вышел в сенцы.

— У них в семье отродясь все такие, — поджала бабка Груня губы. — Что он, что отец был, царство ему небесное. По железу, по дереву — всё могут. Такая способность... На механизатора-то он не учился. Повертелся у Мишки Пущая в прицепщиках, сел на трактор да и поехал. А теперь вот спец по всяким машинам. Ну, да теперь, конечно, без них никуда. А как было, когда война только схлынула. Всё руками, всё на себе, на верёвках. Эх, верёвки, верёвки, плечушки пооборвали!.. Ходили за семенами в райцентр, оттуда с мешками до станции и по «чугунке». Забросим, бывало, по мешку на горбяку, а встречные нам: «Вы что, бабы, в парашютистки, что ль, записались?»

Прёшь мешок — к земле стелешься, вот-вот сердце хлопнется об дорогу. Но ничего, выдюжили. В первую осень соседи пахали битыми танками — от «дуги» тут остались. А у нас всё на бабах. Зерно по невскопанному швыряли. Коноплю из бутылок сеяли, чтоб ровней получалась, а после семена тяпкой заделывали. На другой год поболело сил: лопатами поле копали, коров к пахоте приспособили. Вот как хлебушек доставался... Ну, а не было гневней гнева людского, когда, помню, дед один семенами вздумал поджиться. Сграчили его, а он в ответ: вы, говорит, бабы, тихо, вы лектора, дескать, не слушали, а он сказывал, что Маркс и тот взял у этого... Гегеля какое-то там рациональное зерно, а нам, мужичкам, простую пашаничку и подавно можно. А потом Ефимушка сел на трактор, ушёл в МТС. Председатели, бывало, технику назахват: к нам и нам, пожалуйста, Ефим Спиридоныч. И с угощением.

— Да уж развоспоминалась, — пробурчал Ефим. — На сто лет назад попинаешься.

В редкую минуту с похвалой отзовется русская женщина о своём муженьке, чтоб «не забаловал, не испортился». Но уж коль нападёт настроение да если есть ещё чем погордиться, всё без утайки выложит свежему человеку. В тот вечер услышал я о Ефиме немало: про то, как воспитывался он в «горях да пережитищах», доходил

до всего своей головой, как работал и бригадиром, и мельником, перемолол людям сотни пудов зерна. Тогда хлеб пекли на поду, мельник был нужнейшим человеком в округе. А сейчас вот — понадобилось — кузнецом на обе бригады. А в уборочную комбайнёром. Так вся жизнь его, все его годы были связаны с хлебом...

Наутро, как обычно, чуть свет, механизаторы сходились к дому бригады. Сидели, лениво переговаривались:

- Ить надо, а? Какой нынче август вышел сиротский.
- Да уж точно, слезливый.

А сами с надеждой глядели на небо и замечали, что оно уже не такое глухое, раздвигаются тучи, после обеда, если всё хорошо, можно будет и выезжать. Так и решили: если что — выезжать.

Дробилин шёл к кузне через всю деревню своим твёрдым, уверенным шагом. Позади, выбирая дорогу, тянулся напарник — тощий и длинный старик.

— Ефим Спиридоныч, — шумели из-за плетня, — зашёл бы, глянул швейную машину. Гремит, дьяволица, как бубен.

— Ладно. Вечерком на гулянке.

— Ефим Спиридоныч, — встречался через минуту сторож с фермы, — лампа, понимаешь, хандрит.

— Электрик на это...

— Так паяльная лампа-то.

— Ну заноси, поглядим.

Проходит Ефим к своей кузне, отворяет двери, и сейчас же следом народ: одному помощи укрепить «пальцы» в гусенице — ехать пахать под зябь, другому сделай на телегу оглобли — возить семенной материал... Дело хлебное, не отложишь. Включает Ефим рубильник, жарко вздувает горн, а сам нет-нет да и взглянёт в дверь, на пшеничное поле, что у «гусятника». По нему, загораясь, всё чаще, перебегают пятна — солнечные, яркосоломенные. Ефим веселее начинает стучать по наковальне.

После обеда комбайны тронулись, пошли за околицу. Ефим снова в паре с Гремякиным повели комбайны свои по хлебам напрямую, полями на чёрных дроздов.

Хлеба... Они седые не только в дожди и туманы — седые от времени, от веков. Они — корень жизни и нашей, и наших отцов, и пращуров наших, недаром у ржи ещё и такое название — жито. О хлебе всё думы, всё хлопоты жизни крестьянской, и всё воздаётся сторицей. И нам удивительно, что эти лесковские земли страдали когда-то бесхлебицей, пускали по свету здешних крестьян с холщовой сумой.

9 октября 1969 года

АЛЕКСАНДР БЕЛЬСКИЙ

ОРЛОВСКАЯ ЛЮБОВЬ ВЕЛИКОГО ПОЭТА

Нобелевский лауреат Иван Бунин с гордостью называл среди орловских писателей и Михаила Лермонтова, поясняя, что он отчасти наш, ибо его родичи, Арсеньевы, тоже из здешних мест... На Орловщине жили не только родственники поэта, но и друзья, знакомые, а также любимая девушка Лермонтова Софья Сабурова (1816-1864) – одна из ярких его муз, вдохновительница великих стихотворений.

Семья Сабуровых

Софья Ивановна Сабурова родилась в Пензе в разносторонне одаренной семье. Её отец Иван Васильевич Сабуров был инженер-капитаном, пензенским помещиком, известным своими агрономическими опытами и статьями по вопросам сельскохозяйственной экономики. Иван Васильевич был знаком с поэтом П.А. Вяземским и орловским помещиком Д.В. Давыдовым, историком и поэтом, героем Отечественной войны 1812 года. Женился Сабуров на племяннице поэта М.М. Хераскова, принимавшего деятельное участие в учреждении Московского университетского благородного пансиона.

Братья Софьи Сабуровой – Сергей, Михаил и Владимир – учились в этом пансионе одновременно с Лермонтовым, а один из них – Михаил, одноклассник поэта – принадлежал к числу его самых близких друзей. Ему посвящены несколько лермонтовских стихотворений 1829 года. Тем не менее, у поэта и Михаила Сабурова были очень сложные взаимоотношения. Вот что пишет Лермонтов: «...наша дружба смешана со столькими разрывами и сплетнями – что воспоминания о ней совсем не веселы. – Этот человек имеет женский характер. – Я сам не знаю, отчего так дорожил им».

«... И поныне люблю»

Выдающийся литературовед Ираклий Андроников подробно и точно рассказал о семье Софьи Сабуровой и о ней самой в удивительной книге «Лермонтов. Исследования и находки».

Сабуровы были помещиками с большими связями и, очевидно, принадлежали к числу знакомых Е.А. Арсеньевой – бабушки Михаила Юрьевича. Кроме того, они были приписаны к тульскому дворянству и владели землями в Белёвском уезде Тульской губернии, где находилась «ефремовская деревня» – имение Юрия Петровича Лермонтова, отца поэта, и Арсеньевых, родственников поэта со стороны матери. Именно в «ефремовской деревне» (ныне село Кропотово; с 1937 по 1954 гг. входило в состав Орловской области, ныне находится в составе Липецкой области. – Прим. ред.) 12-летний Лермонтов мог встретить семью Сабуровых.

О вспыхнувшем нежном чувстве к Софье Сабуровой Михаил Юрьевич говорит в приписке к стихотворению «К Гению»: «Напоминание о том, что было в ефремовской деревне в 1827 году – где я во второй раз полюбил двенадцати лет – и поныне люблю». А вот строки из стихотворения «К Гению», где и мощь, и упреки, и осознание уникальности переживаемого, и призыв к повторению испытанного:

*О сколько вдруг толпой теснится в грудь мою
И теней, и любви свидетелей... – Люблю!
Твержу забывшись им. Но полный весь тоскою
Неверной девы лик мелькает предо мною...
Так, счастье ведал я, и сладкий миг исчез,
Как гаснет блеск звезды падучей средь небес!
Но я тебя молю, мой неизменный Гений:
Дай раз ещё любить! дай жаром вдохновений
Согреться миг один, последний, и тогда
Пусть остынет пыл сердечный навсегда.*

1829

«... Но не для вас был создан он!»

Удивляет интеллектуальная и душевная зрелость совсем юного поэта. У читателей может возникнуть ощущение, как будто перед нами по меньшей мере сорокалетний автор, переживший неземные страсти.

Сабуровой адресовано и стихотворение «Глядися чаще в зеркала...»:

*Когда же вздох самодовольный
Из груди вырвется невольно,
Когда в молодой душе своей
Самолюбивые волненья
Не будешь в силах утаить:
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь, может быть!..*

1829

Любовь Лермонтова к Сабуровой воедино слита с мучениями. И его сомнения – оправдывает ли возлюбленная эти чувства – остаются неразрешенными.

В новогоднем мадригале «Сабуровой» поэт размышляет о том, почему же нет между ними взаимопонимания:

*Как? Вы поэта огорчили
И не наказаны потом?
Три года ровно вы шутили
Его любовью и умом?
Нет! вы не поняли поэта,
Его души печальный сон;
Вы небом созданы для света.
Но не для вас был создан он!*

1831

В этом стихотворении намечается тема одиночества, прошедшая через все творчество великого поэта. Хотя, возможно, он ещё верил, что любовь взаимна и отношения обретут былую гармонию.

Ираклий Андроников пишет, что С.И. Сабурова была настолько хороша собой, что выделялась даже среди первых красавиц Москвы.

Как дальше жизнь её сложилась?

Как же сложилась жизнь Софьи Ивановны после её расставания с Лермонтовым?

В 1832 году она вышла замуж за Дмитрия Клушина и уехала с ним в Орёл. Дмитрий Николаевич Клушин был надворным советником, председателем Орловской уголовной палаты, жил в д. Тимирязево Малоархангельского уезда Орловской губернии. Он был близким родственником писателя Александра Ивановича Клушина (1763-1804), уроженца города Ливны Орловской губернии.

У Клушина и Сабуровой родилась дочь Мария (1833-1914). Она стала женой курского гражданского губернатора Александра Николаевича Жедринского. Марии принадлежал альбом, в котором обнаружили неизвестные ранее стихи Лермонтова. Впоследствии родственники Марии решили передать доставшийся им по наследству альбом Государственному Литературному музею.

И пыл сердечный не остынет!

С.И. Сабурова давно похоронена рядом с А.Н. Жедринским на кладбище Успенского мужского монастыря в Орле. Но память о ней благодаря стихотворениям гениального поэта жива.

Михаил Лермонтов испытывал к этой женщине сильные чувства: было и счастье, и мучения, и торжество, и разочарование. Но главное – было желание ещё любить, «жаром вдохновений согреться миг один, последний», даже если после этого «остынет пыл сердечный навсегда».

ПУТЬ ИЗДАТЕЛЯ

На столе у Александра Воробьёва лежат две красиво оформленные книги. Напрягая зрение, вижу: том 1, том 2. Вроде, в курсе всех дел издательства, а что это – не знаю. Стесняться нечего – задаю вопрос.

– А это, Валя, двухтомник моего отца, Владимира Ильича Воробьёва, «На Орле-реке» – исторический роман.

– Значит, все-таки издал?

– Нет. Это только сигнальный экземпляр. Но уже всё произведение переведено в электронный вид, сверстано, корректор поработал, дизайнер, художники.

А я вспоминаю отца моего собеседника: человека увлечённого, журналиста, литератора, краеведа. Помню, как он долгие годы пытался издать свой роман. И рецензии положительные, и необходимость художественного произведения об основании Орла очевидна, а все что-то не сходилось.

– Уж больно много пьют у вас в романе, а постановление ПК КПСС нацеливает нас на искоренение алкоголизма, – говорил очередной чиновник, опрокидывая в рот рюмку водки.

– Так это семнадцатый век! – горячился Воробьёв. – Они не могли знать о сегодняшних постановлениях...

– Они не могли, а мы-то знаем! Какой пример подрастающему поколению! – хрустя закусочкой, останавливал его руководящий товарищ.

Этот бред продолжался лет двадцать. Владимир Ильич переписывал тысяче-страничный роман, но тут возникало новое постановление или просто находился более достойный писатель. И зря наши ведущие мастера слова, такие, как Василий Катанов, заступались за Воробьёва, до него очередь не доходила...

– Отца нет уже четырнадцать лет, вот бы он сейчас порадовался, – грустно говорит Александр.

Кто он – Александр Владимирович Воробьёв? Безусловно, продолжатель дела своего отца. Тургенев, Ермолов, история Орла – всё, чем увлекался отец, сын сделал это своей основной работой.

Он родился в Ярославской области, но с раннего детства впитывал дух Орла и Севска, где жили бабушки, дедушки.... Потом наступило время накопления опыта, и сама судьба помогла ему в этом. Режиссёрское отделение института культуры, служба в армии в Чехословакии, работа в газете, в театре, на заводе. Все встречи с людьми, открытие новых мест делали Воробьёва мудрее. А когда изменилось положение в стране, он уже был готов заняться делом, к которому его и готовила жизнь, – издательской деятельностью.

Первой же изданной книгой он заявил о себе на весь мир. И тут нет преувеличения. Воспоминания князя В.А. Друцкого-Соколинского «На службе Отечества» готовил его сын Андрей Владимирович Друцкой-Соколинский, а значит, и тираж дошёл до тех, кто более других нуждался в подобной книге. Её читали Долгорукие в США, Голицыны во Франции, Оболенские в Брюсселе.... И это только самые громкие фамилии первых читателей.

А на родине издателя? Саша рассказывал, как на одном из сельхозсеминаров тогдашний губернатор Орловской области Егор Семёнович Строев вдруг обратился к нему:

– На «Эхо Москвы» мне дали время для выступления, говори, что хочешь. И я сорок минут говорил про книгу Друцкого-Соколинского, изданную тобой.

Очень часто книги, изданные Воробьёвым, можно презентовать под грифом «Впервые». Впервые появились забытые издания прошлых лет и веков в серии

«Золотая книга Орловщины». Именно Александр Воробьёв в 2000 году переиздал ту самую первую печатную книгу Лопухина, которая ведёт уже 200-летний отсчёт книжного дела на Орловщине. Впервые читающая публика познакомилась со сказками С. Тургенева. Впервые появились фундаментальные работы Е.Е. Щекотихина об Орловском крае в годы Великой Отечественной войны. Впервые увидели свет «Сказки Орловской губернии», собранные И.Ф. Калининским. Даже «Красная книга Орловской области» впервые появилась в издательстве А.В. Воробьёва. Кстати, об издательстве. В разные годы оно называлось по-разному: литературно-краеведческое приложение к Орловской районной газете «Наша жизнь» – «Вариант В», «Издательство Александра Воробьёва», ОАО Издательский Дом «ОРЛИК». (А «ОРЛИК» расшифровывается как «Орловская литература и книгоиздательство».) Даже ИД «ОРЛИК и К» было. Теперь есть ещё и типография «Вариант». Суть оставалась неизменной за эти двадцать с лишним лет: подготовка и выпуск исторических, краеведческих книг. Коли говорить более высоким слогом: выпуск патриотической литературы. Это и есть главное кредо А. Воробьёва.

У него масса наград за участие в выставках, победы на конкурсах. Полтора десятка Почётных грамот Губернатора Орловской области, Почётная грамота Министра культуры России. Есть Благодарность Президента Российской Федерации В.В. Путина.... А ещё он ценит скромную грамоту Орловско-Ливенской епархии, от владыки Паисия.

– А потому что неожиданно, – говорит Александр.

Собственно, и моя дружба с Александром связана с выпуском православной литературы. Если бы не он, то многие мои задумки так и остались бы нереализованными. Это Александр Владимирович буквально заряжал всех энергией, готовя к выпуску книгу «Собор орловских святых».

– Я священников спрашиваю, а они, кроме святого Кукши, никого вспомнить не могут! А святитель Серафим Остроумов, а архимандрит Макарий Глухарев, а священномученики Иоанн Панков с сыновьями? Мы должны их знать, их помнить! – говорил Воробьёв. Тогда его поддерживал отец Иоанн Троицкий. Под его редакцией появились маленькие книжечки с житием и акафистом святых, своим земным рождением обязанных Орловской земле. Теперь уже моя книга о наших заступниках на небесах выдержала два издания. Она есть, она существует, она работает.

Я благодарна Александру за совместную работу. Он может быть требовательным и мягким, неуступчивым и доброжелательным, по всегда грамотным, заботящимся и об авторе, и о читателях.

Его легко соблазнить на издание новой книги, если она об Орловщине.

– Саша, а почему ты сам не пишешь? – спрашиваю его, ведь Воробьёв-журналист, был редактором газеты и сейчас возглавляет Орловское отделение Союза литераторов России.

– Когда-то у меня был выбор: стать профессиональным писателем или издавать чужие книги. Бог распорядился таким образом, что я издатель. Понимаешь, в один год я получил благословение на издательскую деятельность от батюшки Илия и от Русской Православной Церкви за рубежом. Это не случайность – это моя судьба.

Встреча в Оптиной пустыни со схиархимандритом Илием изменила судьбу Александра. Приехал к нему как настырный журналист, а уехал как мудрый издатель.

– Орёл! Орёл! – кричал Александр в толпе, чтобы привлечь внимание батюшки. И привлёк! Он пригласил его в трапезную и говорил, говорил с ним. Стоит ли

уточнять, – с тех пор Александр Владимирович всецело верит каждому слову, произнесённому батюшкой Илием.

– Батюшка благословил издать книгу об Афанасии Андреевиче Сайко, – говорит мне Александр.

– А у меня как раз уже есть рукопись, и книга получается.

– Батюшке очень понравилась поэма Василия Михайловича Катанова «Учитель». Он благословил меня издать её тиражом пять тысяч экземпляров. Не знаю, где взять деньги, – сокрушается Воробьёв. А через некоторое время:

– Представляешь, неизвестный перечислил деньги на издание книги «Учитель» – про Иисуса Христа!

– Так, может, это батюшка перечислил? – допытываюсь.

– Конечно, батюшка! Конечно, по его молитве! Но только не знает этого добродетеля, – отвечает Воробьёв.

Чем больше я общаюсь с Александром Владимировичем, тем явственнее понимаю – его путь благодатен и угоден Богу. Поэтому и люди вокруг него собираются хорошие. Посмотрите на дизайнеров, печатников, менеджеров Воробьёва и попробуйте после этого сказать, что у нас молодежь не та.

Путь издателя всегда тернист. Вспомните жизнь первого орловского издателя Ивана Яковлевича Сытина, который в 1814 году, собственно говоря, и выпустил первую орловскую книгу. Сколько раз его разоряли, забирали в пользу государства типографское оборудование. Он всё время начинал всё сначала.

– Что движет тобой? Что заставляет снова и снова браться за дело, которое не приносит прибыли? Книжный рынок в упадке, народ читает только детективы, ужастики и женские романы, а ты их не выпускаешь. Ты выпустил пятнадцатитысячным тиражом книгу Н.С. Лескова и раздал бесплатно, то есть даром. Зачем? Ты выпустил книгу воспоминаний прекрасной актрисы М. Соколовой и даришь её, потому что продать невозможно. Ты отпечатал двухтысячным тиражом книжкунаскраску «Любимый Орел», а народ покупает раскраски с покемонами и лоша-риками. Ты понимаешь, что твоя раскраска никогда не продастся? – вновь и вновь пытаю Воробьёва.

– Я всё понимаю, но кто-то должен это делать, иначе мы все скатимся в бездну. У меня просто нет выбора. Давным-давно я, буквально не отрывая руки, написал на листе темы будущих книг. Все говорить не стану, но там были святые земли Орловской, и Свято-Успенский мужской монастырь, и Лесков, и Тургенев... Много великих имен. Так, знаешь, тот список и до половины не выполнен. К творчеству Бунина я, например, только сейчас пытаюсь прикоснуться. А ещё мечтаю издать книгу о его орловской юности...

– А книга отца тоже из твоего списка?

– Нет. Это личное. Я просто должен её выпустить. Это вне плана, – смеётся Воробьёв.

Я смотрю на два аккуратных тома, лежащих на столе издателя, и понимаю, что скоро Орёл ждёт радостное событие: встреча с новой книгой. Александр её обязательно выпустит.

Всё, что задумывает Александр Воробьёв, всегда получается. Поручкой тому и заступничество батюшки Илия, и профессионализм, и вера в свой однажды выбранный путь.

ТРИ ВСТРЕЧИ

Александр, у меня есть одно незаконченное дело, я должна написать рассказ про Михаила Андреевича Беренса, про мои три встречи с ним. Я так и не сделала это, – говорит мне Анастасия Александровна Ширинская. И начинается рассказ. Голос звучит как бы издалека, из прошлого...

1923 год. Палуба броненосца «Георгий Победоносец». Анастасии всего одиннадцать лет. И впереди целая жизнь, и ярко светит солнце, и вокруг родные, знакомые лица, и звучит музыка... Рядом с родителями Анастасии стоял и контр-адмирал Михаил Беренс – все русские приглашены на свадьбу молодого гардемарина. Но молодые не привлекают Анастасию Александровну так, как легендарный герой Порт-Артура, блестящий офицер Беренс. Про него всегда говорили дома, он как бы был свой. В тесном кругу эмигрантов, вот уж воистину, был и царь, и бог, и важный начальник.

Звучит старое танго «Под знойным небом Аргентины», взрослые танцуют, а Анастасия тихонечко стоит в углу. И вдруг к ней подходит сам Беренс и... приглашает её.

– Хочешь сделать со мной тур вальса? – галантно кланяется Михаил Александрович.

– Ах, как мы вальсировали с Беренсом! – и через восемьдесят с лишним лет загораются глаза Анастасии Александровны.

Кто же он такой?

Участник подавления восстания в Китае (1900 г.).

Участник обороны Порт-Артура. Во время Мировой войны служил на Балтийском флоте. Георгиевский кавалер. Награжден орденом Почетного легиона. В Гражданскую войну исполнял обязанности командующего морскими силами на Тихом океане, затем служил на Черноморском флоте, командовал отрядом судов. Эвакуировался в Безерте. Последний командующий Русской эскадрой в Бизерте (1921-1924).

Вторая встреча Анастасии с Беренсом была позднее. В 1924 году Франция признала молодую Советскую республику. Начался торг – Москва требовала вернуть корабли Черноморской эскадры. Париж хотел оплаты царских долгов. Договориться не удалось, корабли пошли под нож.

29 сентября 1924 года, в 17 часов 25 минут был спущен Андреевский флаг, который поднял когда-то Петр Первый. Непобедимый, непокоренный флаг, спущенный самими русскими офицерами...

– Я помню всё, я смотрела на Михаила Александровича Беренса и видела, с каким трудом даются ему команды. Последний подъём и спуск Андреевского флага состоялся на эсминце «Дерзком». Собрались все, кто ещё оставался на кораблях эскадры: офицеры, матросы, гардемарины. Были участники Первой Мировой войны, были и моряки, пережившие Цусиму. И вот прозвучала команда: «На флаг и гюйс!» и спустя минуту: «Флаг и гюйс спустить!» У многих на глазах слёзы...

А дальше и для Михаила Александровича началась обычная жизнь эмигранта. Служил землемером в отделе топографической службы, участвовал во многих общественных организациях, входил в комиссии, комитеты... Умер в 1943 году, когда Тунис был оккупирован немцами, похоронен в общей могиле.

– А третья встреча? – так и хочется спросить Анастасию Александровну, но она всё помнит, держит нить повествования.

Оказывается, именно эта хрупкая женщина настояла на перезахоронении М.А. Беренса...

Перезахоронили Михаила Александровича на православном кладбище в предместье туниССкой столицы.

Анастасия Александровна замолкает, опускает глаза, вновь и вновь переживая прошедшие года. И мне кажется, что название «Три встречи» – это не только про неё и Беренса, это и про меня с нею! Смотрите: вначале было имя – Ширинская, которое прозвучало в разговоре с другими эмигрантами, потом эта удивительная, неправдоподобно реальная встреча, а третья – я уверен, что она растянется на годы. Ведь, пока я жив – всегда буду помнить замечательную русскую женщину, которая с севера Африки дала нам урок любви к своей Родине!

ЖАННА ТРАВИНСКАЯ

ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБЁНКА

Немцы вошли в город. У нас есть пока кое-что из продуктов, и мы пока не знаем голода. В тоске и страхе проходит зима, весной – уже повальный голод. Вынесли из дома в обмен на свёклу, тыкву, макуху все вещи: красивые мамины платья, кофточки, бабушкину шаль. Менять больше нечего.

Мама пошла к немецкой кухне. Ей дали картофельные очистки. С радостью, промыв очистки, крутила она их через мясорубку и пекла оладьи на машинном масле. Она была так голодна, что жадно съела их горячими, снимая со сковороды, мне почти ничего не досталось. А потом от этой стряпни два дня мама мучилась, катаясь по полу от боли в животе.

Однажды, войдя во двор, я встретила соседского Вовку, который был старше меня лет на пять. Он важно стоял, расставив широко грязные, босые ноги, держа в руке кусок белого хлеба, и медленно его ел. Я не поверила своим глазам – белый хлеб! Я так давно не ела, не держала в руках его, что забыла, какой он. Мои голодные глаза следили за тем, как мальчишка откусывал, пережёвывал и глотал белый хлеб. Я смотрела ему в рот и думала: «Может быть, он догадается дать мне хоть кусочек, хоть крошку!» Рот наполняется слюной, которую я то и дело сглатываю, я придвигаюсь к нему совсем близко. Но Вовка, гордый, не замечает моего голодного взгляда. Тогда я спрашиваю: «Вов, где ты взял белый хлеб?» Он отвечает: «В Волчановке дали, немцы. Мы с сестрой ходим к ним, они нам дают». Оказывается, в Волчановке есть белый хлеб, и его дают даже моему сопливному соседу Вовке и его сестре, а я чем хуже! Жгучее желание попасть в Волчановку родилось во мне. Как мне пришлось упрашивать Вовку взять и меня с собой, настойчиво убеждая мальчика, что не стану обузой и не буду хныкать. Мне бы только дойти до этой Волчановки. Наконец, Вовка сдался, только предупредив, что надо будет рано встать и захватить с собой сумку через плечо и бидон. Как он объяснил, что сумка нужна для кусков, а бидон для жидкой пищи, если жалостливые хозяйки плеснут ложку-другую своего варева. Вечером я попросила маму сделать мне сумку, дать бидончик и разбудить рано утром.

На рассвете мы втроём отправились в заветную Волчановку. Идти пришлось долго, несколько раз отдыхали в пути. Войдя в село, мы направились к деревян-

ному ангару. Двери были открыты, вошли сначала брат с сестрой, за ними, робко, я. В полутёмном помещении бросились в глаза стеллажи с хлебом. Много хлеба, и чёрного, и белого...

«Гутен таг*, пан, дай брот**», – обратился Вовка, как старый знакомый, к высокому белобрысому немцу. Тот молча взял со стеллажа буханку белого хлеба, разрезал её пополам и протянул мальчишке. Но вдруг увидел меня, маленького чёрного заморыша, голодными глазами следившего за каждым движением его рук. Он резко отдернул руку от Вовки и так же резко бросил половину буханки в моём направлении. У меня перехватило дыхание. Я не могла поверить такому счастью: мне дали белого хлеба! Растерялись и брат с сестрой. После этого случая они прогнали меня от себя, и я одна ходила в Волчановку.

А в этот день я была самая счастливая на свете, почувствовав себя кормилицей, принесшей в дом белый хлеб! Прошли годы. Давно закончилась война, но не стереть в памяти у всех прошедших войну – воспоминания о ней. И в наше трудное время они особенно остры!

Я РОДОМ ИЗ ДЕБАЛЬЦЕВО

Я родилась на Украине, в маленьком городке Дебальцево. Лето 1941 года. Мне – пять лет. Я живу у тётушки Анны на хуторе. Просыпаюсь рано, солнце яркое и доброе, все вокруг счастливы и радостны. Я выгоняю гусей на широкую и зелёную хуторскую улицу, и она мне кажется необъятным миром. Так было до того дня, как я услышала слово, одно из страшных слов – «война»... Тревога и слёзы на лицах близких. Сборы и проводы. Меня забирают в город, и вот мы: я, мама с грудным братцем и мой двоюродный брат, лежим под кроватями. И мне непонятно: почему мы должны лежать в таком неудобном положении весь день, и меня никто не кормит? Оказывается, идёт артиллерийский обстрел, немцы у нашего города. Выстрелы, как раскаты грома, и такие же вспышки света. Через два дня немцы заняли наш город.

Мне тяжело вспоминать страшный голод зимой. Как чудом выжили и весной уже жевали всё, что было зелено: лебеду, траву-мураву (крапиву можно было купить только на рынке), укроп и молодые стебли подсолнечника.

Когда немцев выгнали из города, они стали бомбить. Прилетали пунктуально в одно и то же время – вечером. Мы это хорошо усвоили и готовились заранее, убегали в бомбоубежище, прятались в погребах, предварительно захватив кусок кукурузной мамалыги. Этот нарастающий гул летящих мессершмиттов я до сих пор не могу забыть и каждый раз вздрагиваю, услышав летящий мирный самолёт.

И снова лето. Военное лето. Солнечный день, взрослые уходят на поиски пищи, а мы, малыши, съев всю траву вокруг домов, вдруг обнаружили большой кусок белой глины. Оказывается, если её положить в рот, она приятная и похожа на масло. Такой вывод сделал соседский мальчик. И вот мы, окружив этот кусок, набиваем рты и голодные животы липкой массой. И тут неожиданно услышали сначала далёкий, потом всё ближе и ближе, такой знакомый уже страшный гул. Мессеры! Все разбежались, а я, схватив ещё один кусок белой массы, осталась стоять. Мамы нет, во всем нашем коммунальном доме только мой младший братишка, который ещё ходить не умеет. Я растерялась. Мне нужно принимать решение: убегать одной или с братом? Но ведь я его не смогу унести, для меня он тяжёл. А самолёты над головой, закрыли всё небо, даже вижу эти ненавистные «кресты». Где-то стали рваться бомбы. Объятая страхом, я побежала к дому. Вбежала в подъезд, бомбы рвались где-то совсем близко, звенели выбитые стёкла, в комнате кричал от страха брат. Я рванулась к нему, открыла дверь. В этот момент разорвалась бомба,

волной выбило раму из оконного проёма, она с грохотом и звоном упала на пол. В ужасе я снова выбежала в коридор, и вдруг страшный взрыв потряс дом. Стало темно и тихо (вероятно, мне заложило уши). «Что бы это могло быть?» – подумала маленькая головка, – «И жива ли я?» В этом хаосе что-то горит красным и падает. «Конец... наверно, ничего больше не будет»...

Но мгла рассеивается, брат кричит, надрываясь. Я обхватываю его поперёк и волоку на улицу, где уже снова светит солнце. Но что это? Почему я вижу соседний дом, который был за нашими сараями? Сараев – нет. И только глубокие погребавизияют пустотой...

Этот страшный день навсегда запечатлелся в моей памяти.

Работая над серией пластов – картин «Моя биография», я на первый пласт «Детство. Бомбёжка» перенесла своё пережитое в тот летний военный день!

Господи! Упаси людей от ужасов любой войны!

ПЕТУХ КРИЧИТ НА ВСЮ НОВОРОССИЮ

Я помню эту песенку с детства. Её пела моя мама. Пела и я своим детям, но никогда не задумывалась: почему «золотой гребешок, маслена головушка, шёлкова бородушка?»

А тут в доме у меня появился петух. Подарили мне цыпленка в подростковом возрасте, такого «гадкого утёнка» с длинными лапами, не сформировавшимся туловищем и без признаков петушиной красоты на голове. Порода у него бройлерная, выведен на мясо (так мне сказали), поэтому я от него ничего не ожидала: ни любви к своему дому и хозяевам, ни, тем более, ума. Был он весь белый, с серьёзным, даже злым выражением глаз, важно расхаживал по квартире. Днём увозили его на дачу, чтобы наслаждался природой. Сначала возили его в полиэтиленовом пакете, а когда подрос – в рюкзаке. Он, конечно, протестовал против такого насилия, а потом привык. На даче, ошарашенный простором и морем света, петушок был тих и робок. Только в квартире он чувствовал себя хозяином. Его первенство в квартире признали собаки и кошка. Шло время. Однажды мы услышали какой-то хриплый кашель, удивились, что бы это значило? На завтра кашель повторился, но уже громче, и скоро голос набрал силу, тогда-то мы услышали петушиное «ку-ка-ре-ку!» И сразу у него сформировалась его краса: большой гребень и серёжки. Он весь преобразился, стал гордой и статной птицей, просто красавцем петухом.

Утром сразу же шёл к собачьей миске, расталкивая собак, наслаждался едой в одиночестве.

После того, как он стал петь, соседи разделились на два лагеря: те, что родились в деревне, радовались пению, вспоминая свою деревенскую жизнь, остальных пение раздражало. Они звонили мне по телефону и требовали петуха зарезать: «Вы ещё не едите суп из петушатины?»

Я стала закрывать Петю в ванной и создавать ему ночь средь белого дня, чтобы не пел. Соседи, которые наслаждались пением, обратились в милицию с просьбой проверить жите-бытие петушка: «Над ним наверно издеваются, коль он стал плохо петь!» Потому требовали на хозяев завести уголовное дело. Соседи другого лагеря тоже обратились в милицию, дабы заставить меня зарезать петуха. Так милиция зачастила ко мне. Одни милиционеры проверяли, хорошо ли живётся петуху, другие удивлялись заявлениям злобных соседей. Мне это так надоело, что я решила отдать Петю в частный дом на Васильевскую улицу, там было порядка тридцати кур. Но мой Петя и не думал дружить с курами, бунтовал и дрался. Хозяйке пришлось держать его отдельно от остальных. Прошло две недели. За это время милиция отказала в уголовном деле одной стороне, другая сама успокои-

лась. Петя страдал в чужом доме. Хозяйка, позвонив как-то, сказала: «Негодный он, кур не топчет, на меня бросается, надо его посечи. Давайте, я сделаю всё сама, а вы заберёте готовое!» Я закричала в телефонную трубку: «Не убивайте Петю, пожалуйста! Мы заберём его домой».

Принесли петуха домой. Он такой худой, скандальный и драчливый. Стал набрасываться на меня, клевать. Не смог Петя простить, что отдала его в чужой дом!

Начала я наблюдать и изучать своего Петю-петушка. Поняла, почему у него «золотой гребешок». Ведь красный гребень у него в пупырышках, впитывает солнечные лучи, издали смотришь, действительно, отликает золотом. «Шёлкова бородушка» – серёжки его такие нежные, как будто пришиты из мягкой и пластичной ткани, похожей на мокрый шёлк. «Маслена бородушка» – перья на голове, спадающие на плечи, создают впечатление смазанной маслом головы. И так приятно гладить его по этой «головушке».

Вспоминаю своё детство на Артёмовском хуторе, на Украине. У тети Анны был полон двор всякой живности и птицы, но петух занимал особое место, он был хозяином не только своего гарема, но и всего двора. Я его очень боялась.

Петух – любимая птица славян. Недаром он герой сказок, песен, анекдотов. Из всех птиц именно петух стал символом Христа, попечителя, охранника и воителя.

В сказке А.Н. Афанасьева «Лиса, заяц и петух» Петя показан смелым, честным и гордым. Обманщицу лису не могли выгнать из избушки ни собаки, ни медведь, ни бык. И только петух не только выгнал, но и зарубил лису косой.

У поэта К. Рябенского есть стихотворение о матери... и петухах:

*«Бегала проворная иголка,
И мелькала розовая нить.
Вышивала мама долго-долго,
В песню душу силилась вложить.
Не жалела маленького сердца,
А другим прощала все грехи.
Спать пойдёт, когда на полотенце
Красные проснутся петухи».*

В моей коллекции полотенце тоже есть вышитые петухи. Особенно мне нравится домотканое полотенце, вышитое крестом в два цвета: красным и чёрным. Чёрный со временем потускнел, стал серым, но не утратил своей праздничности. Внизу, сразу за кружевом, «вилюшка» с красными листьями и серо-чёрными цветами. А дальше среди «Древа Жизни» и цветов, среди ягод земляники расхаживают красавцы петухи. Они идут в центр полотенца и уходят из него, гордые, свободлюбивые, и по всей округе слышится боевой петушиный клик.

Мы привыкли, что петух – всего-навсего обитатель деревенских улочек, хозяин курятника. Однако в русских поверьях и восточных легендах он имеет совсем другой образ. Петух – вестник зари, птица солнца, он изгоняет тьму: не зря любая нечисть гуляет по земле только до «петушиного крика». В Китае петух символизирует пять человеческих добродетелей: доблесть, благородство, храбрость, надёжность и великодушие.

Мастера фен-шуй убеждены, что петух – земное воплощение магической птицы Феникс, которая символизирует счастье, признание, славу и бессмертие – по легенде Феникс всегда возрождается из пепла. Пламя не способно навредить Фениксу, ведь он сам живое воплощение огня.

На обложке книги «Народные промыслы» А. Миловского изображён именно такой Петух-Феникс мастера С.П. Веселова. «Петух на жёрдке дозорит беса», – сказал поэт Клюев в своей «Погорельщине».

«Едва вошёл я в избу Веселова, с круглого золочёного блюда на стене пронзительно глянул на меня остроклювый сказочный петух. Он и вправду был весь – как пожарная тревога; оперенье взвихрилось языками киноварного пламени. Мастерская рука вписала жар-птицу в сферическое солнце, обравив её травным узором. Да, и сам петух-то, стоило к нему присмотреться, оказался выписан травами-муравами.

– А за что вы петуха так жалуете? – спрашиваю Веселова и получаю в ответ стишок:

– *За то, что весело живёт
И каждый день с зарёй поёт.*

Любимому петуху – без него не обходится редкая роспись Веселова, конечно, посвятил он задушевные строки.

В каждой местности на Руси пекли свои «фирменные» пряники. Больше всех славились и ценились тульские, вяземские, городецкие, московские, новгородские, архангельские. Печатными их называли потому, что их и в самом деле печатали, как книги – с формовочных досок. И обязательно на досках присутствовал петух, или несколько петухов: в круге, в квадрате, прямоугольнике. Александр Миловский рассказывает: «По моей просьбе выпекли девчата пряник из прошлого века – с роскошным петухом на корочке, чеканные перья не смог залить даже сладкий сироп. Не знаю, каким был на вкус его предок, но нынешний городецкий петух оказался на славу и статью, и вкусом. «Городецкий пряник» – было выведено на нём размашистой вязью, и от одного названия как будто повеяло пряным духом корицы, гвоздики, имбиря, душистого перца, которые везли в старину на Русь, чтобы пряник был пряником.

Я училась в знаменитой Гжели в 50–60 годы прошлого века. Для знакомства с произведениями старых мастеров мы ездили в исторический музей и музей научно-исследовательского института народных промыслов. Среди тарелок, сырных досок, кумганов, кружек я видела кружку с сине-жёлтым петухом мастера Никифора Семёнова. Петух разгуливал среди зелёной травы. Гордая посадка головы, жёлтый гребень, как корона и синие перья хвоста. Не петух, а птица Феникс. Там же были братина и два гжельских блюда с петухами в центре.

А.Б. Салтыков по этому поводу пишет: «Лучшие образцы такой декоративной росписи представляют композиции с петухами. В центре блюда изображена высокая, красивая и гордая птица. Она важно идёт, или быстро бежит. Рисунок очень уверенный, твёрдый, лаконичный. Художник не боится замкнуть идущую фигуру в орнаментальный венок.

Эти прекрасные декоративные петухи есть плод собственного гжельского творчества, нигде больше, насколько нам известно, они не встречаются, хотя вообще изображение высокой птицы, в частности петуха, широко распространено в народном искусстве. Так, некоторую аналогию представляют петухи, встречающиеся на гжельских же квасниках и на кружках, и высокие, голенастые птицы на стеклянных штофах и кувшинах. Но и те, и другие далеко не столь выразительны по своему характеру и не так богаты по форме».

Я, работая на керамической фабрике, в своих ранних произведениях тоже отдавала дань Пете. Несколько тарелок с росписью (одна из них подарена искусствоведа И.А. Круглову), петух-кочет с рельефом и росписью (находится в музее-заповеднике Спасское-Лутовиново) и декоративные плашки по мотивам вышивок с петухами. Позже, работая к юбилейной выставке А.С. Пушкина «Души прекрасные порывы», я обратилась к сказке «О золотом петушке», сделав сосуды «Шамаханская царица» и «Царь Дадон» с включением в тулово рельефов петухов. Эту же сказку я иллюстрировала раньше, вылепив для детского сада №75 рельефы. Я считаю удач-

ным рельеф «Сон царя Дадона», изображающий спящего царя под балдахином, на жердочке золотой петушок «дозорит беса».

Недавно перечитала роман Н. Мариенгофа «Циники» и нашла там высказывание о петухах, вернее, о петушиных боях.

«И был это он огромнейший любитель петушиных боёв. Жизни по ним учился. Птицу имел родовую. Одно загляденье. Всё больше пера светло-сокового или красно-мурового. Зоб, как воронье крыло. Ноги либо горелые, либо зелёные, либо жёлтые. Коготь чёрный, глаз красный. В бою всего более переярка ценил. Это значит, петуха, который вторым пером оделся.

В бою каждая птица имеет свой ход. Один боец – на прямом, как жеребец, выступает. Красота глядеть. Рыцарь, а не петух. Есть ещё «кружастые». Ну, этот будет маленько посмышлёнее. Рыцаря завсегда, значит, отчитает. Потом идёт «посылистый». Хитрый петух. Сзади, каналья, бьёт. Нипочём «кружастому» его не вытерпеть. А всем петухам петух победитель, это тот, что на «вороватом ходу». Сражение даёт для глазу незавидное. Либо, стерва, висит на бойце, либо под него лезет. Ни гонору тебе, ни отваги, ни великолепия. Только мучает и нерв треплет. Удивительная стратегия. Башка, башка, доложу я вам. Сократ, а не птица...»

Это теперь люди устраивают петушиные бои ради заработка и грубого азарта.

В древности греки, наблюдая за боем петухов, учились храбрости и упорству. Собираясь на войну с персами, знаменитый греческий полководец Фемистокл включил в программу подготовки своих воинов и петушиные бои, чтобы солдаты, глядя на них, набирались стойкости и отваги. Известно, что храбрые галлы, предки французов, своё название унаследовали от петухов («галл» в переводе с латыни означает «петух»).

У В. Одоевского в рассказе «История о петухе, кошке и лягушке»: «На дворе у тебя видела матёрого петуха, а здесь кота заморского: а ведь по нашему, по бабьему реченью, кот да петух, что жена, милый друг».

А в русском «декамероне» есть анекдот про петуха:

«Пошла старуха на базар – петуха купить. Ходила, ходила, – всё не по деньгам. Наконец примерилась к одному – дешёв, да тощ больно! Она и спрашивает хозяина:

– А что ж такой тощий?

– Тощий, да бойкий!

Ну, купила. Принесла его домой, к своим курам пустила. А петух, не долго думая, кинулся на кур и давай топтать всех кур подряд. А потом перешёл на соседских, а после них и до дальних добрался! Испугалась старуха: «Петенька, пожалей себя, ведь помрёшь от такой работы!» И правда. Видит, через день петух валяется ни жив, ни мёртв на помойке.

– Ну, что, дурачок, ведь я тебя предупреждала, что сил не хватит на всех! – всплеснула руками старуха.

А Петух один свой глаз приоткрыл и шипит:

– Цыц, курва старая, всех ворон распугаешь!»

Держу в руках петушка Александры Михайловны Иваниловой, известной мастерицы из деревни Плешково Ливенского района. К сожалению, её уже нет, а память крепко держит воспоминания. Лето. Двор Александры Михайловны залит солнечным светом, она в лёгком платице, управившись с коровой и свиньёй, накормив внука, выходит во двор. Во дворе гуси, куры, бегают маленький внук. За всеми она присматривает, а руки лепят, лепят: корову, белку с орехом и, конечно же, петуха. Эти, вылепленные в тот день игрушки, были подарены мне. Среди них – петух. Он без свистка, просто игрушка. А игрушка – часть среды, которую создаёт вокруг себя человек.

Как тонко подмечена мастерицей гордая осанка петуха, пропорции формы тела, декоративно оформлен петушиный зоб. Рисовать она не умела, анатомию не учила, а глаз от природы точно поставлен.

Через народную игрушку происходит возвращение нас к самим себе, восстанавливаются связи между человеком и природой, складывавшиеся веками. Обращение к народным традициям – возможность обретения национальной памяти.

Я уж собиралась на этом закончить свой сказ, но тут увидела среди книг в моей библиотеке маленькую голубую книжечку А.И. Куприна «Золотой петух». Известный русский писатель, читаемый с искренней охотой и увлечением всеми поколениями на протяжении многих десятков лет. Я открыла её. Среди известных рассказов с детства: «Слон», «Белый пудель», «Барбос и Жулька» – рассказ «Золотой петух» прочла на одном дыхании, это гимн нашей домашней птице, писатель «... распахнул окно и сел на подоконник. В ещё холодном воздухе стояли наивные ароматы трав, листьев, коры, земли. Но весёлый болтун – скворец и беззаботный свистун – дрозд молчали в то утро. Может быть, они, так же, как я, внимательно, с удовольствием прислушивались к тем, странным и непонятным, никогда доселе мной несслыханным звукам – мощным и звонким, – от которых, казалось, дрожала каждая частица воздуха.

Я не вдруг понял, что это поют петухи, прошло много секунд, пока я об этом догадался. Мне показалось, что по всей Земле трубят золотые и серебряные трубы. Посылая ввысь звуки изумительной частоты, красоты и звонкости. Я слушал эту чудесную музыку с волнением, почти с восторгом. Она не оглушала ухо, но сладостно наполняла и насыщала слух.

...Напрягая последние силы, в самозабвенном экстазе, трепеща от блаженства, закрыв в упоении глаза, поёт великолепное славословие бесчисленный петушиный хор! И теперь я уже не понимаю – звенят ли золотыми трубами солнечные лучи, или петушиный гимн сияет солнечными лучами? Великий Золотой Петух выплывает на небо в своём огненном одиночестве. Вот он старый прекрасный миф о Фениксе – таинственной птице, которая вчера вечером сожгла себя на пышном костре вечерней зари, а сегодня вновь восстала на востоке из пепла, дыма и раскалённых углей!»

Папа рассказывал, что дедушка мой, помещик Травинский Алексей Иванович из Покровского, большой любитель был петушиного пения. За голосистыми петухами мог поехать куда угодно, только что бы пели громко и красиво не только в своей деревне, а и далеко окрест.

Вот какой он, Петя-Петушок, таинственная фантастическая птица, а не только окорочка, к чему мы больше привыкли в наше время.

Мы давно потеряли связь с природой, нам многим мешает пение птиц, лай собак, а, тем более, пение петуха.

У нас дома всегда жили раненые птицы, которых мы выхаживали и отпускали на волю. Помню галку с подбитым крылом. А как-то зимой папа подобрал замерзающего воробья и принёс домой. Птица отогрелась и летала по комнате, скрашивая моё одиночество.

А как мы дожидались весны и прилёта скворцов! Подправляли старые скворечники, посеревшие от зимней стужи и ветров, подвешивали новые. И вдруг кто-то закричит: «Смотрите, скворушки!» Тут уж и земля обсыхает, берёзовые почки распускаются. Выходят куры с петухами. И начинается новая жизнь, гармония с Природой и с самим собой.

В 1983 году, в год Петуха, весёлые московские художники шумно очищались «петушиным огнём» и в этот день родилась идея создать музей Петуха. Сразу стало ясно, где должно находиться петушиное царство, – ну, конечно, в легендарных

Петушках, воспетых Венечкой Ерофеевым. Это пока единственный в мире музей Петуха, где петухов – «куры не клюют!» Здесь и живописные полотна, графические листы, скульптура в традициях Гжели, Хохломы, Дымковской, Богородской, Владимирской игрушки, Тверской и Филимоновской школ.

В музее имеется скромный закуточек – курятник, под навесом которого нужно прокукарекать три раза и загадать желание. Говорят, оно непременно исполняется.

Может, и в Орле появится музей Петуха!

А мы с Петей будем ждать весны, чтобы поехать на дачу, где наслаждаться красотой Природы, Звезд и Мироздания.

Поэзия

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

200-летию М.Ю. Лермонтова

ТИТАНЫ НА СКАЛЕ

Отблеск эполетов

*Обитатели земной небесный житель,
Очерчивая безднам Млечный путь,
Под Пятигорском демон – искуситель
Свинец нацелит Лермонтову в грудь.*

*Падёт поэт на отблеск эполетов –
Посланец Прометея в мир иной.
Огонь дал людям, клан создал поэтов,
Скалу раздвоил мыслью не одной.*

*Увидел звёзды от вершин Кавказа,
А в Индии прозрел медовый вереск.
Спит под луной, с газелями Ширази,
Скала под ним, в цепях двуглавый Эльбрус.*

*Прикованный – рванёт ту цепь! И снова
Его туда, к титану под кольцо.
Вот что такое Лермонтова слово!
Венец терновый, лавры со свинцом.*

*На той скале, во льдах зимой и летом
Дух Прометея, отблеск пистолетов.*

15 октября 2014 г.,
г. Орёл

В Мишково

*Сельцо такое Мишково
Тут где-то под Орлом.
А тарантас с Нарышкино
Протарахтит. И вслед верхом
Мчит кто-то на коне лихом.*

*Проедет Оптуху, приблизится к Оке,
Крестьянку встретит:
– Где проживает Глебов?
– А кто он? Пень в реке?
– Мой родич.
– А сам-то кто?
– Свалился с неба.*

*Баилык в пыли, сапог худой.
Кавказ, поручик молодой...
Когда то было?
Теперь, не только под Орлом,
Поэтов видят тут в любом.
А Мишково – в заветной лире –
Так знают в целом мире.*

Дедушкина былъ

*Проколочу по полу пятками,
Нырну к нему под одеяло:
– Скажи-ка, дедушка, за святками
Про старину, как всё бывало.
А он мне, дедушка Герасим,
Крестьянский староста когда-то,
Помножит цифры девять на семь
Да и начнёт:
– Внучок, внучата!
С чего сам взялся? С ЦППШ –
С церковно – приходской...
И потихоньку, не спеша
Начнёт читать, махнув рукой,
Стихи, сюда, в мои пять лет,
Как будто прежний непокой
Прихлынет с дедушкиной лаской,
Предивной лермонтовской сказкой
Премилый дедушкин портрет:
«– Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана.
Ведь были схватки боевые,
Да, говорят, ещё какие.
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина...».
Лежу и слушаю, внимаю,*

Всё помню – первые стихи,
Любых других не понимаю –
Ни про любовь, ни про грехи,
А эти всё про ядра, пушку,
Про кивера и в поле дым...
Ещё не знал, не брал на мушку,
Что к нам тут, к малым и седым,
Уж подбирается война.
Кровопролитье, кровь своя.
Что гибнут (смерть уже видна)
Все дедушкины сыновья.
Что скоро тут, на Серединной,
И те появятся, приедут
Со свастикой в колонне длинной.
Короче, прикатали следом.
«Полковник наш рождён был хватом
Слуга царю, отец солдатам,
Да жаль его, сражён булатом,
Он спит в земле сырой».
Но вот вернулись наши части,
К нам сталинградские полки
На пепелище и на счастье
Пришли и стали у Оки.
«Скажи-ка, дядя, ведь недаром»
Опять у нас Бородино.
А с ним, спалённое пожаром,
И наше поле заодно.
Что под Москвою с пылом, с жаром
И тут, в Сабурово, не врозь,
Для нас, срединных, ведь недаром
С Освобождением всё слилось.
И Лермонтов опять же с нами
В Сабурово тут, за Окой,
Он поднимает наше знамя
Своей незабываемой рукой.
Святая Русь! Отсюда враг
И покатился на закат.
Ушёл от нас тевтонец – молох,
И я тому, конечно, рад.
За то, что Лермонтов и Пушкин,
Бородино и Куликово.
За то, что слово, как из пушки,
За Русь стоять всегда готово.
«Скажи-ка, дедушка, недаром,
Русь, опалённая пожаром,
Не отдана была врагу».
Мы с ней, на нашем берегу.

Герои нашего времени

В институте по русскому
Курсовую изрек.
Тему взял я не узкую –
Девятнадцатый век.
Смерил Гоголя Плюшкиным,
Пролистал ночь за ночкой,
Оказался же с Пушкиным
С «Капитанскою дочкой».
Время пулей, в душе благодать,
Но побудьте в студенческой шкуре.
С полсеместра я взялся писать
Курсовую по литературе.
Мы говорим «Пушкин» и вспоминаем Лермонтова,
Мы говорим «Лермонтов» и вспоминаем Пушкина.
Героев нашего времени, а не царя свергнутого,
Не царевну из сказки лягушкиной.
Квакни только в ином направлении,
Враз, как лягушке, шею свернут.
Не высовывайся, не попадай в тернии.
Не Пушкин, не Лермонтов, кто ты тут?
Пишу про Лермонтова, удовольствие получаю,
И тут – остановка.
Стало как-то неловко.
Времени вроде не отвечаю.
Пересчитал по пальцам дуэли:
Кого срезали, кому навесили гири?
Нарисовал фигу на акварели
И замолчал месяца на четыре.
А курсовую пора уже сдавать.
На душе темновато и больно
Как это без Лермонтова мир осознать,
Литературу обзреть
С высокой-то колокольни?
Поехал из Курска домой на «собачьи дни»,
На эти самые, на каникулы.
К друзьям. Может, помогут, они
К мифологии повернуться ликами?
Книжек набрал чемодан, чемоданище.
Писать не писал, но читал.
Курсовую в себе созидал –
С небоскрёб, огромное зданьище.
Пора возвращаться. А поезд ночью.
Попутка взяла и бросила.
Стемнело, станцию впереди вижу воочию.
Тащу чемодан. Руки вздулись. Дело к осени.
Болдинскою осенью набит чемодан,
Лирикой лермонтовской, мифами припорошенный.
В зубах несу, Лермонтов с Пушкиным там,
Никогда и никем ещё не были брошены..
Так и живу. Балуюсь рифмой и вермутом,

Капитаны таскаю рукой из огня.
Что б ни случилось, слово храня,
Знаю я, что Пушкин с Лермонтовым,
Толстой с Тургеневым –
Наши светочи, гении –
Ни за какие пфенниги,
Ни за что, на пути моём, не оставят меня.

Учитель

Учитель на селе я. Среди дня,
Где складывать буквы танкисты
Когда-то учили меня
В поре той бессмертной, неистовой.

Я русскому в пятом учу.
Задания про пословицы
Вчера дал, сегодня хочу
Спросить, что там, в народе-то, молвится?

Вначале пусть вслух наизусть
Читают «Бородино»...
Выходит к доске создание одно –
Стропила, слега, и пусть!

Читает:

«Полковник наш рождён ухватом,
Слуга царю, отец солдатам...»...

Смех в классе, говорю ей:

– А что, по-твоему, ухват?

Голос в классе:

– Чем чугульки таскают с печки.

Говорю:

– Ну да. А это про солдат.

Своё «Бородино» у нас. Орденоносец Гречкин,

Погиб он тут недалеко.

Тогда в сражение, в сорок третьем,

Как тот полковник, был герой...

– Кровь с молоком.

– Ну да. В малиновом берете.

И лёг майором под Сабурово.

А если б не погиб на нервной почве,

В полковниках ходил бы, это точно.

– А Лермонтов? Поручик всё? –

Сказала ученица Дурова.

– Да нет, – ответил добрый мальчуган. –

Поручику уж двести лет,

Добрался бы до генерала.

Сказал и я, учитель, на весь класс,

Подняв высокое забрало:

– Он Лермонтов, он Лермонтов у нас!

А это выше генерала.

Предзимье

Белеет парус одинокий
М.Ю. Лермонтов

*Так грустно, ветры свищут в поле,
И тучи тянутся к стерне.
Ни ковылей в степи на воле,
Ни снов в притихшей стороне.*

*Куда летишь, золотая пчёлка?
Одна под осень, с летом врозь.
Не пью нектаров я, и только,
А горьковатое хоть брось.*

*Из-под кубанки чубчик вьётся
Предзимья сень, моря хлебов.
И парус белым остаётся
Со скифским гимном про рабов.*

У соседей

*«Выхожу один я на дорогу».
Голос тихий, всё объято сном.
Знаю, чей он. С ним мы, слава Богу,
Тот романс классический поём.*

*Голос крепнет, всё звончее голос.
Пусть звучит, летит до самых звёзд.
Путь тернист, скрипит под санный полз
По ночам крепчающий мороз.*

*Утром прибегу к соседям, к Нюре
За парным коровьим молоком.
– Кто-то пел, – мне скажут. – В лунном мире
Слышится отсюда далеко.*

*– Лермонтов играл вчера на скрипке,
Я ему маленько подпевал. –
Так отвечу ей не без улыбки. –
Лермонтов морозцем рисовал.*

*На окне какие изразцы!
Вы с поэтом, Нюра, молодцы!*

Под дубом вековым

*В Синяевском, где всё Алёшиной живо,
Волну несёт на звёздный хоровод
И где шумит желтеющая нива,
Зелёный дуб мой на юру растёт.*

*Зайдёт гроза ль, ударит ли в макушку,
Под кручей, цепенеющий, стою.
То, замирая, слушаю лягушку,
То, оживая, сам себе пою.*

*И медленно желтеющая нива
Уходит за волнистый окоём.
В Синяевском, где всё Алешиной живо,
Под звёздами, под дубом мы вдвоём.*

Кольцо

*Обителю земной небесный житель,
Поэту глядя в умное лицо,
Века стремится демон-искуситель
Надеть на палец узкое кольцо.*

*Бывает смысл в строке не слову тесен,
А перстню с пальца, с покорённых рук.
Но Лермонтов держал их на эфесе,
На офицерском символе без мук.*

*Стоял один пред многоликой бездной
На той Скале, расправив гордо грудь.
В воде живой и минеральной, трезвой
Он выбирал свой одинокий путь.*

*Обителю земной небесный житель,
Не венчан был, он знал кольца предел.
Вот потому-то демон-искуситель
Кольца поэту так и не надел.*

*И со Скалы сияют в наши годы
Дух Прометея, факелы Свободы.*

30 октября 2014

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА

1

*И снится мне чудесный Коктебель
На голубом, под чёрным Карадагом.
Крым солнечный, посёлок этот бел –
Картина, нарисованная магом.*

*Но отчего пригрезилось всё это
Тут в Серединной, на Руси, в Орле?
«Легенды Крыма» в золотое лето
Стоят передо мною на столе.*

*Вино принес нам итальянец Ги
С подругою своею Валентиной.
И вьёт душа моя во мне круги,
Летит туда дорогою недлинной.*

*Слова во мне поют, несут их барды
Спасибо вам за мифы, други-сарды.*

2

*Столица ЮБК, конечно, Ялта.
На берегу питейный зал, Массандра.
Вино в вине, янтарь, как у прибалта,
Сияет знаменитая «бастарда».*

*Стол бесконечен, за столом под взглядом
Сегодня дегустируют все марки.
Какие краски, запахи, что надо.
Какие у природы нам подарки!*

*Скажи мне, Ги, с Италией в сравненьи,
С Сардинией любимой, виноградной,
Каков тут дух, каков полёт в кипеньи
Лозы с лозой, в фантазии отрадной?*

*И Ги мне говорит, отведав наше:
– Нет сардов краше, красочно и ваше.*

3

*И Валентина повторяет следом:
– В Сардинии и воздух, как живой.
Имеет цвет и свет...
– Мне ведом
Такой поток воздушный над молвой, –*

*Так я сказал о Солнечной долине,
Где в кистях созревает виноград.
От греческих времён до нас поныне
Легенды Крыма по подвалам спят,*

*А как проснутся, загремят всюю.
Не бездной славятся те бочки,
А радостью, любовью, песню всю
Не допою я, не дойду до точки.*

*С Италией я строю диалог,
Оттачивая мысль свою и слог.*

4

*И тут же где-то рядышком Судак.
От греков тоже и от генуэзцев.
Скала такая, что любой чуждак
Схватить способен чудо это сердцем.*

*Взглянёшь с неё на море, что внизу,
Да и замрёшь, кружится голова,
Как будто воз истории везу...
Не так ли, Ги? Не те ль мои слова,*

*Что приготовил я для Коктебеля,
А говорю, хватив немножко хмеля?
Ты, Валентина, оля-ля, права,
Да, Коктебель – то русские слова.*

*И там, и тут любовь и красота...
И ощущение полёта, высота.*

5

*Вернёмся же обратно, в Коктебель,
Посмотрим с Карадага в небеса.
Внизу под ним посёлок этот белъ,
И алые на яхте паруса.*

*И Ялтинская студия по Грину
Тут создаёт свой наилучший фильм.
Себя от Коктебеля чуть отрину
Да и отправлюсь в даль морскую, в штиль.*

*Рождая новый стиль в киноискусстве,
Романтик Лановой тут Александру Грину
Наиёптывает дивную картину.
На катере проходит мимо Лундстрем.*

*Слова во мне поются, шутят барды.
Спасибо вам за мифы, други-сарды.*

6

*И снова в Ялту, к Яйлам возвратимся,
Где киностудия играет свою роль.
И тут на высоту мы устремимся –
В Ливадию, в Дом творчества, к Ассоль,*

*Что ждут герои Грина, не дыша,
Где в Ливадийских царственных палатах
Искусство измеряется в каратах,
Политика не стоит и гроша.*

*Я был тут, в Ялте, в чеховском театре.
В нём просто замечательный буфет,
В котором не ломилось от конфет,
А голос, как на Яве и Суматре,*

*Сводил с ума, лечил от разных бед.
Софи Ротару! Это твой сюжет.*

7

Закончим же о Ялте мы на этом
Да и отправимся отсюда в Севастополь.
Летим мы по дороге горной летом,
Навстречу справа то стена, то тополь.

А слева – море. Черемное, русское.
Пониже – в крышах, к берегу Форос.
Солдатики орловские и курские
В скале дорогу прорубали. В нос

За это получали от прорабов.
К суворовским местам тянули путь
Среди бальзатов, пальм и баобабов.
Мелькнул асфальт, едва успев мелькнуть.

И сколько же мозолей, крови, пота
Дала солдатам тяжкая работа.

8

А вот и Севастополь. Как Тулон.
Морская эта русская фортеция.
Каков красавец! Я в него влюблён.
Что мне за морем Генуя и Греция!

Вот Херсонес во всю свою красу.
Княгиня Ольга в море на Царьград
Креститься отправлялась. Тут косу
Владимир – князь срезал себе и рад

Креститься сам был прежде, чем крестить
Народ свой на Днепре глубоком.
Святые наши! Быть или не быть?
Нам, христианам, с православным оком?

О Киевской Руси не беспокойся.
Не верь, крещёный, не проси, не бойся.

9

И вот сам Севастополь. В нём и я
У памятника павшим кораблям.
На праздник флота прибыла семья
Из Евпатории сквозь доллары к рублям.

Да, Ги! Тулон твой где-то – крепость эта.
Да, город Севастополь мой – герой!
Едва тащусь, фурункул среди лета.
Нога распухла. Словно через строй,

Иду по Севастополю во флагах.
Гремит «ура!» И я иду, иду –

*Весь чёрный, словно тень от Карадага.
Фурункул мучает, иду в полубреду*

*От боли, бьющей колоколом в ногу.
Не все герои тут! Но я – герой, ей богу!*

10

*«Ура! Ура!» – заплыв через залив.
«Ура! Ура!» – стучит в виски и сердце.
Вернулись в Евпаторию, залив
Глаза морской, солёной, с перцем,*

*Ложащейся на меленький песок.
По щиколотку даже и ребёнку.
Вбежал по грудь в водичку мой сынок
Да и давай плясать в ней летку-ёнку.*

*Вокруг себя руками колотить,
Визжать и прыгать весело, в задоре.
А мы с женой смотрели, и любить
Хотелось больше корабли и море.*

*И плавал перед пляжами дельфин,
Пускал струю весёлый Серафим.*

11

*Мы – «дикари», обедали на пляже.
Вбив колья в беленький песок
И, протянув над ними простынь в сажень,
Спасались от лучей, вбивающих в висок*

*Свой кол, а в рот – песок под звуки «Тоски»,
Хрустело на зубах моих при этом.
Сосед ходил по простыням, газетам,
Какие покупал поблизости в киоске.*

*– У вас, в Сардинии, достопочтенный Ги,
Мой Ги де Мопассан, строптив и важен,
Читают ли газеты, пироги
Едят ли где-нибудь на пляже?*

*И отвечает Ги: – Несём свои вериги,
Под простыней прочитываем книги.*

12

*Так мы и жили в полусонной неге.
Дельфин ходил кругами в Керчь и Нальчик.
Однажды издали в худом и чёрном негре
Привиделся мне шоколадный мальчик.*

*С ним девушка молоденькая близко.
Любовью высекался темперамент,
Какая-то, наверно, одалиска,
Дрожала телом, сохла, как пергамент.*

*Но вот и шторм, разбушевалось море.
Смывало с парня чёрный шоколад.
Он уплывал туда, за лукоморье,
Где Африка, Сардиния, закат.*

*Не разделял он с нами одиночества.
Не так ли, Ги? Есть имя, но без отчества.*

13

*И алый парус приникал к Ассولي,
А белый парус в море исчезал.
И музыка сводила нас к бемоли,
В бемолях снег куда-то пропадал.*

*Бывают ли тут снеги, льдины, зимы?
Крым – полуостров солнца, остров грёз...
Земля любви и счастья. Серафимы
Великолепны за окном в мороз.*

*Крым, как кольцо у Бога золотое.
Кто потеряет, в боль впадёт и скорбь.
Не выйдет никогда из непокая.
С крымчанкой, с ЮБК не спорь.*

*Вот только хорошо ли это Крыму?
Ведут дороги к Ромулу и Риму.*

14

*И вот Крым вроде отстоял себя.
Республика теперь он, в федерации.
И мы туда, свой Коктебель любя,
На отдых мчимся под эгидой нации.*

*Но прежде крымь-рымь мы пройдем,
Чтоб окунуться в самом синем в мире,
Пройтись на «чайке» в море Черемном
И оказаться где-нибудь в Каире.*

*Белеет косо парус одинокий.
Пускай косятся, пусть они глядят,
Но пролетают журавлино строки,
Хоть ястребы за ними и следят.*

*Летит на юг, до Крыма, с Серединной,
За клином клин – печальный, журавлиный.*

15

Ты слышишь, Ги с подругой Валентиной,
Клопочут журавли куда-то в Крым.
Их караван дорогою старинной
Назад вернётся к пажитям своим.

На Русь, на Серединную весной,
Как прежде, просвистят они крылами.
Не пропоёт им радость лишь немой,
Лишь ветер с Крыма вслед за голосами.

Салют, крымчане! Встретим на кроме
Любовь и радость там, под южным солнцем.
Мы с ним всегда и всюду на коне
До лет седых, до дней последних донца.

И снова лето, снова Коктебель,
Крым солнечный, посёлок этот бель.

16

Опять мы в Крым, родной нам Коктебель.
Так едем поездом иль морем, как подковой?
Через пролив – не сесть бы нам на мель.
Дай мост построят – крымский путепровод.

А может в поезде, как прежде,
На Феодосию до Керчи?
Живёшь в Орле пока в надежде,
Что ляжешь вновь, ариведерчи,

Под луч зеленоватый Коктебеля.
Налево – катакомбы, Керчь,
Направо – к Айвазяну, до «Федосьи»,
Где рисовали маслом, акварелью

Картины моря тут; не босью
Рисованы, а адмиралом флота .
Великолепная работа.

17

Не галерея, а дворец дугой.
Картины маслом, Айвазовский.
По той же улице благой
Грин Александр, его музей азовский.

Вроде ничто, какой-то пустячок.
Пристроен к кухне, столик под штурвалом.
«О, бедность!» – прикусил я язычок
И вышел где-то за «Девятым валом».

*Расклеился и даже разрыдался.
Судьба художника, писателя судьба,
Как небо от земли. В них помотался,
И ничего, а тут дымит труба.*

*Грин и достался дымной той трубе,
Романтик моря – людям и себе.*

18

*Его лечили воздух, Старый Крым,
Живительный и пряный дух истории.
Опять же Ялта, Чехов и над ним
Вершины гор, а где-то ниже – море.*

*К нему сюда на отдых МХАТ съезжался.
К жене его – он был при ней, при Книппер.
Был хлебосолом, им же и остался.
Наш драматург, в драматургии лидер.*

*Известен стал, не ниже Колизея.
В войну один немецкий офицер
И пальцем не коснулся ни музея,
Ни Ольги Книппер-Чеховой химер.*

*Бываешь в Ялте, как не знать пляд
Из мира Чехова, его вишнёвый сад.*

19

*Не только Ялта – лоно всего Крыма,
А в лоне этом тот же Коктебель,
Шептали мне: «Не проходите мимо.
Что ни село тут, что ни город – бель».*

*Тре бель, что очень здорово порой.
Волошин, где у Карадага стенка,
С ним символистов незабвенный строй,
Цветаева, Ахматова-Горенко,*

*И Блок, и Гумилёв под чёрною горой,
Под Карадагом, с флагом плыло древко.
Плескались тут поэты в синем море,
Гулявшая таврическая спевка.*

*Припоминай волошинские зори,
Увидишь в море алый парус вскоре.*

20

*Ги! Расскажи мне про свою страну.
Ты пробудил во мне все эти мифы.
Прильну щекой к открытому окну:
Да, русские мы! Да, сарматы, скифы!*

– А ты, кто, Ги де Мопассан?
Француз ли, итальяно, сард?
И Ги мне беззаветно отвечает:
– Я – гид, и посетил я не одну страну...

Родился я, конечно, итальянцем.
На Апеннинах где-то, в «сапоге»,
А как Сенатра, Верди, Марио Ланца,
По миру с ними на одной ноге.

Всю Африку исколесил, изъездил.
Французом дважды был, с бельгийцами в соседях.

21

Но родиной до евро, до сантиметра
Сардиния мне стала, сард я, сард!
И остров наш на параллели Рима.
Сицилия южней, Неаполь – бард...

– А Корсика, – я спрашиваю, – что?
– А Корсика, – Ги отвечает мне, – Наполеон.
За год всего лишь до него была ничьей, ничто.
Он тоже вроде сард, мне близок он.

– Кто, что? Она?
– Нет он, тот остров.
– Остров невезения – то он тут, то там.
Тут я почувствовал, что Ги наш очень острый.

И невезуч. По всяческим местам
Ги проскитался, этот славный Ги,
В Сардинии остался. Въёт в раю круги.

22

С подругой жизни Валентиной
Купил красивый дом в красивом месте.
Зажить хотелось им под миртой винной,
С хорошими людьми жить честь по чести.

– Ты знаешь, Ги, мой Ги де Мопассан,
Его новеллу, лучшую из лучших?
Герои проскитались в ней по небесам
И стали стары. Их вопрос замучил.

Остановились, сели, оглянулись.
Все вроде есть: жильё, любовь, участие.
На всём пути, спасибо, не споткнулись.
И понял Вито, что такое счастье.

А Вито по-французски, что и Ги.
Живи, мой Вито, дом свой береги.

23

*Пришли домой к нам Вито с Валентиной.
Сидели у ковровой Богородицы.
И жизнь нам не казалась так же длинной,
Хотелось пальцем до любви дотронуться.*

*А та в бесцветном воздухе витала.
И было жарко, бесконечен день.
«Легенда Крыма» рюмочку питала,
Слова, как хмель, переходили в тень.*

*И Крым сквозь Украину приближался,
И возникал из мифов Коктебеля.
На сардов я совсем не обижался,
Для них под сорок – это норма, бель.*

*И мы свои года не замечали
Под материнский яблоней в печали.*

24

*Из-за Донецка доносило жаром.
Легенды Крыма, Солнечной долины
Скользнули в осень, к молодым и старым,
Спускались в малоархангельские глины.*

*Девонские, таврические, окские, –
Они прошли сквозь миллионы роз.
Моя земля, холмы её неброские
И за окном качание берёз.*

*Россия – Русь белеет от пурги,
В Сардинии волной синее берег.
Мой Вито, Ги де Мопассан, мой Ги!
На отдых приезжай сюда, на Север,*

*В наш яблоневый край. Живём любя,
Мой Ги международный.
Ты выбрал нас, мы выбрали тебя, свободный.*

13.08.2014 г.,
г. Малоархангельск

ПЫЛАЮЩИЙ ЮГО-ВОСТОК

1

*С Юга веет жаром к нам на Север.
Постоянно, вот уж сотый день.
Градусник под сорок. Даже клевер
Ищет тени, жмётся под курень.*

*Никнут нивы. Яблоки сухие.
Осы в них впиваются, едят.
Люди на Руси, в жару глухие,
По садам разрозненно сидят.*

*Там война. Оттуда боль и холод.
Слова русским не дают сказать.
Русские, особенно, кто молод,
Привыкают дома погибать.*

*Русские на русских за границей,
А не на Босфоре ведь, не в Ницце.*

2

*К нам бегут уже десятки тысяч.
А ещё, ещё бежать куда?
И кого за это надо высечь –
За пустые сёла, города?*

*Матери спасают не детей,
Просто жизнь, потомство, поколенья.
Неужели можно у людей
Так по-зверски ставить на колени?*

*Мать у блокпоста со скарбом скудным.
И седой ребёночек при ней.
Вырастить дитя попробуй – трудно,
А убить – в каких-то пару дней.*

*Люди, после станете седыми –
В жизни под предложениями любимыми.*

3

*Страшно видеть: Украина – ненько
Украину – неньку насмерть бьёт.
Погляжу, передохну маленько
И опять своё, за свой народ.*

*Русский мир; разбросанные всюду,
Погибают на своей земле.
Мир славянский; нам, славянам, худо
И по городам и на селе.*

*Нас теснят, веками не любя,
Племена, народы, государства.
Ну, а это сами мы себя...
Недоумки, пустозвоны, барство.*

*Ключ в замок, ведь погибает нация.
Всё ль спасенье в слове «федерация»?*

4

Город Славянск первым подобрал
Ключик узкий к скважине замочной.
«Малый Сталинград! – сказали. – Мал.
Маловат, разрушат, это точно».

И за ним руины городов
По всему, всему Юго-Востоку.
Героизм Донбасса будь здоров!
И Луганск с ним. Припадём к истоку!

Тот исток – большой славянский мир.
Славянск – город древний, древнерусский.
Тот ещё, докиевский, кумир,
Общий наш – и киевский, и курский.

Но пришли другие времена,
И распались мы на племена.

5

Вот и собираемся опять,
Но никак в кулак не соберёмся.
Ходит, бродит, встали рать на рать,
И за что мы, мир славянский, бьёмся?

В «Слове о полку» князь Осмомысл,
Галицкий владетель, подписывал
Горы те высокие, где мысль
С той слилась, что Запад в нас вливал.

Там у них намёк на федерацию.
Что ж нельзя ли тут Юго-Востоку?
Позабыла, что ли, наша нация,
Что потом нам, каково истоку?

Подписывал князь Галицкий Карпаты,
Не прошли на Киев супостаты.

6

Вот такой истории намёк,
Что сегодня в Киеве не помнят.
Говорю я это между строк,
Не обидьтесь в Ровно и Коломне.

Родовое вено психовитянки,
Что давно на Киеве сидела,
Не утюжьте, бэтээры, танки.
Ольга далеко вперёд глядела.

Правый берег: Чоп, Житомир, Львов –
Это ведь не Северский Донец.

*Там весна, а тут ещё покров.
Снег в оврагах, лету уж конец.*

*Это говорю я между строк,
Чтобы Киев понял мой намёк.*

7

*Кожедуб – украинец, Покрышкин –
Русский. Вот такая тут чересполосица.
Но летали там, где надо, крышки
С кубанов сбивали. Имя-отчества*

*В небесах кто спрашивал у них?
И теперь тут кожедубы носятся,
Только бьют по кубанам в своих.
Вот такая тут чересполосица.*

*Мариуполь – это музыка, Серов.
Мариуполь – музыка, Крутой.
Города красивые, нет слов.
Что осталось от Майорки той?*

*Пальма де Майорка! Глянь сюда:
Сами рушим эти города.*

8

*Города пылают на Востоке,
С Юга тоже по ночам горит.
Но встает красивое в истоке,
С некрасивым в Раде говорит.*

*Краматорск и Горловка на воле,
Как Орёл когда-то и Каховка.
Но сейчас там танки бродят в поле,
Где тачанки были и винтовка.*

*А сейчас руины и подвалы,
По подвалам прячется народ.
Олигархи сверху – прилипалы,
Демоны, смертельный оборот.*

*Сравнивают города с землёй,
Чтоб народ в руинах стал золой.*

9

*Был у нас тут праздник в Новосёлках.
Фету мы читали про коней.
Я пришел со своего посёлка,
Мы с Алёшни, я прочёл о ней.*

*Слышу, Виктор Фёдорович Садовский
Вдруг читает стих про Кондрашовку.
Где-то там на улице орловской
Горловку опять в бомбардировку.*

*С самолёта грохнули вчера,
А ведь там живёт его сестра.
Ни кола теперь там, ни двора, –
Показали вечером вчера.*

*Лучше б не смотрел я телевизор.
Капли пью, в аптеке дал провизор.*

10

*Где узнать, жива ль его сестра?
У кого спросить, пойти куда?
Грохнуло полтонны, но вчера.
И летят на те же города...*

*– По Славянску бьют, – сказал Садовский, –
Попадают в весь славянский мир.
Тоже ведь славяне, вий чертовский!
Шабаи пушек, гаубиц, мортир.*

*Что сказать, чем Виктору ответить?
Победитель – имя у него.
А победой что-то нам не светит
От малорасизмов, от всего.*

*Кондрашовка! Что теперь с того?
Из родни у Вити никого.*

11

*Дон течёт отсюда на Донбасс.
Дон, а с ним и Северский Донец.
Это всё про москалей, про нас.
Да когда же этому конец?*

*Озеро Иван, ручей, а в нём
Где-то тут берёт начало Дон.
Я иду в Новомосковск с конём,
В Русь – Россию я свою влюблён.*

*Казаки мы с Виктором Садовским,
Запорожцы тоже казаки.
Мы – славяне, харьковский с московским,
Лирь мы, путивльские полки.*

*В «Слове о полку» мы ветром свищем.
Нет в степи донской народов лишних.*

12

*Знал Боян, что пел по пепелищам,
Коль персты на струны возлагал.
Лебедей и мы на небе ищем,
А не самолёты и напалм.*

*Лебеди летели и присели,
А на них, на крылья им, огонь.
А ещё чего бы вы хотели:
Поплевати металлом на ладонь?*

*Не Иван, не помнящий родства,
Не хохол я, но и не москаль.
Засучайте выше рукава,
Плавьте по мартенам мирным сталь.*

*Лебеди летели и присели,
А ещё чего бы вы хотели?*

13

*«На мечи перекуем орала!»
«На орала – сабли и мечи!»
Нация второе выбирала
И жива. К себе свои ключи*

*Подбирала из веков в века.
Вот и потихоньку прирастала,
Стала всемогуча, велика,
Верой и Надеждой людям стала.*

*Мы любовь несём к её подножью.
Шепчем про себя одни молитвы.
Вслушиваясь в самолёты с дрожью
Нас друг с другом разделяют битвы.*

*Встану под Владимира, молюсь:
Помните, мы – Киевская Русь.*

14

*Дон, Донец и Юзовка когда-то,
С Украиной русское спелось.
Край шахтёрский, край земли богатой,
Край – кормилец неньки. Удалось*

*Землю эту просквозить насквозь
Шахтами. Как копны на лугу,
Терриконы – соль земли и ось...
Я сказал бы лучше – не могу.*

*Что же было сказано на шахте –
Антрацитной, в глубине земной –*

*Тем поэтом о себе на вахте,
Восхитясь поэзией, страной:*

*«Я работаю, как вельможа,
Я работаю только лежа».*

15

*А в Луганске на огненной речке,
По которой течёт антрацит,
В Лисичанской мартеновской печи
И шахтерское сердце стучит.*

*Города – областные столицы,
И Донецк, и Луганск, заодно,
В Новороссию объединиться
Возмечталось когда-то давно.*

*И теперь, как дорога старинная,
По указу Екатерины
Сверху вниз Новороссия длинная
Протянулась до самого Крыма.*

*На Таврической этой дороге
И стреляют сейчас очень многих.*

16

*Отделили её от России
За какие такие грехи?
Но, утрами, по-прежнему, в силе,
За границей кричат петухи.*

*Вот почти что на самой границе
И стоит на Дону Краснодон.
Краснодонцы – известные лица,
Молодые гвардейцы времён*

*Еще той, не гражданской войны,
А Отечественной и великой.
Кто-то тульский пёк хлеб и блины,
На рязанской гармонии пиликал.*

*Но орловских не меньше, уверен.
От корсаковских – где-то Тюленин,*

17

*В Краматорске – Стаханов, Изотов.
У Володи Афонины десять братьёв.
Уезжали туда на работу.
Шахты, уголь, металлолитъё.*

Памятник ныне Сергею Тюленину
Близ родимой его Киселёвки
Валентин, мой друг, поставил ему, и Ленину,
Как солдату, Сергею Тюленину, но – без винтовки.

А Стаханова Алексея Донбасс
Имя дал шахтёрскому городу.
Сто пять норм за смену – вот класс!
Береги честь смолоду.

Вот такие герои у нас!
Вот какими гордится Донбасс!

18

А теперь тут бомбят и бомбят
По Донецку и по Луганску.
То фосфором запрещённым дома палят,
То ракетой баллистической по Лисичанску.

Господи! Да знают ли, что творят?
Люди, где могут, спасаются.
То по подвалам с детьми сидят,
То в Россию к границе бросаются.

Сотнями уж бегут, тысячами.
Прямо какой-то исход.
Имена убиенных на граните высечены,
Убивающих – ищет крестовый поход.

Судьи требуют фактов подробных.
Люди! Не убивайте себе подобных.

19

Едут по России с Запада на Восток.
Вот уж пятьдесят семей на Камчатке.
А между Донецком и Луганском – кровавый поток
Бегущих, воюющих, погибающих от пуль и взрывчатки.

Так и надо об этом писать. Сама себе Рада не рада.
Сорвалась, полетела строка в дисгармонии.
Матвеев Курган .62-я бригада. Не хотят воевать.
Пленные и дезертиры, сбежавшие из колонии.

Господи! Храм деревянный сожгли.
Батюшку православного за бороду дёргали.
Дом разграбили, пелёнки и те унесли,
Всё на огороде съели, вырезали у живого органы.

К хаосу движется караван. Я о том,
КАМАЗы белые с красным крестом.

20

*КАМАЗы белые с красным крестом
Двигутся, движутся неуклонно.
И расступаются танки перед мостом,
Двигается, движется, движется колонна.*

*С продовольствием, детским питанием и лекарствами.
Их там ждут, как богов, в разрушенных городах.
Мир уже знает про это, разделяется кастово.
Яблоки созревают в садах.*

*Их выносят водителям в Яблочный Спас.
Не тем, что потеряли облик человеческий,
А тем, кто на белых КАМАЗах. В КАМАЗ:
– «Спасите! Спасите!» – шепчут губы с иконы греческой.*

*И восстанавливается гармония, из божественных сфер
Строка строится, укладывается в размер.*

21

*А дорога жизни из Славянска
Через Донецк и Луганск в Краснодар.
Асфальт под шинами плавится
От жары краснодонских знамён.*

*Мы, казаки, туда с Садовским идём,
Встанем с Виктором под дерево-клён.
«Мы идём с конём по полю вдвоём. –
Пой о том, как я в Россию влюблён.*

*Будет добрый год – хлебород.
Было всяко, всяко пройдёт.
Пой, золотая рожь, пой, кудрявый клён,
Пой о том, как я в Россию влюблён.*

*Пой, золотая рожь, пой, кудрявый клён,
Мы идём с конём по полю вдвоём».*

22

*Мы границу назад перешли,
И опять же в России вдвоём.
Чем могли, мы своим помогли.
И назад к себе в Россию идём.*

*Славно слышать мне русскую речь.
На Орловщину снова вернусь.
Навидался всего, стал беречь
Мать Россию-Русь, матушку Русь.*

*Город Славянск первым подобрал
Этот ключик к скважине замочной.*

*«Малый Сталинград, – сказали. – Мал.
Но герой по правде, это точно».*

*Мир славянский, русский, как поток.
Мы с тобой Донбасс, Юго-Восток!!*

23

*Позвонил я в штаб переселенцев.
Украинцам дачу предлагал.
Так сказал в мобильник где-то в сенцах:
«Отдохни, кто от войны устал».*

*Прихожу я на посёлке к Нюре,
А она больна, лежит в постели.
Рассказал ей, побежала к курам,
Угасала у зелёной ели.*

*Говорила тихо, да в коня:
– Пусть на нём сюда в посёлок едут.
Всё, что есть, берите у меня.
Приезжают хоть сегодня, в среду.*

*Меч перековал я на орало.
За неделю Нюры тут не стало.*

24

*Вот была какая, кем была.
С тем в миры иные и ушла.
Поднялась, привстала у стола,
Всё рукой махала, всё ждала.*

*Русская из русских. Видеть рады
В людях мы такой Юго-Восток.
Да какие ж это «колорады»?!
Чтоб на них обрушивать поток*

*Бомб и лжи, держать таких в осаде –
Без лекарств и даже без воды.
Рады, да и то не все; той Раде
Не дожить самой бы до беды.*

*Я про Нюру помню и слежу,
Как там им – тому зарубежу?*

25

*Мир славянский держится на Нюре.
На Славянске – весь Юго-Восток.
На границе тучи ходят хмуро,
Мы их не пускаем за порог.*

*Белые КАМАЗы за КАМАЗом.
Красный крест, а там уже война.
Там пространства, не охватишь глазом.
И своя, и не своя страна.*

*Призрак ходит, бродит по Европам.
Им Россия, как бельмо в глазу.
Жеребёнок мчит ко мне галопом,
На себе я воз его везу.*

*Новое рождается на старом.
Всё ещё дымится, пышет жаром.*

14-18 августа. 2014 г.,
г. Малоархангельск

ВИКТОР САДОВСКИЙ

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

*Был дым Отечества приятен нам и сладок.
Но царь, в Европу прорубил окно,
И заведённый предками порядок
В России, как корабль, пошёл на дно.*

*Хмельной сквозняк заморских вольных нравов
Ворвался в прорубь, как лукавый жид,
Подмешивая гибельной отравы
К дымам Отечества, с улыбкой: «Рад служить!»*

*Кому служить, увы, не уточняет.
Но до сих пор, как видно по всему, –
Незванный гость в Россиюшке гуляет
Не просто так.
Он прорубь расширяет.
И верно служит богу своему.*

*Окно в Европу – стало воротами
Без крепкого запора и замка.
Из них несёт такими сквозняками,
Каких не знали прежние века.*

*Пусть дым Отечества порой бывает горек,
Но грех вдыхать нам чуждые дымы,
Чтоб растворился в них и Дух наш Горний,
И вместе с Духом растворились мы.*

РАССКАЗ ДЕДА

*Помню, дед садился на порожках,
Доставал кисет, сощулив глаз,
И, скрутив привычно «козью ножку»,
Начинал волнующий рассказ.*

*Говорил он складно, как стихами,
Дым пуская в пышные усы.
Эскадроны мчались перед нами
На конях невиданной красоты.*

*Уходили в алые рассветы.
Растворялись в зареве знамён.
Брат – на брата.
Красные, кадеты...
И «Ура!»
«Ура!» – со всех сторон.*

*«Эх, лихой я, хлопцы, был рубака!
Шёл в любой атаке впереди.
Прилипала мокрая рубаха
К шашками изрубленной груди.*

*Молод был.
В руках такая сила,
Что от взмаха острого клинка
Лошадь, обезумев, уносила
Только половину седока.*

*Перед силой вражьей не робея,
Шёл на танки в первой мировой».
«На гражданской «красным» был
и «белым»? –
Приставали к деду мы порой.*

*Дед снимал кубанку, хмурил брови.
Обдавал пахучим нас дымком:
«Красным был...
От цвета красной крови.
Белым стал я, хлопчики, потом.*

*Когда в нас растаптывали веру,
Вольный дух пытались истребить,
Гнали нас когда толпою серой
Лес в тайге под дулами рубить.*

*Сладкой жизнь бывает только в сказках.
Мне же горький вкус её знаком.
Разной, хлопцы, мазали нас краской,
Только я остался казаком,*

Как и батько мой, как дед, и прадед –
Рядовой Таманского полка.
Послужить Отчизны нашей ради –
Выше чести нет для казака!
Ведь одна, как мать, у нас Россия...»
Дед рассказ внезапно прерывал
И смотрел туда, где в небе синем
Жаворонок песню распевал.

А глаза у деда – голубые.
Голова – светла от седины.
Всё потом, что с ним когда-то было,
Приходило к нам в ребячьи сны.

Лихо набок заломив кубанки,
Под «Ура!», на взмыленных конях
Мы неслись на вражеские танки
С шашками короткими в руках.
Уходили в алые рассветы,
Растворялись в зареве знамён...
Смотрит дед со старого портрета
(Взгляд суров. Лицо открыто ветру),
Словно ждёт команду: «Эскадроон!»

ЧЕТЫРЕ ВИНОГРАДНЫХ ЧУБУКА

Четыре виноградных чубука
взяла когда-то мать моя у деда,
чтоб посадить на собственном подворье.
У мамы была лёгкая рука –
все принялись,
или буйно в рост,
и вскоре
мой батько угощал вином соседа.

Баллон ведёрный закопал в саду –
подарок дорогой на свадьбу сына,
что будет под тенистой беседкой.
Вино смягчало горе и беду,
и в радости
лилось рекой
нередко
в согласье с доброй песнею старинной.

Седела мама.
Виноград старел.
Зазеленела крыша хаты мхами.
С годами буйный батько присмирел.
Он словно песню до конца допел,

и выпить всё,
что должен был, —
успел,
и стал портретом в деревянной раме.

Четыре виноградных чубука —
душистая, хмельная «Изабелла» —
полвека укрывали двор от зноя.
У мамы была добрая рука.
Она умела говорить с лозой,
и защищать
от глаз дурных умела.

И был январь.
На белом скакуне
в черкеске белой дед за ней явился,
и,
как невесту белую,
увёз.

Мела метель,
и заметала след...
И виноград
сгубил в тот год мороз.
А двор осиротел,
и оголился.

Четыре виноградных мёртвых пня
уже, казалось, к жизни не вернуться,
их ждёт топор, в костре дымящем тленье...
Но вот однажды
среди бела дня,
мне верится:
по мамину велению,
им ото сна дано было очнуться.

Из высохшей морицинистой коры
четыре бриллиантовых росточка
пробились вдруг по грозовой весне.
Они
как будто ждали до поры.
Не чудо ль это! —
в почерневшем пне,
вдруг возродилась жизнь из мёртвой точки!

Четыре виноградных чубука
и четверых детишек мать растила,
по капельке себя в нас растворяя.
Одни —
врастали в землю на века,
другие —
разлетелись, вырастая...
Судьба лозы — судьба твоя, Россия.

«УЛИЦА, УЛИЦА, ТЫ, БРАТ, ПЬЯНА!»

*Киев. Бурлит «нэзалэжний» Майдан.
Море эмоций, страстей океан.
Правая, левая – где сторона?
«Улица, улица, ты, брат, пьяна!..»*

*Лик революции – ржаво багров.
Главный напиток – кипящая кровь.
Улица, улица... Крики – «Долой!»
С градом булыжников над мостовой.*

*Прав здесь лишь тот, кто грозя дрекольём,
Хаёт Россию и ночью и днём.
В рать безоружную – жгучий коктейль!
Улица, улица, страшен твой хмель.*

*Взгляд обезумевший – словно стекло!
Матово-мутно в нём пенится зло.
Гаснет в нём всякая искра добра.
Нету чернее, чем эта дыра.*

*Гляну я на небо – «солнца нема...»
Улица, что же ты сходишь с ума?!
Скорбь отпоёт похоронная медь,
Долго и тяжело ты будешь трезветь.*

Февраль 2014 г.

СЛАВЯНЕ В СЛАВЯНСКЕ

*Славянск – город призрак –
Изрыт и изранен.
В Славянске
Славян убивают славяне.
Под гром канонады
и скрежеты танков
в Славянске
младенцев рожают славянки.
В сырые подвалы
влетают как осы
убийцы осколки
И гибельный фосфор.
Безумец –
хозяин кровавого пира –
ведёт истребление
русского мира.
От братьев с востока,
увы, нет подмоги.*

*Напрасно гонцы
Обивают пороги,
в низайших поклонах.
Но как ни печально,
Кремль стойко хранит
гробовое молчанье.*

*Не падайте духом!
Держитесь, славяницы!
Надежда на вас
в этом дьявольском танце.
Россия, очнись!
Ведь не в заокеанье, --
в Славянске
славян убивают славяне.*

22 июня 2014 г.

* * *

*Я пришёл к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало...
А. Фет*

*И я пришёл к тебе с приветом.
Но ты, отрезав резко – «Нет!»,
Сказала: «Мне из всех поэтов
Милей по сердцу только Фет.*

*Он был и в бизнесе удачлив,
И чувств возвышенных знаток.
От вас – ни помощи на даче,
Ни к дню рожденья тёплых строк.*

*Увы! Поэты обнищали.
Вы нас, соловушек своих,
Загробным кормите молчаньем,
А Фет – живее всех живых!»*

*И, распахнув окно, вдруг с ветром
Впустила солнечный рассвет.
Он был сплошной цитатой Фета.
Его восторженным приветом
Той, что отвергла мой привет.*

ЛИРИКА У ИСТОКА ОКИ

*Нет, зима не оробела,
В полуночной мгле
Полушалонок белый-белый
Стелет по земле.
Ещё долго до рассвета,
Но среди широт
Вроде больше стало света,
Выше небосвод.
Влажный ветер по округе,
Но уже всерьёз
Предлагает ей услуги
Дедушка Мороз.
Точно выверен в природе
Дней короткий ход,
Это значит, на подходе
Новый год.*

ПОЛОВОДЬЕ

*Я взволнован и рад,
ни печали на сердце, ни боли —
Там, за Неручью, ночью
снега опустились на поле.
Половодье в груди!
Мои чувства с утра половодьем —
Заметают снега
моей родины милой уголья.
Всё, что было вчера,
в суете опускается в прошлое,
Заметают снега
всё паскудное в жизни и пошлое.
Сколько их позади,
этих бед, растворившихся в вечности!
Сердце просит добра
(человек запросил человечности).
Я за домом стою, а за Неручью сполохи белые,
Половодье в груди —
значит, в жизни всё правильно делаю,
Не приемлю лжецов,
отвергаю всё ханжески — хамское,
Презираю людей,
если в них не простое, а барское,
Никогда не спешу
наперёд к ним с какой-то услугою...
Всё, что было вчера,*

*опускается в прошлое с вьюгою.
И снега по холмам,
словно совесть моя чисто-белая,
Половодье в груди —
Значит, в жизни всё правильно делаю.*

СЕРДЦУ ТРЕВОЖНО

*Тихо и ясно.
За речкою даль открывается.
С крыши капель —
Зачастила морзянкой с утра.
Тёплые дни января
Не добром отзываются,
Сердце больное
Всё просит и просит добра.
В грусти безмерной
Я выслушал светлые дали,
Всё уже было,
Что в днях этих праздничных есть.
Жить бы да жить,
Как однажды с тобой загадали, —
Дни января принесли нам
Тревожную весть.
Сыро в саду.
Ожидая движение сока,
Почки набухли,
Вот-вот они тронутся в рост.
И по зиме ты опять
Одинокой сорокой...
В жизни всё просто,
Но мир наш извечно не прост
Мне беспокойно,
И раны на сердце глубоки.
Сердцу тревожно за всё,
Чем живу я сейчас.
Эти капли и слёзы твои —
Всё до срока,
Дни января
Испытанием будут для нас.
Завтра под вечер завьюжит
И даль затуманится,
В сполохах белых
Нам дни, как страницы, листать.
На небесах твоё имя
Навеки останется,
Имя твоё, —
Его вечно я буду читать.*

ХОРОШАЯ ПРИМЕТА

*С каждым днём всё больше света
Прибавляет бокогрей.
Есть хорошая примета:
Рядом ты — и мир добрей.
Солнце ласковей за домом,
На окошке в сотый раз
Про тебя, не про Ерёму,
Начинает кот рассказ.
Постою, от счастья млея, —
Жизнь желанна и легка,
И мурлыку пожалею,
Он любитель молока.
Думал, дело не в примете,
Но ещё один чудак,
Да будильник, как свидетель,
Всё твердит, что это так.*

АКСИНЬЯ

*Занавешивает синью
Окна белые зима.
Полузимница Аксинья
Проверяет закрома.
Не пристало ей лениться,
Полухлебницы метла
По амбарам рожь-пшеницу
Хорошенько замела.
Закрома уже к июлю
Будут все пустым пусты.
Всё в метели утонуло,
До небес её холсты.
Что ещё быть может хуже —
Продувает до основ.
И вещает злую стужу
Преподобный Богослов.*

* * *

*В ночи снега промчались над равниной,
На белый сад свалилась тишина.
Но хрупкая совсем, легкоранимая,
Недолго здесь продержится она —
До той поры, когда в густых потёмках,
Предвосхищая розовый восход,
Как на земле рождение ребёнка,
Петух на «первой страже» пропоёт.*

УТРОМ

*По утрам деревня в белом инее.
Догорая звездочкой одной,
Медленно светлеет небо синее
По утрам над стылостью земной.
Слышен гул мотора за околицей,
Петушиных песен перехлест.
Кто-то снова на восход помолится,
Настрадавшись в тусклом свете звёзд.
По утрам спокойна и доверчива,
Беспокойна по утрам душа,
Словно путник на просторах вечного,
Утоливший жажду из ковша.
Буду жить, не ведая усталости;
Нахлебавшись досыта забот,
Я потом уже, наверно, к старости
Помолюсь однажды на восход.*

* * *

*А доброта — не привычка,
Доброе делать спешу.
Утром голодным синичкам
Хлебушка крошу.
Я для них лучше друга,
Можно сказать — родня.
Вижу грачей над лугом,
Первые среди дня.
Гуси спешат к прорубке...
Как побывают в раю.
В свете прозрачно-хрупком
Чувствую хрупкость свою.*

*Март подобрел.
За лесом
Плавают облака.
Лес был вчера белесый,
Вдруг почернел слегка.
Поле — простынка белая,
Это ли не кровать!
Вот все дела поделаю,
Лягу здесь умирать.
Только в просторах этих
Дел непочатый край.
Липы в потоках света
Шепчут: «Не умирай...»
Есть пока руки сильные,*

*Сердце не устает.
Небо простором синим
К жизни меня зовёт.*

* * *

*Под ногами ледяное крошево,
Я, как ветер теплый, к тебе льну.
Значит, ты не будешь мною брошена,
Словно Стенькой Разиным, в волну.
Жизнь идёт — и злая, и весёлая,
То слеза твоя, а то капель.
Снова мы о тобою новоселами,
Радуюсь, торопимся в апрель.
Весело дорогой вешней катимся,
Март-скрипач играет полонез.
Завтра, может, запросто спохватимся,
Что в любви закончили ликбез.
На двоих безгрешных счастье с муками,
И благодарение судьбе —
Нам теперь приглядывать за внуками,
Сказками их тешить о себе.*

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

*Тишины весенней не нарушу
И тебе ни слова не скажу.
Молча я под той же самой грушей
Узелок на память завяжу.
Пусть болит душа моя и плачет,
Пусть живут во мне твои слова.
Узелок на память — это значит,
Ты была со мною не права.
Это значит, в кипени сирени
Не за зря старался соловей.
Завтра снова встану на колени,
Запрошу в подарок сыновей.
Не скажи, что ты уже другая,
Знаю, ты по-прежнему чиста.
Я пришёл под грушу, дорогая,
В этот день весенний неспроста.
Мне такое даже не приснится,
Не приемлю в нашей жизни ложь.
Что же ты, обманчивая птица,
Гнёздышка родного не совьёшь?
Разрывает боль на части душу,
Но с тобой живу и дорожу.
Узелок, завязанный под грушей,
Никогда теперь не развяжу.*

СОЛОВЕЦКАЯ МОЛОДКА

*Не жила в острожном страхе
Дарья – общая жена,
И солдаты, и монахи
Доверялись ей сполна.*

*Конный к ней спешил и пеший,
Изнывая от страстей.
Сверхсекретные депеши
Раскрывались перед ней.*

*Так порою озадачит,
Мигом кровь заледенит.
Говорят, с ней неудачу
Потерпел архимандрит.*

*А потом – она пропала,
Бабий мир ворчал всерьёз:
– Хороша... да много знала.
– Бог и вовремя унёс.*

*Бог унес, сама ль решилась,
С валуна ли кто толкнул...
Море тайну сохранило,
Поиск бросил караул.*

*Соловецкая молодка –
Кратковременный успех.
Высоко ценилась водка,
Выше водки – сладкий грех.*

ЛЕВ КОТЮКОВ

СТИХИ ОТ ОРЛА ДО ПОДМОСКОВЬЯ*Из книги «Синие перегоны»*

* * *

*Тяжёлый гудок парохода
У края холодной земли,
Морозные крылья свободы
По свету меня понесли.
Я бросил привычное дело,*

А плыть далеко-далеко,
Легко я несу свое тело,
А душу — не очень легко.
В тревожном,
Ненастном просторе
Ветра пролетают звеня,
И навзничь упавшее море
Уносит на Север меня.
Усталый гудок парохода,
Скользнула звезда в глубину,
Дымятся закаты,
восходы...
Волна догоняет волну.
Поёт золотое течение
Забытые песни мои...
Туман.
Восковое свечение
Сухой,
Ледовитой зари.

* * *

Я плавал на старом буксире
По дикой,
 таёжной реке,
И линия жизни красивой
Осталась на правой руке.
Был пёс
По прозвищу «Кроткий»,
Меня
 он на вахту будил,
А утром сорвало лебёдку —
И вздрогнул тревожно буксир.
Очнувшись,
Печально лежал я
И клял невезучесть свою,
А ночью собака лизала
Горящую руку мою.
Теперь это кануло в Лету —
Полярные сны
 и гудки,
Разгул комариного лета
У дикой, таежной реки.
Я в лучших широтах скитаюсь,
Чего я ещё не видал?!
Тяжёлых обид не пугаюсь
И встречу ударом
 удар.
Но век мой
 уходит
 короткий,

*И видится
Только во сне —
Как пёс
По прозванию «Кроткий»,
Хромая, подходит ко мне.*

* * *

*Остров Диксон,
Туманы без края.
Час ухода,
Душе не до сна.
И, холодную сталь поднимая,
На лету умирает волна.
Что дано мне до смерти увидеть
На слепящих пространствах земли?
На дрожащую палубу выйду,
Всю помню слабые руки твои.
Вспомню белой черёмухи парус,
Уходящей вдаль тополя, —
И оттаёт уставшая память,
И душа просветлеет моя.
Край,
В сиянии северных молний
Я тебя не устану любить,
Невеселое Карское море
И свеченье глубин ледяных.
Я не вспомню,
Не вспомню обиды,
Я в краю этом вовсе не гость,
Мне дано ещё многое видеть —
В бесконечном течении звёзд.
Вечных льдов неразумная сила
Мою душу,
Как сталь не сомнёт.*

* * *

*В городе желтых акаций
И четырех площадей
Трудно в толпе затеряться,
Трудно уйти от людей.
Летом, в нечетные числа,
После рабочего дня
Возле бродячего цирка
Ты ожидала меня.
Цирк-балаган полотняный
Странно и весело жил,
Клоун с утра полупьяный
Вовсе меня не смешил.
Но, никого не стесняясь,*

Глядя на пестрый манеж,
Как хорошо ты смеялась,
Сразу забыв обо мне.
Цирк прогорел и уехал,
Стало намного скучней
В городе жёлтых акаций
И четырёх площадей.
Те же привычные лица,
Та же в глазах синева,
Кружат над городом птицы,
Кругом идёт голова.

* * *

И грянул гром,
Упали небеса
На золотые росы луговые,
И мне почудились
Родные голоса
И имена, когда-то дорогие.
Я слышу —
Меж собою говорят,
И понимаю и не понимаю,
И голову руками обнимаю,
И страшно оглянуться мне назад.
Вдруг я увижу самого себя,
Друзей своих
В ином, тревожном свете...
Грохочет гром,
Качается земля,
Грозою пахнет сумасшедший ветер.
Как страшно вдруг понять,
Что был нелеп
С пустой любовью,
Дружбой и надеждой,
Но я твержу,
Твержу упрямо — нет,
Пусть будет всё таким,
Как было прежде!

Гараж

Мне казалась окопом
Ремонтная яма
В гараже,
Провонявшем
 соляркой
 насквозь,
А машины
 ревели

У входа упрямо...
И откуда,
 откуда
Их столько бралось?
И водители лезли ко мне торопливо,
Понимая,
Что нынче
 хватает хлопот,
И всё утро
 над ямою
 без перерыва
Шли машины,
Как танки идут на окоп.
Всё,
Порядок!
Колодки колесные сняты,
И машина,
Рыча, уползает назад —
Вот в такие мгновенья
Бросает гранату
Вслед ревущему танку
Оглохший солдат.
Я о том,
Что атакою
 мне показался
Этот чёрный,
Всю смену идущий поток,
Рассказал бригадиру,
Но
 он не смеялся
И, мрачняя, ответил:
«Похоже, сынок...»
Ну, а если сказать
Откровенно и прямо,
Не любил я гараж,
Тут не скрою вины,
Но скажу я, —
Спасибо,
Ремонтная яма,
Мне и танки любые
Теперь не страшны!

* * *

Среднерусская полоса
Существует,
 спасает,
 лечит
Среднерусская полоса.
Тихий-тихий июньский вечер,
За рекой Окой голоса.

До подробностей
 всё знакомо,
Вот часы вокзальные бьют,
Хорошо после странствий
 дома
Вдруг услышать —
 где-то поют.
Вдруг почувствовать запах хлеба
Возвратившись опять домой,
Вновь увидеть родное небо
И колосьев рост золотой.
Как светло,
Бесконечно радостно
Поклониться ветле, звезде
И увидеть синие радуги
В светоносной окской воде.
Этот край сенокосного лета,
Он с рожденья
 в моей крови,
Как тревожно,
Что кто-то, где-то
Не разделит к нему любви.
Догорает июньский вечер,
За рекой Окой голоса.
Существует,
 спасает, лечит
Среднерусская полоса.

* * *

Белый самолёт
Он был бумажный и непрочный,
Из тонких стеблей камыша.
Я мастерил его три ночи
И нёс из дома не дыша.
Влезал по лестнице всё выше,
Стараясь из последних сил,
И с опалённой солнцем крыши
Его на волю отпустил.
И сердце замёрло так сладко,
Как больше в жизни не замрёт,
И над зелёным небом сада
Летел мой белый самолёт.
Парил,
Деревьев не касаясь,
Зелёным светом озарён.
И мне казалось,
Мне казалось,
Лететь столетья должен он.
Он поднимался выше клёнов
По восходящей крутизне,

Попутным ветром окрылённый,
Скользил на голубой волне.
Потом,
Почувствовав свободу,
Со мной простился навсегда.
Мелькнул
 за дальним огородом
И канул в небо без следа.
Конец приходит всем полётам,
Но вот уже
 который год
Я всё ищу в краях далёких,
Ищу свой белый самолёт.

ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
Тула

ПО БЕЛЁВУ ЕДЕТ ПУШКИН

Из Москвы поехал я на Калугу, Белёв и Орёл...
А.С.Пушкин. «Путешествие в Арзрум»

Златоглавые церквушки,
Колокольни, купола.
По Белёву едет Пушкин,
Едет в сторону Орла.

Пастилою пахнет сладко,
Дружно тянут рысаки.
Треплет чёрную крылатку
Ветер, дующий с Оки.

Тают облачные тени
В зеркалах весенних луж.
Приготовились к цветенью
Ветки яблоч, ветки груш.

За коляской скачут дети.
Луг цветёт. Гудит пчела:
– По Белёву Пушкин едет,
Едет в сторону Орла.

На пути его движенья
Всё заветные места:
Церкви Спас-Преображенья
И Воздвиженья Креста.

*Здесь, в глуши провинциальной,
В отдаленье от Москвы,
Обрело приют печальный
Сердце царственной вдовы.*

*Крестьят вслед его старушки
И звонят колокола:
– По Белёву едет Пушкин,
Едет в сторону Орла!*

*Сделав крюк многоверстовый,
Он по городу кружил,
Чтоб проехать по Ершовой,
Где Жуковский раньше жил.*

*Вот и дом. Крыльцо резное.
Под карниз вознесено
Необычное, большое,
Полукруглое окно.*

*Перед ним в мгновенья эти
Тень учителя прошла.
По Белёву Пушкин едет,
Едет в сторону Орла.*

*Терема-дома. Светлицы.
Лица яркие девчат.
Озорницы-кружевницы
Там коклюшками стучат.*

*Смотрят барышни из окон,
Кличут барины на чай.
На челе его высоком
Вдохновения печать.*

*И не знают хохотушки,
С кем же их судьба свела.
По Белёву едет Пушкин,
Едет в сторону Орла.*

*Он влюблён, свободен, молод-
Жизнь прекрасна на земле.
Встретит Пушкина Ермолов
В славном городе Орле.*

*Ждёт поэт его рассказа
О походах, о войне,
О тревожных днях Кавказа,
Что опять горит в огне.*

*Он услышит о победе,
Что нелёгкою была...
По Белёву Пушкин едет,
Едет в сторону Орла...*

*И ничто не омрачало
В те минуты светлых дум.
Это было лишь начало
Путешествия в Арзрум.*

*Скоро он поскачет в бурке,
Презирая камнепад,
Где сквозь горы лезут турки,
Где воюет младший брат.*

*Скоро он обнимет Лёву,
Сядет рядом у стола,
А пока что по Белёву
Едет в сторону Орла.*

*Тешит взгляд резьбой узорной
Незнакомый городок.
И спешит в крылатке чёрной
Непоседливый ездок.*

*Он скользит над окской кручей,
Словно призрак, невесом
И скрипит песок сыпучий
У него под колесом.*

*Из столетия в столетье,
По земле свой путь верша,
По Белёву Пушкин едет,
По России Пушкин едет,
К нам навстречу Пушкин едет,
И светла его душа.*

Тургенев и Стечкина

Любовь Стечкина – русская писательница. Жила в имении Плутнево Тульской губернии. Знакомая И.С. Тургенева, который поддержал её талант. 1 сентября 1878 года Иван Сергеевич был у неё в гостях. Прабабка советского конструктора оружия Игоря Стечкина.

*На ветке поёт незнакомая птичка,
В деревьях занудливый ветер гудит.
Лесною дорогой проносится бричка,
А в бричке усталый Тургенев сидит.*

*На ржанье коней откликается эхо.
Морщинится в стынувших лужах вода.
Он только вчера из Парижа приехал,
И сразу же, сразу на хутор, сюда.*

*Здесь всё незнакомо,
Но всему любо:
И поле, и лес, и в оврагах туман.
В имени ждёт его Стечкина Люба -
Она ему выслала первый роман.*

*Пускай для неё это первая веха.
Читая роман, он всю ночь просидел.
И он бы сюда никогда не приехал,
Когда бы таланта в ней не разглядел.*

*И вот она – автор.
В воротах белеет
Нарядное платье,
Приятна лицом,
И долго по липовой старой аллее
Гуляют они,
Словно дочка с отцом.*

*У круглого столика сели на лавку,
Раскрыли листы,
Обсудили сюжет.
Он в рукопись вносит серьёзную правку,
Дает литератору дельный совет.*

*Откуда-то слышатся звуки курантов.
И к столику им самовар принесли.
Он думает:
Сколько ж сокрыто талантов
В глубинных просторах российской земли.*

*Сегодняшний день не напрасно им прожит.
Обратно он к поезду едет сквозь тьму.
Ну кто, как не он, хуторянке поможет?
И выйдет роман с посвящением – ему.*

Мы родом все из Куликовских мест

*В суровые крещенские морозы,
Когда природа впала в забытье,
На Поле Куликово шли обозы,
Везли они чугунное литье.*

*Щиты и шлемы из кулей рогожных
Возницы разгружали осторожно,*

*И, повинуясь сердцу и уму,
Подтаскивали к Красному Холму.*

*С Непрядвой Дон слились в сплошную ленту,
Когда весна явилась в те места.
И вот легла в основу монументу
Тяжёлая чугунная плита.*

*Всё делалось расчётливо, толково,
И был подрядчик несказанно рад.
И просыпалось Поле Куликово,
И ожило, как пять веков назад.*

*И на просторе песни зазвучали,
И стройные сливались голоса,
И дух весенний пряный источали
Окрестные дубовые леса.*

*Над полем, над весенним бездорожьем
Лебёдки заворачались, урча.
И поднимался памятник, похожий
На рукоять старинного меча.*

*Здесь за свободу бились наши рати.
Мы родом все из куликовских мест.
И на вершине этой рукояти
Воздвигли люди православный крест.*

*И осветилось Поле Куликово.
И с той поры на солнце и в ночи,
Как отблеск гениальности Брюллова,
Горят, горят нетленные лучи.*

Косогорские трамваи

*Как будущего с прошлым связь живая,
В жару, в мороз во всей своей красе
Всё ходят косогорские трамваи,
Пересекая шумное шоссе.*

*Из зарослей зелёных, как из леса,
Выныривают, как из-под земли.
Пред ними замирают «мерседесы»,
«Тойоты», БМВ и «жигули».*

*Порой битком, порой полупустые,
Не ведая ни славы, ни молвы,
Они мелькают, красно-золотые
Среди кустов, деревьев и травы.*

*Звонят под ними рельс стальные ленты,
Их знают все, кого ни расспроси.
Их запросто обходят конкуренты –
Автобусы, маршрутные такси.*

*Их путь усыпан то листвой, то снегом,
До сантиметра выверен маршрут.
И чинно, как положено коллегам,
Они друг друга на разъездах ждут.*

*Свой день трамваи начинают рано,
Едва рассвет коснётся колеи.
И в них всё больше едут ветераны,
Пожившие ровесники мои.*

*Зря говорят, что кончилась их эра,
Что, мол, трамвай не стоит ни гроша,
Но в них живёт такая атмосфера –
Особая трамвайная душа.*

*Трамвай нас порой увозят в детство,
Где солнце, небо, мамин каравай.
Трамвай не только транспортное средство,
Он в жизни нечто большее – трамвай.*

Поселковые домики

*Словно старые добрые гномики,
Что рождаются в недрах земли,
Всё живут поселковые домики,
То в снегу, то в дожде, то в пыли.*

*За сплошными не скрыты заботами –
Где штакетник, где сетка, где так...
И растут огурцы с помидорами
На участках размером с пятак.*

*В налесах – лилии с флоксами.
Лает пёс на цепи от тоски.
А во дворике – будка с удобствами
Шириною в четыре доски.*

*Ордера на них вместе с наградами
Были лучшим рабочим даны.
Это наши деды, наши прадеды
Получали их после войны.*

*Свято верили – лучшее сбудется,
И откроется счастья простор...
Кто уехал, кто умер, кто трудится
На заводе своём до сих пор.*

*Позабыты были былые утопии.
Нету больше героев труда.
И летят «мерседесы» и «оппели»
Мимо окон туда и сюда.*

*Новым веком почти не отмечены,
Но невольно заметишь теперь,
Что окошки кой-где зарешечены,
Да железная стучает дверь.*

*Были синими, были зелёными -
Время смыло их яркий наряд,
Но по-прежнему астры с пионами
У подгнивших порожков стоят.*

*Сколько жить им ещё, неприкаянным?
И судьба у них сложится как?
Неспроста на них новым хозяином
Трёхэтажный взглянул особняк.*

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «УЧИТЕЛЬ» ОБ ИИСУСЕ ХРИСТЕ

ПРОЛОГ

*В стране приморской есть Пророк
С судьбой загадочной и тайной.
Румян Он, строен и высок,
И красоты необычайной.
Как золото с Его главы
Волна кудрей до плеч спадает
И прелесть дивной бороды
Невольно зависть возбуждает.
Его глаза – лазурь небес.
Неизъяснима прелесть взгляда.
Он полон истинных чудес
И речь Его для всех услада...
Он весь исполнен доброты,
Чист непорочностью, как дева.
Но иногда Его черты
Полны божественного гнева.
Тогда всё никнет перед Ним.
Он говорит. Он обличает.
Он грозен. Он неотразим.
Он учит. Он повелевает...*

Он учит зло обид прощать.
Любить врагов, жалеть беднейших.
В Нём неземная благодать
И Он мудрее всех мудрейших.
Сергей Бехтеев.

Говорила бабушка о Боге
В дальнем детстве
Сердцу моему.
Говорила ласково и строго:
«Надо приготовиться к Нему».
Время пережитое, раздайся.
«Дай пройти. Услышать, как тогда:
«Не кури.
Не пей
И не ругайся.
Не бери чужого никогда.
Жизнь наполни добрыми делами.
Помни – пролетит она, как час.
А Господь, Он всюду перед нами:
Любит нас, воспитывает нас».
Забывать минувшее не надо...
Манит скатерть белая к столу.
Зажигает бабушка лампаду –
Золотую звездочку в углу.
Нам в лицо глядят святые лики.
Даль в окне привольна и чиста.
Праздник в дом пожаловал великий
– День Рожденья Господа Христа.
Над селом, над снежными горами
Хороводы звёздные плывут.
Мы сегодня в хате,
Как во храме:
Где-то рядом ангелы поют.
На столе Евангелие снова.
Западает в душу строгий слог.
Там слова:
«Вначале было Слово».
Всех важней:
«И Слово было Бог».
За окном дыханье ветровея,
Край в одежды белые одет.
От Луки, от Марка, от Матфея, Иоанна
К людям льется свет.
На душе не грустно, не тревожно.
Путь открыт безмерно далеко.
Крик в окне:
«Христа прославить можно?!»
Открываем двери широко.
Забывать минувшее не надо.

*Воду пьём из древних родников.
От корней – плоды любого сада,
Как дожди от сизых облаков.
Жизнь без веры – голая пустыня.
Только вера выведет на храм.
То, что было в дальней Палестине,
Предстаёт восторженным глазам.
Как во храм,
Иду к высокой теме.
В мире целом нет важнее тем...
Божий Сын родился в Вифлееме.
Будь же славен город Вифлеем!*

Проза. Рассказы

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

ЛИПА ВЕКОВАЯ

По просёлку, облитому сентябрьским серебреющим солнцем, часто останавливаясь и отдыхая, движется тощий и длинный старик. Ему помогает идти крючковатая палка — давняя спутница его путешествий. Вдаль старик видит явственно, зорко, вблизи дорога ему неожиданна и беспокойна. «Все ямки с тобой пособираем, — беседует он со своей палкой, словно с живым существом. — Каждая нашей будет». Тыкаясь в придорожье, в ещё не просохшую канаву, в бурьян и кустарник, палка тянет его всё вперёд, к горизонту, где на взлобке, подрагивая, разлилось по просёлку водянистое марево. Старик несёт тело бережно, голову держит ровно и прямо; скашивая вбок глаза, жадно ловит широкими ноздрями густой, терпкий воздух с садов и полей.

Красотища какая! Зелено, живо всё ещё — всё дожди да дожди. На что полынь, а и та молодится. Хотя в это время её, бывало, уже собирали да пихали под постели. От блох. А теперь чище жить стали, стоит — не нужна...

Вот на этих мест, лет с полсотни тому, подперев калитку плетнёвую коромыслом, зашагал он, молодой да здоровый, в город. На деньги. Вон тех белых шиферных крыш тогда не было. И посёлка того вон, и сада. И поля теперь гонами в два километра. Жили люди тут, пока ты раскатывал. Не сказать, чтоб боялся работы, — работал. Только чуть что, бывало, мастерок или топор на плечо и айда в другие места, прощевайте. Помотался от Турксиба до Воркуты. Ни с семьёй, ни с домом так и не получилось, потому-то и звал сам себя, где бы ни появлялся, Перекати-Колей. Звал невесело, с горькой усмешкой.

Не имелось у него страстей-привязанностей, кроме как одного: был любитель он книжек и читал их запойно, что попадая; в торбе его, которую звал Перекати-Коля «книжной лавкой», перебивала всякая всячина: по истории древнего мира, по учению Канта или про африканских термитов... Пробовал даже сам пописывать — с коих пор в торбе три толстенных тетради. А в последнее время его волновали стихи. Знакомый паренёк Лёнька Синяев, журналист, подарил ему «Песнь о Гайава-

те». Интересная штука. Перевёл её с английского русский писатель Иван Алексеевич Бунин, когда в Орле жил и работал в газете. Бережёт старик Лёнькин подарок, завернул даже в целлофан. Увидел как-то на областной карте деревню с названием Бунино, удивился, собрался даже наведать её, а пришлось тащиться сюда вот, к родимому корню, к своей изначальной земле. Остарел, заплосал Перекати-Коля в какой-нибудь год, по утрам уже невподым, и воды — захворай — подать некому. Да куда, не в артельный же дом как безродственному, к старикам. Вот и шёл теперь ближе к погосту, где лежат отец-мать...

— Какая деревня? — спросил он рисовальщика-паренька возле пруда, чтобы как-то заговорить с ним, отпустить свою душу.

— А Полозово.

Постоял, посмотрел ему через плечо. Ловко паренёк орудует краской, возникают на бумаге дома под железо и шифер, и спросил, удивясь робости в голосе:

— На заказ, что ли?

— Нет, — сказал паренёк и обернулся. Оглядел старика: — Учусь в Москве на художника... А деревня, дед, сия историческая. С неё писал Шварц — слышал, был такой в прошлом веке? Между прочим, — сыпал парнишка, — жил он тут рядом, в Белом Колодезе, в тридцать один год ходил в академиках, родоначальник русской исторической живописи. Известна его ещё дорепинская картина «Иван Грозный у тела убитого им сына»... Так вот с неё, с этой Полозовой, и написал академик пейзаж к своей картине «Вешний поезд». Сирые хаты, к весне голые следи... А писалось им с этой же точки.

— Скажите, — вздохнул старик, потоптался на месте, оглядел ещё раз деревню и опять зашагал, застучал по просёлку своей крючковой палкой.

— А мы-то с тобой, дураки, и не знали, — бранил он её так, для порядка, беззлобно. — Исторический живописец!.. Ты-то, конечно, магнитогорская, а я, гляди, тутошний, мужлановский я...

В это самое время навстречу старику по дороге из Белого Колодезя двигались двое — садовод Семён Семёныч Чубаров и его внук Алёшка. Их автобус полуденным рейсом в село почему-то не прибыл, и они шли на большак, чтобы сесть на какой-нибудь проходящий. Солнце висело по-над ракетами, оттого на проезжей тенистой плотине было зеленовато и зыбко. Недлинная улица с давними каменными постройками-мезонинами в узорную кладку, с орнаментом, наполнилась нынешней жизнью: всезнающими ребятишками, тюлем на окнах, ящиками из-под вермута у магазина, обязательствами у совхозной конторы...

Был самый сезон сбора яблок: бело-колодезский воздух бродил, словно сок отборной антоновки. И Чубаров вдыхал его, тяжелея, хмелея. Иногда блики ложились ему на растёгнутую у шеи ковбойку, на торчащий из-под неё треугольник тельняшки, как Юпитером, выхватывали на переносице родинку, выделяли смуглость и пористость кожи. И странным было сочетание серебристых висков с тёмными, буйными по-молодому бровями, и тело его было плотно, но сухо, подобрано — такие, говорят, легки на ногу. Он шёл, слегка подаваясь к земле, словно тянули его большие, чугунные руки, и думы его были невеселы. Он представлял, как пройдёт и этот сезон — его последний сезон. Полетят белые мухи, и некуда будет спешить утрами, некуда будет деть эти ставшие враз ненужными руки. Не прибавится дел ни весной, ни осенью. И он станет приходить сюда просто так, на прогулку.

Не ведал Алёшка, что творилось в душе его деда. Был паренёк блондинист и круглолиц, с чуть грустнеющим взглядом; губы сочны и крупны — верная примета доброты и покладистости человека, смеялись люди — ими хоть валенки подшивай. Шли Чубаровы каждый за своим делом: Семён Семёныч — в райсобес насчёт пенсии, Алёшка ехал в город впервые — устраиваться.

Но вот и Мужлановский свёрток. Стоит огромная липа, стоит распушается. Лет сто ей, а может, и двести. Кора её обтрескана, обмыта, обтрёпана ливнями и ветрами. Любит вверх-вниз по ней пробежаться всякое муравьё, особо когда под напором сока лопнет где-либо сладкая кожа; тогда бегут на оказию взводы и батальоны — напрямик через ямы, шершавины...

Когда Чубаров с Алёшкой подошли к липе, старик уже сидел под ней, задумчиво трогал своей крючковой палкой муравьиную кучку. На развёрнутом вершке лежал кусок сахара. Старик наблюдал, как суетится вокруг него мелкая живность.

— Когда это они всё зачинят? — присаживаясь на обочину, интересуется Семён Семёныч.

— А соберут совещание, составят смету, согласуют с начальством, — посмеивается глазами старик и вздыхает: — Гляди, бьются. И у них это так: кто кого смог, тот того с ног.

— Ишь ты, — косится на него Семён Семёныч, — сам-то, должно, натерпелся, вот и... Как зовут-то тебя?

— Перекати-Коля.

— Так и зовут?.. Мудрёный ты, дед, — сладко вытягивает Чубаров ноги. — А ну, Алёшка, чего там унас?

Алёшка долго роется в сумке, наконец извлекает лепёшки — свойские, пресные, в рубчик, потом появляются малосольные огурцы. Добрый хлебный дух перемешивается со сладковато-укропным, возбуждает слюну, рождает желание проверить её языком.

— Эх-хе-хе, — отворачивается Перекати-Коля. — А мне вот не естся не пьётся, никак не умрётся. А что, яблок нетти у вас?

— Да ты, дед, ещё справный, — улыбаясь, запускает Алёшка свои крепкие зубы в лепёшку. — Ещё поживёшь, потянешь. А что это в торбе?

— Деньки потянутся — ноги протянутся. С год назад внутренность тверже была, а теперь всё дрожит... А в торбе-то книжка. Во! «Песнь о Гайавате». Слыхал? «Дай коры мне, о берёза! Дай мне, ель, смолы тягучей, дай смолы своей и соку...» А что, яблочка нетти?

— Эх, жисть, — жуя, вздыхает Чубаров и косит в сторону, откуда должен показаться автобус. — Молодой боится, что постареет, а старый — околет.

Перекати-Коля прячет книгу обратно. Сидит молча, глядя прямо перед собой.

— Везу вот Алёшку и свои документы, возвращусь обыдёшкой... На, жевни, — подаёт старику Семён Семёныч лепёшку. — Отрываю от титьки. Нехай там учится справлять телевизоры.

— Эка куда, — оживает Перекати-Коля.

— Десятилетку закончил Алёшка. Хочу, чтоб стал человеком. Вернётся внук мой в деревню, наденет сверкальные очки, сядет в пузово личной машины, ха-ха...

— А как же, — в ответ посмеивается Алёшка. — Сейчас материальная заинтересованность... Только я тебе уже сказал! — твердеет голос Алёшки. — Пойду на художника. Кистью пойду своё братъ.

— Ишь ты, Александр Македонский, — удивляется Перекати-Коля. — Кистью города завоёвывать! А скажи мне, чем знаменито здешнее Полозово? Молчишь? То-то... И я когда-то тоже был во! Усы аж за ухо закидывал. А теперь, гляди, на губе три хворостинки и спину колом поставило.

— Всё гнулсь, небось, — буркнул Алёшка под нос себе, но Перекати-Коля услышал.

— Молодой человек! — старик, когда начинал закипать, всегда говорил неспешно, отделяя каждое слово. — Ты, скажу, тебе, ещё что картошка июльская: молода рубашка-то, р-раз и нетти. Губа толста, душа проста... Надо гнуться, не то

любого поломает. Жизнь всякого производит восклицательным знаком! А получит человек в зубы — глядишь, погибается, ходит уже вопросительным. Так-то легче. А восклицательных, как гвоздей, возьмь по самую шляпку...

— Каждого не загонишь, — тряхнул головой Алёшка. — Новые народятся... Стране нужны не погибшие, а здоровые, сильные!

Муравьи уже заделали вершок и по стариковой палке, прислонённой другим концом к липе, потекли жидкой струйкой к стволу, поползли в шелестящую высь.

Призатихли путники, наблюдая за муравьиной братией, упорно лезущей к солнцу и листьям, туда, где крупнела широкая купа. Иногда полевой ветровей, налетая, задирает её — сверху донизу начинали ходить полосатые волны, солнце вникало в матёрые теми, где и лучилось в бисеринках ещё непросохших утренних рос. Перебивая суету воробьиной компании, ссорящейся на самой макушке, шелестит, шумит липа, ходит волнами над головой — липа, липушка вековая. Лето — осень, осень — лето пройдут, но всё будет здесь, на скрещенье дорог, как и сейчас; муравьи струиться, шептаться над путником купа, но то будут иные люди и времена...

— Интересно узнать, чем всё это кончится, — нарушил молчание Перекати-Коля. — Жилось и не думалось, а пришёл час, жалко, что и ног на койку скоро не заведу... До погоста доберусь вот и лягу с отцом-матерью рядом. И с бугра всё видать будет, и буду с полями я говорить-разговаривать, коли в жизни не наговорился, и ветра принесут дух мне полынный, ромашковый... Хорошо, Алёшка, по белу свету побродить-поглазеть. Завоёвывай город, а от земли своей ни-ни-ни. Да не шибко бери, а то мигом схрястают, скусят головушку.

— Сирота он у меня, — сказал Чубаров раздумчиво, — боюсь, дюже горяч. Весь какой-то зачитанный. Ищет смыслел по книжкам, стало быть, правду жизни.

— Что ты знаешь! — вспыхнул Алёшка. — Сам зарылся в сады, а меня в телемастера!.. Техника будет выращивать сады, убирать урожаи, а людям — заниматься искусством, совершенствовать жизнь.

— На язык ты востёр, — говорил с грустью Чубаров. — А вот когда дело — в кусты. Цельную зиму проучился на механизатора, а как лето — не на трактор, а в город. Художником ему! Не хочешь на этого... телемастера — сам тянись, на копейках. Скотину и ту держат впроголодь, чтобы на зов хозяина шла.

— В бригады б тебя, Семён Семёнович, — не унимался Алёшка. — А то управляющим...

— Порядок нужен, куда без него? Чего взмыкался: то тебе не так, это не так...

Перекати-Коля сидел затихший и строгий. Затем, словно вспомнив что-то, снял затёртую шапку, достал из подкладки иголку с ниткой, принялся зашивать дыру на колене. Смахнул муху со лба:

— Мухи, гляжу, пошли злые. Осень же. Не так кусаются, как щелокотно, полозиют вроде как ногтями тебя.

— Куснёт, брат, и до крови, — отозвался равнодушно Чубаров и, задумавшись, долго глядел на дорогу, сады, темневшие на горизонте.

— Да, кровь, брат ты мой, кого только не тянет... — живо подхватил Перекати-Коля. — Помнится, жил я на Днепрострое, так повадился заяц к хозяйке в сад, глотать саженцы. А я возьми да намажь их бычиной кровью. Нашлось вороньё, добела склевало кору...

Так сидели они, рассуждали. Речь то вспыхивала, то затухала. А липа прислушивалась да шевелилась каждым листом, каждою веткой — липа давняя, вековая.

Не дождавшись автобуса, Чубаров с внуком засобирались домой, позвали с собой и Перекати-Колю («а что, не проживёшь нас, не объёшь»). Но тот отказался, остался под липой, начал устраиваться на ночлег. И пошли они, дед с

внуком, заторопились, чтоб дойти домой засветло, побрели по дороге на Белый Колодезь. Проходили посёлком Кубанью, деревенькой Шишкино, мимо нового клуба. Поспешали липовым парком. Аллеи подвели к церквушке — крепенькой, из красного кирпича, со снесённым куполом, отчего она казалась незавершённой.

Замечательны вокруг были сады, новый цех-красавец по изготовлению соков. Шёл Чубаров, отдыхая душой, радуясь, что идёт с Алёшкой снова садами. Редки были яблони здесь тогда, в сорок третьем. Полтора года стояла передовая, полтора года убивала сады. Здесь Чубаров посадил первый свой саженец, днём и ночью трудился. Были почётные грамоты, ордена. И вот уберёт урожай да на пенсию. Это его последняя осень в садах. Сады — вот что оставляет он людям. Разве этого мало — сады?..

Подобралась и ночь. Луна ещё не взошла, оттого в парке было глуховато и жутко. Ноги то уходили в пустоту, то спотыкались. При свете звёзд увиделась кладка из светившихся слежек-берёз. На бугре возник чубаровский дом-пятистенник. А позади, в парке, липы всё так же стояли стеной; на одной из них репродуктор сочным, глубоким голосом, с затаённой страстью пел арию Далилы. Голос всё закипал, закипал, взлетал ввысь, проходил над деревьями, утекал далеко-далеко, на Мужлановский свёрток, к одинокой липе на перекрёстке, по стволу от макушки спускался вниз к комелю, где приткнулся Перекати-Коля. Он лежал на бушлате, уперев голову в торбу — свою «книжную лавку», и, ещё не остыв, продолжал вспоминать спор Чубарова с внуком Алёшкой.

«Город тебя пережует да и выплюнет, — горячился Семён Семёныч». — «А я костистый, кремнистый», — огрызался Алёшка.

Старик лежал, заложив обе руки под затылок, и глядел вверх, и чуял сквозь липу немигающий свет Полярной звёзды, и губы в такт шелестению листьев шептали:

...Пел мне песнь о Гайавате...

Чтоб народ его был счастлив,

Чтоб он шёл к добру и правде...

И представлялось ему, что он, Николай Дмитрич, в родимой Мужлановке, на бригадном дворе, пришёл сюда с утречка, пока механизаторы ещё не отправились в поле. Он читает односельчанам, и люди слушают, внемлют ему, как пророку. А облака всё текут и текут, восходя от земли, проникая сквозь неё, как сквозь эту вот липу — липу давнюю, вековую. Были когда-то вон какие писатели — не стало, не станет и его, старика, и тело его исчезнет, сольётся с землей, но влага душевная, перейдя вот в такие облака, будет плыть над людьми, над полями, над временем, пока не прольётся где-нибудь благодатным потоком.

10 октября 1972 года

ЕГО ГОЛУБАЯ МЕЧТА

Вся жизнь Матвея Митрофаныха прошла у культурного очага. Когда-то он был «избачом», потом избу — читальню сделали клубом, и его оставили в штате художественным руководителем. Когда же клуб возвели в ранг Дома культуры, ему, в знак особых заслуг, подыскали должность «технички». Матвей Митрофаныха не роптал, понимал, что пошел народ грамотный — после курсов, техникумов, а директор даже со специальным образованием, отчего так и чешет: рампа, нонаккорд, ватер-кюзет, система Станиславского и Мейерхольда. Но самое любимое его словечко — «номенклатура»...

Прежде Матвей Митрофаныч держал ключи, отпирал клуб и сейчас тоже держит и отпирает. Только разница в том, что над ним теперь вон сколько начальства. Зарплата почти такая же, зато никакой ответственности. Вымоешь ночью полы и день-деньской делай, что хочешь. А у него известная страсть: писать маслом картины. Матвей Митрофаныч всегда говорил, что рисует картины, но лет пять назад приезжал в Подольянь один художник, так он сказал: надо выражаться профессионально: картины пишут, да ещё и маслом.

Матвей Митрофаныч пишет свои картины с незапамятных лет. Углем на бересте чертил острые лики в буденовках. Карандашом на бумаге рисовал бандитские кистени. А за масло взялся не так давно. Столько всего за жизнь написал, если рассовать — каждому в избу перепадёт.

Хата Матвея стоит напротив Дома культуры. Культурная точка при нём, и он при ней, вроде при деле. Главное — люди не упрекают, что у него, Аксёнова, потомственного хлебороба, шлея хлеборобская с плеча соскочила. Чует в себе Матвей силы невероятные, готов объять душой все окружающее. Когда накатит на него вдохновение, хватается за кисть и работает без сна, без еды, до остервенения.

С тех пор, как померли отец-мать, а затем и жена Луша, не оставив ему никого, Матвею в хате и словом не с кем перемолвиться. Что скажешь стенкам про думу свою, про мечтания и замыслов очертания. Зазвал он к себе как-то директора, Станислава Степаныча (тот вуз заочный кончал, должен, кажется, понимать), но тот, как только увидел Матвеевы картины в комнате, в сенях, даже в сарае, так сразу же впал в крайнее изумление:

— Это, понимаешь, номенклатура! Прёт из тебя, брат, святое искусство.

И разрешил занять под мастерскую котельную, откуда заодно и продолжать отопление Дома культуры.

— Тепло, смешно, и мухи не кусают, — прицокнул он языком. — Не забудь пригласить на новоселье.

Просились к Матвею домой на квартиру то молодой зоотехник, то осиротевший ветеринар, Матвей никого не пускал: да ну их, мороки с ними, отрывать будут от дела. Но, когда в передней появился директор — Номенклатура и сказал: «Принимай постояльца», — а за ним, щебетнув, влетела девчонка, оказалось, художественный руководитель, Матвей и слов не нашел для возражения.

— Наш работник Круглова, — сказал ему Станислав Степаныч и подмигнул. — Так что обожай, но не обижай.

Девушку звали Нина — светленькая, голубоглазая, в коротенькой юбчонке. Стояла, опустив голову: боялась, откажут.

— Располагайтесь, — как можно добрее сказал Матвей Митрофаныч и тут же ушел жить в сарай, за неделю в доме и не показался.

— Извините, Матвей Митрофаныч, — встречалась утрами с ним у умывальника Нина, — я вас выжила?

— Ничего, — бодрился Матвей Митрофаныч и отворачивался, боясь случайно увидеть голые девичьи плечики.

После первой получки она пригласила его в комнату пить чай. «Неудобно как-то, Матвей Митрофаныч, — говорила она. — Чей дом — непонятно». Он пил, обжигался, стараясь скорее допить своё и уйти. Нина наливала ещё и ещё, затем кивнула на стенки:

— А это всё вы нарисовали?

— Я, — сказал Матвей Митрофаныч.

— А-а, — протянула Нина. — А я думала, всё это из магазина. Эти, как их... с картин репродукции.

— Нет, — улыбнулся Матвей Митрофаныч, — здесь в доме всё только своё. — И начал зачем-то рассказывать про себя. Нина слушала и удивлялась: никогда бы не подумала: в деревне — и художник, неужели настоящий? У них в культпросветучилище, на библиотечном, рисовал парнишка — так, самую малость, и то все ходили смотреть на него, как на мамонта.

Станислав Степаныч решил из Аксёнова сделать, как он выразился при Нине, «номенклатуру». Развешал картины по всему Дому культуры: в зале, фойе и у себя в кабинете. Раззвонил по райцентру, что у них в студии при Доме культуры работает «дворцовый художник», народный умелец, «дитя того и этого света, а также мастер импровизации». Вскоре из областного радио прикатил в село корреспондент. Матвей Митрофаныч скрылся куда-то и целый день не показывался, за что получил нагоняй от директора, «ввиду небывалой скромности, пагубной для всякого деятеля культуры».

— В следующий раз отражу на бюджете, — сказал он Матвею. — Наложу на зарплату секвестр, никакой арбитраж не поможет. Бьёшься за вас лысиной о паркет, а вы с Ниной не воспринимаете.

— Мы воспринимаем, — стоял и переживал Матвей Митрофаныч перед собственной картиной «Розы в октябре», висевшей за спиной у директора. — Только, прошу вас, увольте от...

— И уволью, — согласилось начальство. И вдруг хлопнуло его по плечу, расхохоталось. — Ну да чёрт с ними, с этими корреспондентами! Мы, Митрофаныч, пьесу эпохальную грохаем, так ты это... оформи спектакль. Нарисуй декорацию, чтобы как в Большом театре, не хуже. Ну-ну... ты можешь, а, Митрофаныч?..

Надвигался районный смотр художественной самодеятельности. Станислав Степаныч выбрал для постановки драму Ф. Шиллера «Разбойники». Кое-что урезал, кой-чего подпустил от себя, или, как он выразился, «подсовременил». И кружковцев для этого не хватило.

— Школьников мобилизнем, — прицокнув языком, сказал Матвею директор и тут же дал нагоняй: — Ты чего тянешь с оформлением, как бог с черепахой?

— Так ведь уже позабыл, какие они, средневековые замки: давненько лично видел в Германии.

Как только сшитые простыни были доведены до средневековой кондиции, Станислав Степаныч дал Матвею другое задание: выучить роль сына старика Мора — Франца.

Роль Матвею не нравилась. Он учил её и проклинал тот день и час, когда свалился на его голову этот... Номенклатура. Замучил, спасу нет, теперь потащил на сцену. Кому нужна эта инсценировка, когда по телевизору хватает спектаклей московских театров? За месяц он к кисти не притронулся по-настоящему, а живописец, как снайпер: ему глаз да глаз нужен...

На прогоне спектакля присутствовал инспектор райотдела культуры Востров. Зал был переполнен. Подняли занавес. Согласно инсценировке, Матвей должен был появиться на сцене в обществе старика Моора — директора и Амалии — Нины.

— На выход, — шепнули Аксёнову и слегка подтолкнули.

— Не пойду, — побледнел вдруг Матвей Митрофаныч.

— На выход-од! — зашипели, замахали кружковцы — учителя, врачи, агрономы, схватили его под руки, подтащили к краю кулис.

— Всё равно не пойду, — упирался ногами в пианино Матвей и смотрел на Нину — Амалию, на старика Моора — директора, на его руку у неё на плече.

Пауза затягивалась. В зале затрещали покашливания.

— Пойди сюда, Франц, — провозгласил со сцены старик Моор и скрипнул зубами.

— Не пойду, — замотал головою Матвей.

— О ужас! — воздел руки к небу старик Моор и опять опустил их на Амалию. — Я тебе говорю, Матвей, подойди!

Только Матвей хотел развернуться, как кто-то толкнул его в шею, так что он пробкой вылетел на сцену. Увидел совсем близко Нину — Амалию в голубом платье со шлейфом, гранд-даму, красивую, сероглазую, и все слова, которые учил он столько дней, разом вылетели из его головы. Он не слышал суфлера, слышал только её...

— Ну вот и пришел, а ведь не хотел, — улыбнулся ехидно директор.

— Я уйду, — сунулся было назад Матвей Митрофаныч.

— Оставайся, — махнул директор, — да не упрямясь.

— Я люблю тебя, Амалия, как себя самого, — шептала Францу суфлерша. — Я люблю тебя... люблю тебя...

— Убери руку, — входя в роль, сказал неожиданно Франц отцу — графу Моору, директору. — И вообще, не могу говорить ей эти слова при тебе. Или я, или ты. В пьесе тут не должно быть, кроме нас, никого, я читал...

Зал умирал со смеху.

Франц — Матвей потоптался на месте, оглянулся назад: там его караулили. Тогда он поклонился зрителям, пересек сцену и исчез за другой кулисой.

После такой «самодеятельности» директор уволил Матвея Митрофаныча со всех должностей: уборщицы и истопника. Но через неделю сам пришел к нему просить прощения. Однако картины со всех стенок содрал, добрался даже до библиотеки, где висели Матвеевы натюрморты «Яблоко только что из кадушки» и «Вино и виноград».

— Уберите пачкотню, — указал он библиотекарше. — Возбуждает не аппетит, а рвоту. Тут у вас все-таки номенклатура — классики всевозможных мастей.

За Матвея Митрофаныча вступилась только Нина — Амалия.

В качестве меры наказания «злодею на сцене» Станислав Степаныч перевел Нину на другую квартиру, и в доме Матвея Митрофаныча опять стало пусто.

Матвей в котельной сидел теперь безвылазно, наверх и не показывался. Стащил к себе вниз свои впавшие в немилость картины, побросал их все в угол. Раскочегарив топку, долго смотрел на жар. Огонь возбуждал его, заставлял кипеть мысли и чувства. Он знал, что односельчане считают его чудаковатым: не пашет, как другие, не учит, не лечит, занимается тем, от чего ни проку, ни корму. Однако он знал и то, что в райцентре эти люди не преминут похвалиться, что мы-де подольские, но не из подлесной, а из той Подольни, где «Митрофаныч, который художник, живописует действительность резко и занимательно».

Нина ходила домой теперь через речку, на другой край села. Однако нет-нет, да и забегала по старой памяти, просто так, в хатёнку под двумя рыжими клёнами. Если бы знала она, что значил для Матвея Митрофаныча каждый её приход. Снова и снова воображал он ту сцену, Нину — Амалию в голубом, облокотившуюся на скамейку — гранд-даму, красивую, сероглазую. Как она взглянула тогда, будто обдала кипятком! Глаза — акварель, серые в синюю крапинку... Он создаст шедевр. Должен же быть у каждого в жизни, чёрт возьми, свой шедевр! Не для всех, только для неё! Есть же в мире у кого-то твой настрой, такое же ощущение жизни, как у тебя, родная тебе душа...

Прошла осень, на исходе была и зима. Матвей Митрофаныч писал картину, забыв обо всём на свете: лишь внушительный стук в котельную, в правую раму, напоминал ему иногда, что наверху стало холодновато, пора и топить. Нина стучала тук-тук-тук, как синичка. «Вы тут совсем отощаете», — совала она ему то пирожок, то конфеты. Он отмахивался и сразу же переворачивал свое творение к стене. Ему ничего не было нужно — только сидеть, смотреть на Нину, которая была

тогда гранд-дамой, в голубом и со шлейфом. Акварель. Капельки ультрамарина, глаза с синим ободком...

Весна ли была тому виной, но Нина тоже вдруг стала внимательнее к снегу, деревьям и почкам. Идёт по дороге, остановится, слушает, как в след от каблука, позванивая, натекает голубовато-зелёная вода, как стекленеет в мартовских полях воздух, делает душу её тяжёлой, а голову – легкой. И Нина окунулась в работу, она и не знала, что это так интересно — работать. Всего-то какой-нибудь свежий нюансик в их струнном квартете, а боже мой, сколько мучений. Оказывается, как здорово, когда отдаешься искусству, как, например, Матвей Митрофаныч. Этому в училище их не учили, этому и не научишь...

Матвей Митрофаныч закончил картину к началу апреля. Побаливала голова, поднялось кровяное давление. Но ничего, впереди — тепло, цветение садов. В субботу он сделал раму, натянул полотно. Ночью выбрался из котельной и, пройдя на цыпочках через фойе, подтянул к стене лестницу и укрепил картину на самом виду, над дверью в зрительный зал. А лестницу перенёс через дорогу домой.

Воскресным утром инспектор райотдела культуры Востров заехал в Подольнях по вопросу завершения отопительного сезона. Вместе с директором они вошли в фойе клуба, и оба невольно остановились: перед ними, во всю стену над входом в зрительный зал, высвеченное через верхнее оконце солнечным лучом, сияло нечто такое голубое и праздничное, что дух захватило. В сторонке толклись любопытные, среди всех Нина, Матвей Митрофаныч.

— Что это? — сдвинул брови директор.

— Картина, — подошёл к нему поспешно Матвей Митрофаныч. — Мой голубой, как говорится, шедевр.

— Шеде-е-евр?! — Станислав Степаныч от изумления с минуту не мог продышать. — Да знаешь ли ты, отче, что такое шедевр? Но-мен-кла-ту-ра! Высшая и последняя стадия...

— Глупости, — подлетела весёлая Нина. — У искусства не может быть последней стадии.

— Верно, — подтвердил Матвей Митрофаныч,

— Ох, уж эти мне злодеи на сцене! — наклонился Станислав Степаныч к Вострову и, уходя в кабинет, обернулся к Матвею: — Убери стряпню свою, не срамись, Пикассо...

И Нина, как показалось Матвею Митрофанычу, засмеялась в угоду директору, а значит, и над тем, что висело в фойе на стене. И Матвей Митрофаныч уже не слышал ничего. «От тебя уходят в пространство струны, — мучительно думал он. — От другого уходят струны в пространство и где-то по звуку встречаются... Они не встретились, и я, выходит, прожил пустую жизнь, ничего не сумел»...

Матвей Митрофаныч перешёл через дорогу, лег в постель и... умер.

Картину снять не успели. Она висела на самом видном месте в фойе, и все подольнянцы, кто из ближних сел, кто из райцентра, шли взглянуть на «высшую и последнюю стадию Митрофаныча» — на его «голубой шедевр». Стояли, высоко подняв голову (ведь это же очень важно, как держишь голову, когда смотришь на настоящую вещь). Простой деревенский хлопчик тянулся с маленького островочка к простой деревенской хате, с которой стремился в голубизну аист — подломил крыло, оттолкнулся и на полувзмахе в крик...

Станислав Степаныч извлек из котельной остальные картины, отряхнул от угольной пыли, развесил их, где только можно, не забыл даже бильярдную. К входу придвинули стол с книгой отзывов: пожалуйста, записывайте свои мнения.

На следующей неделе в Доме культуры собралась сессия местного сельсовета. В конце её подняли вопрос, как быть дальше с «фондом Аксёнова»: оставить его

для внутреннего употребления или толкаться, если это действительно ценно, в район? Говорили охотно и много, все знали Аксёнова и подозревать не могли, что жизнь его, оказывается, была «достоянием», гордостью их села Подолянь. Горячо за движение картин «куда-нибудь выше, в район и так далее» выступал Станислав Степаныч Рыкун, назвавший в горячке Аксёнова даже «народным артистом», достойным воспитанником Подолянского Дома культуры, с которым тот не порывал тесных творческих связей до последнего вздоха.

— Это праведник, солнце нашего села Подолянь, — сказал он в заключение и сел, довольный произведенным эффектом.

— Э, куда хватил, — встал тут же бригадир подолянской полеводческой бригады. — У нас таких солнц знаешь, сколько может набраться? В каждой бригаде. А солнце, товарищи, у нас, сами понимаете, только одно, — смотрел он куда-то мимо, на стенку. — А это был человек, художник, с отдельными недостатками. Хотя бы та сцена на сцене. Хм, народный артист! Сущие вы тогда, простите меня, Станислав Степаныч, сущие вы тогда оба были разбойники.

— Ну чего там, — зашумели в зале. — Кто старое помянёт...

— А кто забудет, тому два глаза вон, — стоял на своем бригадир. — Я, товарищи, так вот приглядываюсь: чем-то это строеньице... в «голубом шедевре» скидывается на наш сельсовет, а? Скидывается. Но к чему на ней аист? Где вы видели у нас на сельсовете гнездо, товарищи, с аистом? Шутит, стало быть, автор? Что, без шуток нельзя? А что в действительности на сельсовете, товарищи? Флаг! А у него аист. Вы что-нибудь понимаете? Я лично — нет. Не понимаю я этого аиста. И вообще в широком смысле не понимаю искусства Аксёнова. Сам Матвей Митрофаныч был человек неплохой, не возражаю. Но с фондом его, товарищ директор, надо повременить. У нас есть дела и поважнее...

Станислав Степаныч выходил из зала последним. Посредине фойе стоял человек средних лет, со светлой бородкой, явно не подолянский. Рассматривал «голубой шедевр» Митрофаныча.

— Вам чего, гражданин? — подошел к нему Станислав Степаныч. — Мы закрываем.

— Потрясающе! — сказал человек с бородкой. — Тонко, профессионально. Как он мог? Здесь, в деревне, один, без общенья... Мне рассказали, и я специально приехал, — повернулся он к Станиславу Степанычу. — Я из области, из Союза художников... Вы не поможете устроить мне встречу с теми, кто его близко знал?

На беседе Нина не выдержала, упрекнула: «Он же к вам туда не раз обращался. А теперь»... — «Да-да, я вас понимаю, — говорил художник задумчиво, — но я лично тут не при чём»...

Был голубой майский день. В сторонке, перезваниваясь серебром, пролетали дикие гуси. Струна к струне, голос к голосу. Ещё пару месяцев, и год Нининой работы уже позади. Первая встреча с творчеством у неё была здесь, в Подоляни. Перед глазами всю жизнь у неё будет тот мальчишка из «голубого шедевра», чем-то похожий на Митрофаныча. И вдруг ей захотелось увидеть его — всегда тихого, беззаветного, вечно с кистью в руке. Она вздрогнула, вникнув наконец в смысл его простого шедевра. Это в полотне не обязательно голубое — просто небо, просто воздух, просто надежды, осуществление замысла. Это все лучшее в человеке и человек, которого не вернуть.

СЛОБОДЧАНЕ

Митьку Матрасова по-уличному заглазно зовут Быком. Увидит его издали соседка и говорит другой:

– Вон, Митька-Бык идёт, чемоданом машет!

– Понятно! – кивает та. – Со смены возвращается чумазий...

Поравняется он с ними, поздоровается, начнутся расспросы:

– Как, Митенька, съездилось, чего новенького на дальней стороне увиделось? Коротко расскажет, шутливо поинтересуется, чем они жили в его отсутствие, не видели ли его во снах, не вспоминали ли, потому что ему в пути икалось.

Нет ничего бычьего в Митькином обликии – мужик, как мужик: не мал, не велик, не молод, не стар и силёнок в меру. Глаза, правда, примечательные: карие с настороженным прищуром, и нос – картошка приляпистая с «глазками-бугорками» – того и гляди прорастёт на весеннем солнышке.

Прозвище носит за дурную привычку: прежде чем произнесет слово, начинает малость сопеть, урчать, вертеть головой, словно освобождается от незримой верёвки, и лишь потом хрипасто, но членораздельно ответит на вопрос, или сам о чём-либо спросит, отмычав быком. Эта придумка улицы закрепилась за ним с детских лет. О прозвище своём Митька знает и, имея доброжелательный характер, не обижается, но не любит, когда с этим лезут напрямую. Он так прищурит свои глаза, что станет ясно – разговора не выйдет. Вернее, разговор дальше пойдёт руками...

Митька – паровозный кочегар. Он больше похож на чёрта, особенно зимой, когда издали хорошо заметна его фигура среди сугробов. При нём всегда небольшой железный ящичек, что чемодан, нужный в пути. Он же по несколько дней не бывает дома. Всё в дороге и в дороге: чистит колосники, швыряет лопатой уголь из тендера в топку паровоза или отбрасывает шлак. Домой со станции идёт весело, широко размахивая ящичком-чемоданчиком, словно вот-вот зашвырнёт его в ближайшие кусты.

Дома ставит его за дверь веранды, улыбаясь входит в комнату и начинает приплясывать, а то и выделывать кренделя с присядкой. Его глухонемая сестра Татьяна – красивая девка на выданье, завидев брата, издаёт радостное мычание, похожее на смех. Вертится вокруг него, тоже пританцовывая, одновременно помогая ему снять верхнюю одежду, чёрную от копоти и сажи. Мать их – Степанида Захаровна, довольная зрелищем, спешит вытащить из сундука узелок с чистым бельём для бани.

Деповская баня неподалеку. Митька посещает её с удовольствием. К тому же она бесплатная для железнодорожников. Он долго мылится, трёт себя мочалкой, льёт шайку за шайкой горячую воду на своё расслабленное мускулистое тело. Мало того – идёт в парную и там, на верхней полке, долго, с кряхтением по-стариковски, будет охлопывать себя веником, пока хватит терпежа и дыха. Потом, вылив на себя шайку прохладной воды, спешит в раздевалку, чтобы чуть-чуть очахнуть на лавке. Как всегда знакомый банщик выплывет из клубов пара, осмотрит его и сделает замечание:

– Митя!.. Загривок-то не отщё – чернота, да и за ушами поработал плохо, надо бы домыться...

– Спасибо, Иван Григорьевич, – скажет за подсказку и ошибётся.

– Обознался, дорогой! Иван завтра на смену выйдет, сегодня я – хозяин.

– Извини Петр Григорьевич, не рассмотрел, в пару ни хрена не видно...

А чего извиняться? Банщики похожи друг на друга, как две капли воды. Одни и те же тела и мордасы. Два брата фронтовика с небольшой разницей в возрасте. Оба с протезами. Война оттяпала Петру Григорьевичу левую ногу, а Ивану Григорьевичу – правую. Поди, рассмотри в полумраке, кто из них кто? В баню в основном ходят жители Стрелецкой и Черкасской слобод. Банщики всех знают, работают без номерков, безошибочно выдают вещи помывшимся из деревянных клетушек-полок. Провожают слободчан на выход тепло. Каждому пожимают руку на прощанье, словно дорогим гостям.

После бани Митька, как всегда неторопливо, шагает к невзрачному домику с крылечком – «Закусочной». Нинка-продавщица в белом халате с замызганными рукавами, наброшенном поверх фуфайчонки, увидев его, заулыбается, затараторит, но Матрасов, лишь густо хмыкнет. Отвечать ей не будет – обождёт – человек из бани, понимать должна. Самое время наливать...

Нинка, не закрывая рта, быстренько нальёт ему стакан «перцовки» или «зубовки». А он, с достоинством момента, употребит янтарную жидкость, зажуёт конфеткой, подождет нутряного тепла, чтобы потом поделиться им с кем-нибудь. Вот теперь, он в равновесии с целым миром, а это – самое нормальное состояние. Зря Нинка холостяка испытывает, всё равно на свою сторону не перетянет – серьёзности нет у неё...

Выйдет на крылечко, постоит, подождёт, пока телегу обгонит полуторка, и спустится на тропинку Черкасской слободы, вслед прошедшей какой-то старушки. Митька её знает – Вертикалиха, подруга его матери. Окликнет:

– Матвеевна, погоди, притормози! Шибко торопишься, давай помогу...

Это сегодня на его оклик остановилась, опустила наземь тяжелый мешок. Махонькая старушонка, хоть в рукавицу сажай, а тяговая сила – ещё та.

– Спасибо, Митя, что распознал меня старую, а я прошла мимо, не распознав тебя. Вон какой ты стал – возмужавший – жених! Цены нет. Таньку выдашь и сам женишься – детки пойдут, Степаниде – внучата. Радость прибавится...

Матрасов в это время одной рукой забрасывает себе за спину мешок:

– Пуда полтора будет. Зерно? Гляжу, идёшь, скочерёжилась. Дай, думаю, помогу!

– Подсоби, подсоби, он – нетяжёлый, коли уж так, по ходу сустретившись. Это я зернишко намела на элеваторе, курам. Не одним же воробьям его расклёвывать. Там бегают малыцы с рогатками – того и гляди, бабке глаз выбьют!

– Серёжка твой обленился за зерном ходить, поди, опять голубей гоняет?

– Голубёв нет-ти, опустела крыша, я ж говорю – курам. Пораздал Серёжа своих сизарей, уехал учиться на лётчика. Посчитай, одна осталась в хате.

– Вот, те – на! Не знал, не знал, что на лётчика. Молоток! Первый раз слышу. Давно уехал?

– Намедни, пока ты паровозил.

– Ну, дела! На глазах парень вырос. В школу-то, недавно ходил. Молоток Серёга! Теперь, Матвеевна, он сам крылатым сизарём станет, не то, что я: моюсь, моюсь, а всё в саже...

Идут, разговоры разговаривают о том, о сём. И донесёт Митька мешок до порога её дома, и повернёт к себе, но не пройдёт и ста шагов с остатками тепла, как увидит впереди, в пыльной траве, лежащего Тараса, в позе утробного младенца. Дом его – рукой подать, сразу за акацией, нет же, каждый раз Тарас норовит упасть на одном и том же месте. Что за привычка не дотягивать до собственной кровати? Растянулся, как напоказ, у края дороги. Нехорошо, надо сдать его Машке:

– Тарас, слышь, Тарас! – вставай, сучий кот, дом-то рядом, ну-ка!.. – А в ответ летит нелестное:

– Не тормози, Бык, мои хрущёвские кости! Думаешь, я пьян? Ничуть! Не понимаешь ты ход моих мыслей...

Как-то зимой, в давке за мукой у заводского магазина, Тарас вопил подобное:

– Ой-ой, не дави-и-и, трещат мои родные хрущёвские косточки! Не дави-и-и! – И полез по головам очереди к единственному окошечку, врезанному в дверь магазина, держа в зубах холстяной мешочек и двадцатипятирублевку с Ильичом. Шурок его за валенки поддерживал. Заводчане, как положено, обматюкали: куда прёшь?.. А он: «моя очередь настала, вы что? Меня не узнаете? Смотрите!» Снял ушанку с головы, кинул её Шурку. Рассмеялся народ, уж больно схож Тарас с Первым – вылитый Хрущёв: и низенький, и толстенький, и лысый, и даже бородавка там же.

Вот и сейчас, воображает из себя белую кость – лежу, не трогайте!

Митька его в охапку. Дотащил кое-как эти кости с требухой до двери, стукнул в окно:

– Мария! Выходи, принимай ненаглядного живчика!

Но Маша не оценила доставку мужа на дом, выглянула из окна и завопила:

– А-а-а, чертов Бык, напоил мужика, а сам на ногах, ну, погоди!..

Митька ждать не будет. Что он, Машу-Бандитку не знает, эту красавицу? Любодорого посмотреть на неё, да веса в ней полтора центнера. Залепит – не очухаешься. Отошёл в сторонку на всякий случай. Издали смотрит, как Маша за шкирку поволокла Тараса во тьму дверного проёма на расправу. Ох, уж эта Бандитка, известная чуть ли не полгороду. В девичестве своём, однажды, когда к ней пристал похотливый армянин, так отдубасила его, что он лимоны бросил и убежал с базара. Потом, люди говорят, вышла замуж, но за другого армянина. Уехала с ним, а вернулась одна. И снова, прельщённая очередным южанином, укатила в горы. Опять вернулась одна. На этот раз переключилась на местных парней, захомотала Тараса. Уживутся ли? Или прибьёт муженька, не поняв направление его мысли...

Уже подходя к своей калитке, Митька подумал: странная эта Маша, ведь точно знала, когда выходила за Тараса, что все мужики в его роду беспотомственные. На что надеялась? Вот и живут, как мучаются.

Тарас, которого Митька сдал тёпленьким Маше, работал токарем на заводе, но всё своё свободное время отдавал певчим птицам. Это была его страсть с детства. Без устали мастерил клетки, западни, плёл сетки для ловли. Особенно удавалась ему ловля чижей весной на удочку. В апреле чижи настолько беспечные, что чуть ли не сами подставляют шейки под волосяную петлю. Как правило, из пяти пойманных чижей, трое бывают задушенными. Тарас же вправе похвастаться: за все годы варварской ловли, нечаянно задушил лишь одного чижа – так наловчился легко снимать их с ветвей. А щеглов любил ловить сетью, края которой схватывал репьями по всему периметру рамы. Оставалось только ждать прилёта стайки, держа в руках верёвочку, замаскировавшись в бурьяне. Ловля сеткой требует терпения, как на рыбалке, зато результат лучше, чем западней. Сеткой можно накрыть сразу несколько птах. Тарас их продавал, обменивал, дарил. В городе знал всех стоящих птицеловов, и его они знали. Ему не составляло труда помочь мальчишкам определить, кого они поймали в свои неказистые «хлопалки»: самку или самца? Понятно, что самка не поёт и держать её в неволе нет смысла – надо отпускать, выдрав напоследок хвост для опознания издали половой принадлежности. Тарас щеголихам хвосты никогда не рвал, жалел за красоту. Мальцам сердито внушал: «Бестолочи, не уродуйте птиц! Вам кому-нибудь, к примеру, из задницы ногу вырвать – понравится?»

Иногда приглашал домой какого-нибудь заядлого подростка-птицелова, чтобы послушать любопытное коленце щегла или кенаря. До его женитьбы на Маше, Митька не раз бывал у него дома, слушал его певунов, понимая в них толк. Когда-

то оба учились в одной «семилетке» и вместе ловили и держали птиц. У Тараса это увлечение затянулось, а Митька охладел к клеткам и держал только одного щегла.

С воцарением жены прослушки чижей и щеглов в доме закончились. Многим друзьям Тараса не нравилось видеть её строгий внимательный взгляд. И Тарас время от времени запивал, растягиваясь на подступах к дому, а наутро, незаметно от жены, занимал рубль у соседки – Домны Павловны, чтобы по пути на завод забежать в «Закусочную». Жила Домна Павловна сразу за стеной – дом был на две половины. Домна была грозная старуха, дородная, как и Маша. К Тарасу благоволила: он ей то электропроводку починит, то таз запакает, то курице голову отрубит. Чего рубль не дать в долг? На его половину дома не заглядывала годами, а как-то зашла и увидела на стенах клетки с чижами, щеглами, юрками, чечётками, канарейками. Вытаращила глаза и ахнула:

– Господи, боже мой, что это такое?

– Птицы, птицы, Павловна, певчие...

– Пошто ж ты их неволишь, басурман этакий?

– Как пошто? – Тарас даже удивился. – Содержу для души...

– Для душ-и-и, – ехидно протянула она, – а жена на что? Тебя бы посадить за прутья без божьего света – не песни бы пел – был по-волчьи! Курица и то вольно по двору шастает, а ты этаких крохотулек в теснотище держишь. Совести у тебя нет. Немедля выпусти! Не то больше на вино не получишь...

Ушла Домна Павловна расстроенная, забыв, зачем шла. Жизнь прожившая в деревне и только после войны перебравшаяся с дочерями в город, оставшись одна после их замужества, она не могла взять в толк, как взрослый мужик может заниматься такими пустяками?

И Тарасу невдомёк – с чего взъярилась соседка? Исстари в городе ловили и держали птиц. Какая же радость без них дома?

С грустью подумал: Павловна – серьёзная бабка, слов на ветер не бросает. Теперь до получки деньжат у неё не перехватишь, затаила обиду, а за что?

Со временем узнает Тарас, что после её гневного ухода, она будет открыто называть его Чижом и постепенно приклеится к нему это птичье прозвище.

Время движется быстрее паровоза по незримым рельсам Вечного Пути, не делая нигде остановок, лишь мелькают годовые круги. Осень прошла, зима кончается, предвесенье, весна...

На высоком берегу Быстрой Сосны до позднего вечера толпятся горожане, всматриваются в зареченскую даль Беломестной, словно ожидают появления татарской конницы. Приходят многие, чтобы лично убедиться: река посинела, вздулась льдом, он начал трескаться, вот-вот стронется...

По центральному городскому бульвару оживлённое хождение. Так много жителей города собирается лишь в дни общих праздников или футбольных матчей. И вот уже передают друг другу весть: лёд пошёл!

Посмотреть на ледоход идут семьями, идут с друзьями и знакомыми, или просто влюблёнными парами. Идут горожане всех возрастов в силу вековой традиции, в силу извечной тяги русского человека к разбушевавшейся стихии. Заканчивается сон природы и начинается оживление – встряска души перед активным трудовым периодом.

Но вот лёд ушёл, содрав брёвна с пролётов моста, соединяющего Беломестную с городом. Тоже самое он проделал с мостами через Ливенку. Заливенская часть оказалась отрезанной от остальных, и начинается лодочное сообщение. Остатки льда белеют по берегам – сочатся в окружении грязи. Дымятся костры, жгут мальчишки прошлогоднюю траву, подсохшую на солнечных буграх. Обнажения девонского камня на крутом склоне берега Сосны точат упорно последние ручейки, а чуть выше между подпалинами старой травы уже видны зелёные пятна молодой по-

росли. В городском саду оглушительно орут грачи, сталкивая друг друга с ветвей, и никак не могут угнездиться.

Вот и последний день Великого поста. К единственной, уцелевшей от войн Сергиевской церкви потянулись верующие со всех окрестных мест с белыми узелочками, в которых аккуратно завернуты куличи и крашеные яйца. Несут бережно, как самое дорогое, что у них осталось. Идут и идут. Шествие это в основном пожилое, женское, но неуправляемое, как ледоход.

В этот день Митька-Бык прошёл мимо закусочной после очередной банной помывки – недосуг, ждут его соседи: Илюнчик с Шурком. Им предстоит в его палисаднике сделать круговину для катания яиц на Пасху.

День светоносный, золотистоголовый, зелёнокудрый, с голубовато-стальными метёлками полыни вдоль широкого большака Черкасской слободы, с пылью больших изумрудных лопухов, с густым серебром окрестных одуванчиков.

Митьке до дома рукой подать, так нет же, не дают добраться, бегут навстречу две знакомые тётки – слободчанки, машут руками, просят возбуждённые:

– Митенька, дорогой, помоги, растащи дураков окаянных... Бьются, не знамо за что, до крови! Окна друг-другу поколотили, народ собрался, глазеет, а толку никакого... Ну, что ты сопишь? Поспеш!

– Кто сцепился, с кем? – наконец вопрошает Митька.

– Афанасьев с Лаптевым – шофера с автобазы.

– Г-г-м-м... Ну их, – бугаи известные, самому наложат по первое число...

– На ногах еле стоят, нажрались...

Не хочется, а куда деваться? – надо идти. Оно конечно: «двое дерутся – третий не мешайся», но женщины просят, придётся взглянуть...

И вправду дерутся. Оба разукрашены фонарями подглазными, из носов красная жижка сочится. Распаренные, как в бане, ходят кругами друг за другом, тяжело дыша, чувствуется, что руки у них вялые. Им бы разойтись, да гордыня не позволяет, несмотря на обступивший их увещательный народ. В основном собрались бабы и ребятишки, а серьёзных мужиков никого. Завидев Матрасова, махонькая Вертикалиха оживилась:

– Давно такого не было, Митя – ни стыда ни совести у них. На Страстную неделю лущаются, да ещё у детей на виду! Ах, пьянчужники-безобразники, ах, неукоротники! Как же так можно, а?

Митька густо засопел, замычал, набылчился, пробираясь через круг к дерущимся, и вдруг разом грозно рявкнул:

– Отставить! – боевая ничья!

– Отойди, Бык, врежу, – неуверенно обещает Лаптев.

– На ничью не согласен? – спрашивает Митька у Афанасьева.

– Отметелю! – определённо бросает тот и замахивается...

Только кто ж ему позволит? Митька его реакцию предвидел, отклонился от вялого выброса руки, дал подножку. Повалился снопом боец. Тут же Митька толчком головы двинул Лаптева, на лежащего. Оба не успели сообразить, что произошло, – как лежат беспомощно на земле копошатся, как жуки перевёрнутые, пытаясь найти опору. Два отмучившихся здоровяка дают увязать себя верёвками, неведь откуда приготовленными. Общими усилиями потащили их на отсыпку по домам, а перед этим они для вида попытались освободиться от пут. Митьку-Быка обматерили, пообещали прибить.

Интересно, с чего завелись дружки-бугаи? Митька не раз видел, как в пивной они терпеливо стоят в очереди, не лезут нахрапом вперёд, как некоторые, отсидев-

шие своё, урки. При этих шоферах никто свои права не качает, не то – без слов, за шкирку и на свежий воздух! Хотя ты трижды блатной – значения не имеет. Оба, конечно, подрататься могут спяну, но чтобы друг с другом? Что-то не помнится...

На станции Митька иногда узнавал их в кабинах грузовиков среди гор паровозного шлака. Скапливалось его много, а стоит копейки. Можно сказать, бери бесплатно – не успевают очищаться от него паровозы. Шлак да известь – вот и всё, что надо для постройки коробки дома. Из этого материала, считай, после войны третью часть города возвели. Впору только за это паровозным кочегарам памятник поставить. В топку – уголь, а из-под – шлак. День и ночь, руками своими, а морда – черная...

Взгрустнулось Митьке. Лаптев с Афанасьевым хоть в войне поучаствовали, правда, в конце её. Три месяца снаряды на фронте возили, а он по-малолетству на паровоз попал. Только и видел разбитые станции от Москвы до Харькова. Серёга – голубевод на лётчика уехал учиться. Может, себе пойти – на машиниста? Нет, опоздал: дом, огород, мать, Татьяна...

– Долго парился! – весело встретили его друзья.

Пока Митька банился, да умирал пьяных, в его палисаднике уже шла подготовительная работа: Шурок сгрёб мусор, очистил площадку от сохлой травы. Илюнчик ладил над площадкой навес из отходов пиломатериалов и кусков рубероида. Навес они всегда делали на случай дождя.

Главную работу только начали. Митька определил центр, воткнул штырь, и кружалом начертил на земле круг полутораметрового диаметра. На штык лопаты принялись выбирать грунт, вынося его подальше от места игры. Дно круговины выровняли и уплотнили, чтобы не было раковин и земляных комочков. Тут требовалась особая тщательность. Илюнчик своим плотницким уровнем выверил дно. Нормально. Потом сделали наклонный врез и установили разгонную доску с желобком. Посидели, покурили, обсудили угол наклона доски. Эта доска с отполированным желобком для скатывания яиц служила им не один год, и хранилась в сарае от игры до игры. Её установить надо с нужным наклоном, добиваясь скатывания яйца с ускорением, без подскоков при вхождении в круговину. Потом надо проверить прокат на вираже, нет ли помех, вызывающих тряску гонка.

Убедившись в хорошем разгоне и прокате, Митька напоследок сухим гусиным крылом вымел соринки и прикрыл круговину жестью до утра.

Утро. Пасха – Светлое Христово Воскресение.

Митка успел похристосоваться с матерью и сестрой. Степанида Захаровна нашла за иконой прошлогоднее крашеное яйцо и подставила сыну – стукни-ка-ка! Тюкнул новым, освященным накануне. Оно выдержало удар. Положила мать его за икону до следующей Пасхи, а треснувшее старое отложила на подоконник. Потом рассматривает, оставить ли себе, либо курам раскрошить. Так у них повелось с того времени, когда был ещё жив хозяин.

Сели в радостном настроении за стол. Разговение начали с кутьи. Митька разлил водку по стопкам. Почокались семейно: «Христос воскрес!» – как же без этого? Митька, в отличие от матери и Татьяны, не постился, не говел, не видел связи между пищей и верой, как и его погибший на войне отец. Из православных праздников он знал основные: Рождество, Крещение и Пасху. С Красной горкой и то путался, забывал день. На Красную – тоже надо катать яйца. Это он перенял от отца.

Сестра с матерью лишь пригубили вино – здоровье не позволяет. Митька на пальцах показал сестре: «выпей чуть-чуть».

– Ны-ы-ы! – в ответ.

– Кум с воза – кобыле легче!

Налил себе вторую, потянулся за картофелиной и куском курицы...

А на Степаниду Захаровну нашло не светлое настроение.

– Господи! – шепчет губами, чуть не вслух, – за что такая судьба? Сидел бы Антон рядом, радовался на детей, нет, – война приключилась. Ушёл, как не было. За какие грехи твоя любимица стала глухонемой? Кто замуж возьмёт? Заглядываются парни, да отваливают. Правда, один молодой без ноги, утрёпывает за ней настойчиво. А толку? Таньке видно не люб, а Митька молчит, не поймёшь на чьей стороне. Я бы не возражала, пусть ходит, может, добьётся своего упорничеством. Господи...

Митька поднялся из-за стола.

– Насытился! Спасибо. Вы сидите, а мне надо Илюху проведать с Шуркой. Потороплю их. Меня, если кто из игроков придёт, пусть подождут. Я не надолго...

Шлаковая неоштукатуренная хатенка Ильи издали торчала во рту улицы, как тёмный зуб. Илья возвёл его после войны на месте старого фундамента, а дом его в 1942 году, «языком слизала немецкая крылатая корова», по выражению его жены Веры. Она с дочкой в это время находились в каменном погребке соседки-подруги. Немецкие лётчики частенько кидали бомбы на станцию, а попадали в дома, прилегающие к ней. Вернувшись с фронта, он – где только мог – собирал материал: по камешку-кирпичику, по досточке и брёвнышку, но так до конца не достроил начатый дом. Илья и плотник, и столяр, и на все руки мастер. Ему заказы по столярке идут бесперебойно, а свою хатку доделать не хватает времени. Лицом цыганистый, но характер не взрывной – славянский, спокойный, уступчивый. Илья, в основном, молчун с бородавкой на правом верхнем веке. Глаз от этого непрерывно помаргивает, не поймёшь, то ли Илья одобряет собеседника, то ли наоборот. Зато его Вера – суцкая трещотка, большая любопытница ко всему на свете и энергичная на разные начинания. В округе её ласково называют Верунчиком, а мужа заодно – Илюнчиком. Часто говорят: «Верунчик и Илюнчик – два сапога – пара». На работу и с работы шагают вместе. Илья работает на заводе в столярке, а Вера в – токарке наладчицей станков. Дело знает лучше мужиков – война научила.

Илья уже ждал Митьку на пороге. Верунчик с дочерью ушли одаривать многочисленных крестников пирожками и конфетами.

Приятеля разом отправились к Шурку, чтобы оторвать его от стола. Дом Шурка, такой же неказистый, как и дом Ильи, скрывался под густыми ракитами и вдобавок окружался заборами, заборчиками, сарайчиками, калиточками, так, что сразу двери не найдёшь. Шурок с Нюрой, детьми и тётцей, жили по-крестьянски. Хозяйской живности во дворе полно: куры, утки, кролики, свинья, собака. Не успел Илья открыть калитку, как загавкал пёс, и тут же рябенький петух шустро вскочил на плечи столяра. Но не опешил он, а мгновенно сбросил с плеч петуха, отшвырнул ногой прочь:

– Как Шурок терпит этого бандюгу? Я-то к нему привык, а зайдёт малец? Глаз же выклюет! Петуху в суп пора...

В комнатёнке за столом семья заканчивала завтрак. Над скоблёным столом висел в деревянной рамке усатый вождь, направляя свой заинтересованный взгляд в сторону угла с лампадой – в иконный лик Николая Чудотворца. Под образом стояла ножная зингеровская швейная машина – богатство тётки и жены – постоянный объект интереса фининспекторов. В подвесной люльке посапывала последняя дочка, а две других уплетали за столом холодец.

Вечно улыбающийся Шурок предложил друзьям выпить, но Митька, решительно воспротивился:

– Давай без этого, день только начинается, успеется!

Тёща поддержала Митьку, завидев суету невестки:

– Не по-людски, хоть и праздник, нажираться с утра...

Еле-еле оторвали Шурка от стола, подождали, пока он искал свою плетёнку с раскрашенными яйцами для игры. Прижимистая Нюра в это время наблюдала, не засунет ли он в неё бутылку? Наблюдение продолжала до самой калитки. Шурок, в чём сидел за столом, в том и вышел. Друзья в свитерах поверх рубаш, а он – во фланелевой навывпуск. Дни весногонные, и хотя солнечные, но всё же зябко без поддёвок. Шурок хил телом, но никогда не кутается, даже зимой, – грудь нараспашку. У жены с тёщей – сирота сиротой, ходит обтрёпанный, но этого не замечает, улыбается, как блажной. Друзья знают – не блажной, а с кучей медалей за взятие разных городов. Хлебнул горяшка предостаточно и работает в горячем цеху, откуда через год-другой уходят даже здоровые мужики, а он всё ещё трудится. Правда, к концу недели не добирается до дома, спьяну заваливается в кусты отсыпаться. В этом он не уступает Тарасу.

Возле Митькиного палисадника уже топчется в валенках Игнат Иванович, ожидая хозяина. Этого деда Митька недолюбливал за отстрел собак. Дом его в конце улицы над оврагом. Местные бродячие собаки нередко искали в овраге отбросы и рыскали по огороду деда. Он, как увидит собак, так прямо с крыльца и палит в них из двустолки. Говорят, потом выделяет собачьи шкуры и шьёт шапки на продажу. Митька не раз корил его:

– Тебе, что – зайцев мало? Всю зиму ходишь по посадкам высматриваешь и добываешь их, нет же, – на псов перешёл, помешали тебе чем-то?..

– Кому жалко их, пусть на привязи держат. Через овраг коротким путём ребятишки в школу ходят и из школы возвращаются. Кобелюги дичают от голода, мало ли что может случиться? Закусуют или напугают! – парировал он.

Валенки Игнат Иванович до жары не снимает – ревматизм. На голове сегодня картуза нет. Треплет апрельский ветерок на макушке хохолок седых его волос: ни дать, ни взять – полководец Суворов. И Тарас пришёл, греет хрущёвскую лысину, а лицом что-то хмурый.

Несколько соседок с детворой в палисаднике, как в прошлом году, тоже ждут начала игры.

Расселись игроки на табуретках, придвинув каждый к себе сумки с крашеными яйцами. Зрителям отведено место на завалинке и за палисадником, чтоб не мешали, не сыпали соринки в круговину.

Матрасов взял красное яйцо, показал его игрокам:

– Всем видно? Пускаю...

С жёлоба оно с ускорением вошло в круг, прижимаясь к земляным стенкам круговины, прокатилось по полному кругу, завернулось спирально, и остановилось.

– Как видите, катится без фокусов. Начнём? – предложил он.

Кивнули, пригатавливая своих гонков. Митька напомнил правила игры. Правило основное – не лезь со своими правилами, они давно отработаны. Гонок запрещается подталкивать руками. Поставил его на разгонную доску в желобок – убери руку. А как его ставить, тупым концом к себе или острым – дело твоё. С какой высоты запускать – тоже твоё дело: хоть с начала доски, хоть с середины и ниже. Яйца должны быть только куриные, а не гусиные, индюшачьи и прочей птицы. И потом: сумел твой гонок чужой тюкнуть – забирай его, не важно, чья скорлупа повредилась, или обе целыми оказались. Следующий ход твой, а теряешь его тогда, когда твой гонок пробежал впустую. Засчитывается первый тюк, второй при отскоке – нет.

Обычно споры возникают при вовлечении в игру малознакомых, желающих поучаствовать в катании на чужой территории. Митька им сразу говорит: «правила наши, а яйца – ваши. Не нравится – не играй!»

Пока начали игру впятером.

– По-старшинству – предлагает Шурок – гони, Игнат Иванович!

Пошла игра. Первые прогоны идут формально, круговина ещё пуста, но вот набежало в неё с полдюжины разноцветных яиц-гонков, и луковый посланец Шурка, отскочив от земляного бортика, пошёл в центр круговины. Тюкнул светло-коричневое яйцо:

– Мой, долгожданный!

– Забирай и гони дальше, – командует Матрасов.

Запускает Шурок, но на этот раз безрезультатно.

Катают мужики деловито с попеременным успехом. В круговине уже достаточно неподвижных гонков. Теперь игра обострится, гонки при нескольких пробегах начнут терять скорлуповую крепость, выходить из строя и отправляться, как негодные, в корзины. Станет виднее, чья берёт. Игроки знают цвета своих гонков: у Митьки – красный, у Шурка – луковый, у Ильи – коричневый, у Тараса – голубой и синий, у Игната Ивановича – пёстрые. Так они решили накануне.

Николай-инвалид подошёл к палисаднику. Поздоровался, стоит, высматривает Татьяну. Нога, с детства сухая, покоится на выступе костыля. Он с ним ходит быстро, легко. На вид мальчишка, а на самом деле ему – под тридцать. Работает часовщиком. На Митькиной улице многие знают его жениховское увлечение Татьяной.

У Тараса на лысине бисерки-испарины, во рту сухота. Оторваться хочет от игры. Обрадовался приходу Николая, просит за него поиграть. Получив согласие, побрёл в сторонку понуро. На пути, у завалинки, Домна Павловна сидит на скамеечке. Ноги, как брёвна, вытянула в шерстяных чулках, на Тараса косится, чтобы не перешагнул.

– С праздничком, Павловна, – вежливо говорит он, обходя её ножищи.

– И тебя, Чижик, – с Пасхой, хотя ты нехристь... Птиц-то выпустил?

– Э-к-к, хватилась! – на Благовещение клетки распахнул, одни кенари остались.

– А энтих што?

– Комнатные, не для воли.

– Молодец, коли так...

Тарас метит в двери Митькиного дома, за ним Татьяна, понявшая, что ему плохо. Налила стопку, сочувственно смотрит, как Тарас, морщась, берёт и опрокидывает её в рот. Огурец подаёт и жестом на дверь – выпровождает. Пожёвывая солёный огурец, он успевает заметить на стене клетку с щеглом. Удивлённый подумал: «Гляди-ко, Бык не выпускает его второй год, а мне говорил, что одни куры остались...»

Игра оживилась. Митьке начинает везти. Его вызывающе красный гонок успел расколошматить несколько чужих, и всё ещё цел. Идут разговоры зрителей:

– Каждый год обыгрывает всех. Видать, яйца умеет отбирать...

– У хорошего гонка носик должен быть востренький, сморщенный!

– Чепуха! Стучаются боками, а не носиками...

– За курами уход требуется особый. Небось, он подсыпает им что-то, оттого скорлупа прочная. А что подсыпает, разве узнаешь?

У Матрасова красный гонок, наконец, уgomонился – обошёл других, не задев их, затих в центре круговины. Очередь за Игнатом Ивановичем. Роемся он неспешно в сумке, выбирает среди пестроты своей нужный гонок, откладывает, потом ищет другой. Шурку невтерпёж:

– Неживой ты, дед, заснуть можно!

– Поспи, Сашок, поспи, будет твой черёд – разбужу.

Митька тоже медляков не любит, но молчит. Под себя других не подстроишь, да и куда торопиться? – вечер впереди.

Шурку же хочется последовать Тарасову примеру. Он тоже собирается на своё место временно посадить Николая, всё ещё стоящего у палисадника. Илья это замечает.

– Куда потащишься? Бутылка у меня в сумке. Возьми, отойди в сторонку, хлебни и сразу сюда. Оставь Коляшу в покое, не затем парень пришёл сюда...

Митьке не нравятся разговоры о выпивке раньше срока.

– Взворковались... Попозже – нельзя?

– Пока бабы организуются, это ж, сколько пройдёт? – замечает Шурок.

Он в сторонку не отошёл, на месте откупорил бутылку. Сколько жена не смотрела за ним, умудрился положить выпивку в сумку.

– Кому влить?

– Лакай, нам не к спеху, – повернулся к нему Игнат Иванович.

А в это время Митька мастерство показывает. Вот он вынимает из корзины новый красный гонок, на зуб пробует тюканьем – крепкий. Объявляет во всеуслышание:

– Сейчас этим вертуном возьму... вон то, – темнолуковое! И показывает, какое именно. Ставит вертуна на две треть доски. Покатилось яйцо вниз, выделявая странные петли вокруг неподвижных яиц, а потом оттолкнулось от бортика круговины, развернулось – и, надо же, – взапрямь толкнуло тёмно-луковое!

– Видел, чижик-пыжик, как надо играть! – подмигнул Митька Тарасу – учись, пока я жив... А я вертуном своим возьму сейчас опять Шурковое – салатовое...

Как сказал, так и вышло: тюкнул его вертун салатовое у всех на виду. Забрал добычу под притихший шумок зрителей.

– Везёт! – вздохнул Игнат Иванович, – а попробуй-ка угадать в третий раз! Признаю, – нет тебе равных среди нас...

Матрасов внимательно окинул взглядом яйцевой расклад в круговине. Что-то прикинул в уме. Смотрит на игроков, потом опять вниз и на доску с желобом. Наконец, решается:

– Тихо! Вы не поверите, но вон то, последнее, слева от центра на дорожке, крапчатое, – моё!

Мать честная! Как это у него выходит? Поставил на полдоски гонка-вертуна, и он покатился ровненько, не выписывая петли, и – в аккурат стукнул крапчатое яйцо. Между прочим, – заказчика угада – Игната Ивановича.

Взял Тарас Митькиного вертуна в руки, смотрит, ничего не понимает: яйцо как яйцо, разве что форма немного странная. Глаз токаря видит в нём разнобокость и чуть смещённый «носик». Митька рад, что смутил и посрамил игроков. Притихли они, не знают что сказать, а Тарас вдруг выпалил:

– Бык, а это у тебя не спорыш?

– Какой ещё спорыш? – недоуменно спрашивает и нахмуривается Митька. – Ты о чём, Чиж?

– У деда спроси, или у Домны Павловны, если не знаешь!

Игнат Иванович тут же важно поясняет:

– Бывает такое. Это когда петух снесёт яйцо, а курица высидит не цыплёнка, а василиска. Беды жди от него!

Илюнчик радостно вскинул цыганистые брови:

– Шурок, иди сюда! Смотри, твоего петуха работа. Тебе давно говорили, оторву ему голову! Это же он пробрался в Митькин сарай и отложил вертуна. Твой огород как раз к его примыкает...

Шурок, успевший приложиться к бутылке, подходит, улыбаясь во весь рот, и говорит Матрасову:

– Антонович! Что же получается? Сам говорил: играем только куриными, а выставлял петушиное. Доказывай, что не так!

– Мужики! Вы что, серьёзно? – Митька обвёл их взглядом, оглянулся на зрителей, – какие петушиные? Дед для понта сказал, а вы рады стараться – спорыш! Петухи пошли у вас нестись, застрекотали языками. Играть надо уметь!

– Если не веришь, спроси у знающих! – возразил Шурок – Домна – человек сельский, врать не будет, прояснит.

– Пална! Домна Пална! – зовёт он задремавшую на солнышке старуху. – Подожди.

Услышала, нехотя подошла с завалинки.

– Вопрос имеем. Разреши. Ответь, петух яйца может нести? – спрашивает Шурок.

– Ты же носишь, а он, что? – в карман кладёт?

Хохот.

– Не поняла ты! Вот это красное, говорят петушиное. Из него выходит какой-то василиск. Может такое быть? – Митька суёт ей вертуна.

– Тьфу! – убери гадость! – морщится Домна Павловна – вспомнил нечистую силу на Пасху, прости, Господи...

– Нет, ты ответь, бывают петушины?

– Возьми, да расколошмать, – советует посредница – ежель желточное сплошь, да с дурным запахом, стало быть сносок – змеиный оборотень. Сжечь такого на огне и вся недолга!

– Слыхал? – радуется Тарас – разбивай, Бык, яйцо и показывай начинку! Ход мыслей не понимаешь?...

Жалко Митьке хорошего гонка, да шутка обернулась серьёзом, как в капкан залетел. В сердцах стукнул яйцом об скамейку, скovyрнул скорлупу:

– На, Чиж, нюхай, баламут!

Тарас нюхнул и передал Шурку. Вроде что-то есть.

– Нормальное! – изрёк тот и откусил половинку – гореть василиску в брюхе!

Игра возобновилась, но Митькино победное шествие прервалось. Везти стало меньше, зато другие заиграли внимательнее, посылая гонки с разной высоты разгонной доски. Шурка развезло, потянуло на разговоры. Он окончательно усадил на своё место Николая-инвалида и отошёл к женщинам. Они уже накрывали два больших стола белой простынёю, громоздили на них тарелки с закусками, тащили лавки в сад. Степанида Захаровна не собиралась устраивать общее застолье, но пришедшая из города Верунчик, поглазела на игру мужиков и тут же начала распоряжаться:

– Ну-ка, бабы, тащите из домов кто что может. Небось, наготовили всего. Не скупердяйничайте, устроим себе веселье праздничное. Дело к обеду идёт! Пошевеливайтесь! Мужиков кормить пора...

К палисаднику тем временем подъехали на велосипедах два брата: Петр Григорьевич и Иван Григорьевич. Умудряются они каким-то образом ездить на своих машинах, вращая педаль одной ногой. Костыли приторочены к рамам.

– Привет честной компании! – здороваются они, приставляя велосипеды к забору и высвобождая ноги. Сообщают:

– На Выгонке тоже ребята катают, на лугу меж домами...

– У них понятия не те – отзывается Игнат Иванович – полтинники берут за выигрыши. Это же не лото. Удумали в праздник такой – на деньги!

Банзики костыли отвязали, сумки с яйцами для игры сняли с багажников. Подвинулись игроки, брёвнышко притащил Илюнчик из сарая. Фронтовики – свои игроки, порядок знают. Сразу вошли в суть катания: кто за кем, кому меньше всего везёт, кто готов вылететь из игры? На вылет готов Николай, он больше поглядывал на Татьяну, чем в круговину. Шурок тоже – на вылет. У него остался один гонок.

Веселее стало. Братья известные анекдотчики: один закончит – другой подхватит в продолжение темы, переходя на смежную. Конца и края темам нет. Игра игрой, а смех – смехом. У Шурка – рот до ушей. Илюнчик беззвучно – животом трясется от смеха, Тарас хихикает, на Домну поглядывает. Не услышала бы непристойности, не то вмиг

устыдит, утомит разошедшихся рассказчиков. Не слышит Домна Павловна, дремлет на солнышке. Другие женщины заняты хлопотами в саду. Митька доволен. Опять ему везёт. Смех у него басистый, короткий, для поддержания общего настроения. Он эти анекдоты не раз слышал в бане. А вот Игнат Иванович смеётся лишь временами. Скабрёзные шутки-прибаутки пропускает мимо ушей, приговаривая:

– Ну и безбожники, ну и язычники! Лизать вам сковородки в аду...

Прохожие заглядывают в глубину палисадника с любопытством. Их привлекает игра, задерживаются, смотрят, что получается. Неожиданно Лаптев с Афанасьевым пожаловали, Митьку окликнули.

«Чего им нужно? – думает он. – Нашли, когда припереться»... Нехотя оставил игру, пробрался через толпу ребятишек.

– Ну, что надо?

– Ты, это... – Афанасьев говорит, протягивая ему руку поздороваться, а другой рукой картузом прикрывает подбитый глаз – не подумай что зря, мы пришли по делу...

Лаптев издали кивнул Матрасову, как старому знакомому. Синяк подглазный у него заметно пожелтел.

– Коли по делу, зайдём в хату, – приглашает Матрасов, – шумно здесь. – На ходу Афанасьев смущённо бормочет:

– Ты... извини, мы давеча с Иваном малость повздорили... Ты правильно влез в это дело. Сам знаешь участкового. Служака! Нары нам были бы обеспечены – к этому шло и продвигалось.

– Не хрена себе повздорили! – Митька хмыкнул удивлённо. – Бой затеяли по всем правилам! С чего раскипятились-то?

Они вошли в комнату, Матрасов предложил им сесть, а сам полез в синий буфет за бутылкой.

– Спьяну, привиделось мне, что Надька Козлова сидит в хате, у Лаптя, а до этого она у меня целый месяц жила. Дёрнул дверь – заперта изнутри, ну я по окнам дрыном прошёлся. Потом только выяснилось, она у матери своей ошивалась три дня...

– Пустяковая деваха! – подал голос Лаптев. – Нашёл себе заботу: Надьку караулить! Стану я с ней заниматься?

– По сто грамм в честь праздника и мира? – Митька поставил бутылку и стаканы на стол. Оба шофера разом замотали головами, а Лаптев пояснил:

– Ни грамма! Завтра, рано утром в рейс. Пришли по делу. У тебя есть друг столяр и стекольщик?

Матрасов подошёл к окну, показал:

– Вон, в фуфайке, кучерявый. Ильёй зовут. Классный столяр, и стекло режет, как спец – точно.

– Ему надо объяснить, что да как, а ты в курсе: окна побиты, рамы выломаны – Афанасьев снял картуз и опять надел: тебе Лапоть даст ключи, а мои у Надьки, она тебя знает, утром занесёт. Ты попроси Илью застеклить и рамы исправить. Работать можно в любое время. Старики наши уехали в деревню, не скоро вернутся. Не хочется, чтобы они видели безобразие. За работу мы заплатим, не сомневайся.

– Ладно, порешили, – понял Митька, – но никакой платы, а вот хорошего речного песка у Илюнчика нет. Хата его обшарпанная! Давно собирается отштукатурить, да песка нет. Пару машин достаточно...

– Какой разговор? Покажешь его дом, и через неделю ссыплем!

Татьяна зашла, косясь на Лаптева с Афанасьевым. Приметила синяки у них под глазами. Зашла как бы случайно за посудой. Погремела и вышла. Митькин щегол коленце выдал в наступившей тишине.

– Хороша у тебя сеструха, – заметил Лаптев и добавил, ни к селу, ни к городу:

– Жаль щегла не слышит...

– Она, Иван, чует пение лучше нашего – вздохнул Митька – из-за неё держу, выпускать поздно, одомашился.

Добавил, чтобы закончить разговор:

– У нас в палисаднике игра идёт по-старинке. Желание есть поиграть?

– Нет, нет, машины надо готовить в рейс, надолго уезжаем...

Грачи расшумелись на ясенях, клёнах и дубах в старом саду заводского сада. Забор его как раз напротив Митькиного дома. Улица эта – одnorядная. Вдоль забора по тропинке почти никто не ходит в апреле, опасаясь обильных грачиных «каплей». Идут и идут прохожие мимо Митькиного палисадника.

На фоне лазурного неба вьётся слабослюдяной дымок из высокой трубы спирт-завода. Оттуда ветерок иногда доносит едкий запах барды. Митькина улица оглашается не только грачами, но и долгими лязгами вагонных буферов, гудками паровозов.

Игрокам звуки привычны, не замечают их. Скорее удивились бы, если вдруг они смолкли.

Прерывается игра на обед. Она будет продолжена до глубокого вечера, под устроенным навесом над круговиной. Потом зажётся электролампочка. После пасхальных дней круговину забросят и восстановят ещё раз на Красную горку.

Хорошо сидят соседи за общим длинным столом. Лица светлеют. Нахваливают: то сало с чесноком и горчицей, то розовую картошку в мундире, то винегрет, то холодец. Оттерпелись слободчане за годы войны, и первые послевоенные. Светлеют души, несмотря на неустроенность быта. Восстанавливают разворошенное. Что ни день – прочнее становятся на ноги.

Татьяну посадили рядом с Николаем и Митькой. Она изредка показывает Николаю рукой: «ешь, мол, нечего на меня смотреть». Вторую руку держит у брата на плече, время от времени подкладывает ему в тарелку солёные огурцы, помидоры...

Митька улыбается, незаметно отправляет их вилкой часовщику. Идёт что-то вроде игры.

Верунчик запела, и подхватили разом: «По берлинской мостовой кони шли на водопой. Шли, потряхивая гривы кони-дончаки... Казаки, казаки, едут-едут по Берлину наши казаки». Потом пошли: «Тёмная ночь», «Огонёк» и Митькина любимая – «Степь, да степь кругом»...

Задушевные песни трогают Игната Ивановича, и вот уже посылает он племянника за самоваром, чтобы, значит, под вечер сообща пить чай в саду на свежем воздухе.

Отвели души песнями и вновь игроки расселись у круговины. Последние катальщики на окраине древнего русского города.

ВАЛЕРИЙ АНИШКИН

ВАСИЛИНА

– Вези матку к Катьке, – сказала Зинаида мужу, когда они легли спать. – Пусть у неё поживёт.

– Что так? – удивился Николай.

– А сил никаких моих больше нет. Уже что зря вытворять стала.

Зинка приподнялась на локте, пытаясь в темноте определить выражение лица мужа.

– Опять кастрюлю с супом перевернула... Тряпку на плиту положила, а конфорка горела. Никак не пойму, откуда гарь идёт. Глядь – тряпка горит.

Зинаида проглотила слюну, пытаясь справиться с обидой, комком застрявшей в горле. Не справилась и сквозь слезы добавила:

– Тарелки. Все тарелки перегрохала.

Николай нашарил на тумбочке папиросы и, чиркнув спичкой, закурил.

Свет на мгновение ослепил Зинаиду, и она закрыла глаза.

Хорошо взбитая перина нежила расслабленное тело, и резче обозначалась усталость, а мозг требовал сна, но взвинченные нервы не давали покоя, и Зинаида дополнила свою навязчивую мысль, вбивая её в голову мужа:

– Почему всё ты? В конце концов, у неё есть ещё две дочки. Пусть у них о матке тоже голова болит.

– Квартиру-то мы с матерью получали, – подал, наконец, голос Николай. От сильной затыжки его лицо вспыхнуло красным огоньком и, мелькнув двойные подбородком и мясистым носом, погасло.

– А на двух детей всё одно трехкомнатную дали бы, – живо откликнулась Зинаида. – Так что и без матки получили бы.

И замолчала, ожидая, что скажет теперь Николай.

– К Катьке нельзя, – стал сдаваться Николай. – У неё одна комната.

– Ну-к что ж? – повеселела Зинаида. – Не танцы же они там будут устраивать.

– Так Катька-то с мужиком живёт, – удивляясь Зинкиной тупости, сказал Николай, поворачивая к ней голову и забывая затянуться папирой, а она уже еле мерцала нераскуренная.

– А он там не прописан! – бойко ответила Зинаида.

– Для того, чтобы с бабой спать, прописки не требуется, – осклабился Николай.

Зинка почему-то обиделась, но дулась недолго, потому что надо было доводить дело до конца.

– Тогда к Тоньке, – подумав, решила Зинаида. – У них тоже трёхкомнатная.

– Ага, а две девки не в счет? А Верка, племянница Федора, не в счёт? Между прочим, Валька беременная ходит.

– Да ты что? – засмеялась Зинаида. – В самом деле?

– Ну-у? Тонька мне вчера сама сказала. – И уж, говорит, сделать ничего нельзя.

– Во девки пошли! Соплячка ж ещё совсем.

– На это ума не надо, – буркнул Николай. – Семнадцать лет по нынешним временам – самый для этого подходящий возраст!

– Сиди, губошлёп, – ткнула мужа в бок Зинаида и поинтересовалась:

– Сказала хоть от кого?

– А чего говорить-то? С кем ходила, от того и брюхо.

– Это курсант, милиционер-то этот?

– А то кто же?

– Не отказывается хоть?

– Попробовал бы отказаться, – Николай глухо, как в бочку, кашлянул.

– Уж родителям написали, о свадьбе сговариваются.

Удовлетворив свое женское любопытство, Зинаида вернулась к старому разговору:

– Так что ж с маткой-то? – спросила она.

– Уж тогда давай к Катьке, – решил Николай. – Катька младшая. Мать её любит больше всех.

Зинка успокоилась и быстро уснула. Она свернулась, как кошка, калачиком, уткнув голову в плечо мужа и обняв его рукой. И в ещё некрепком сне сладко причмокивала губами, пухло вытягивая их и невнятно что-то договаривая уже во сне...

Старую Василину донимали ноги и мучала бессоница. Ноги грызла ревматическая боль. Невестка и дочери называли это отложением солей, а врачах называла по мудреному, но как не называй, ноги болели, и никакие растирки не в силах были помочь. «Отрезать, да собакам бросить», – шутила Василина, когда её опрашивали про ноги, сочувствуя.

Она лежала с открытыми глазами и терпеливо ждала, пока сон возьмет её, но сон не брал и, как всегда, перебирала Василина по кусочкам свою жизнь, не сетуя на судьбу, с покорностью принимая всё, что судьба ей назначила, и выжимая из этого те крохи счастья, которые на её долю выпали. И получалось, так, что эта скудная доля хорошего заслоняла всё плохое, которого было в её жизни значительно больше.

Прошлое мешалось с настоящим.

Вдруг всплыло заросшее лицо батьки Кондрата Сидоровича, угрюмого и свирепого в трезвости, развеселого и щедрого до последней рубахи в пьяном виде мужика.

Батька вывалился из кабака и пьяно заорал:

– Эй, залётные!

И залетные, ватага деревенских ребятишек, приученных уже дурной Кондратовой причудой, «подавала» с гиком небольшие сани, в которые сами и впрягались, и шумно везла дядьку Кондрата на потеху деревне, возвещая:

– Галеевский царь едет!

«Галеевский царь» важно восседал в санях и царским жестом раздаривал конфеты и пряники, выгребая их из обширных карманов овчинного тулупа, и разбрасывал направо и налево.

Вспомнив тот стыд и страх, который они принимали за батьку, Василина горько улыбнулась.

Их дом стоял на пригорке, как-то особняком от деревни. Чтобы подняться к дому, нужно было спуститься в небольшой овражек и пройти по бревну через неширокий ручеёк. Невольно Василина снова улыбнулась: сколько раз пьяный батька возвращался с песнями домой, столько раз, оступившись, купался в этом ручье.

Овраг окружал дом с трех сторон; с четвертой стороны, за огородами, было поле, а сбоку, через овраг, сразу за берёзовой рощицей начинались леса. Брянские леса уходили в необозримую даль, закрывали горизонт, заполняли весь видимый простор.

В лес девки бегали по грибы и ягоды. Спускаясь в овраг, чтобы выйти к березняку на противоположной стороне, они шли протоптаной тропинкой среди зарослей папоротника, который особенно буйствовал у ручья.

От этого оврага тянуло подвальной сыростью, но он ласкал прохладой перегретые солнцем тела, и в летний зной был истинно райским уголком, тенистым от густых крон разросшихся клёнов с черными бархатными стволами, тонких сочных рябин и пышных, как купчихи, ракушек.

Папоротник. Он остался в сердце милой памятью и виделся как спутник детства, свидетель той далёкой жизни со всеми её тревогами и поворотами, которая пролетела мгновенным сном, и иногда ей казалось будто она в этой жизни посторонняя, будто волшебная птица Сымург взмахнула крылом, приоткрыв на миг простор чужой чьей-то жизни, и снова закрыла, завесив ночью и пустотой, словно перечеркнув всё, что было.

Папоротник часто снился ей во сне, а иногда тропинка через овраг вставала перед её полусонными глазами, как на яву, и она ясно видела сочную зелень па-

поротника, раздвигала его руками, шла через ручей и взбиралась по крутой тропе к березняку. Цветных снов Василина не видела, но папоротник ей снился всегда зелёным.

И снова всплыло вдруг лицо батьки, который сгинул в японскую, оставив трех девок и двух ребят на материных руках. Кормильцем стал старший брат Петр.

Комната вдруг осветилась ярким светом. Свет прополз от стенки к стенке, передвинул с места на место тени и пропал. Это машина развернулась во дворе и пробежала фарами по дому. Василина моргнула, защищаясь от неожиданной вспышки, но внезапно полыхнуло огнём и отсветы его, багровые и белые, заплясали перед её глазами – горел дом помещика Малахова, языки пламени жадно жрали дерево, потрескивали высушенные летним солнцепёком доски и лопались стёкла. Перепаханные сажеей ребяташки весело шныряли в толпе взрослых, звонко перекликались и лезли в самый огонь, по неразумению своему радуясь пожару точно празднику.

Мужики угрюмо смотрели на пылающий дом, зная, что добром это всё не кончится. Бабы овцами жались друг к другу, всем нутром чувствуя надвигающуюся беду. Кто-то заголосил, но голос оборвался, как током ударив по натянутым нервам. Даже босоногая ребятня вдруг уgomонилась, и тревожная тишина на какую-то минуту повисла над Галеевкой. Только искры рассыпались треском над головами, и шумело пламя над ещё не рухнувшей крышей.

Папоротник стал расплываться сплошной зеленью и тёмной завесой опустился на глаза, обрывая цепь воспоминаний.

Василина было задремала, но где-то над квартирой вдруг взорвалась музыка. И сразу стихла. Только в уши теперь назойливо полезла плясовая.

*Без тебя мой дорогой,
Без тебя мой милый.
Без тебя, хороший мой,
Белый свет постылый.*

Шумела свадьба. Гуляла деревня. Василина выходила замуж за Тимоху, работающего, но тоже бедного мужика, способного ко всякому, особенно к плотницкому делу.

*Ставь-ка, мама, самовар,
Золотые чашки,
Приведу я гостя к вам
В вышитой рубашке.*

Тимофей пришел жить к ним, и они стали потихоньку строиться на том же холме, рядом с родительским домом.

А через год, когда она родила первого, Федю, деревня опять пьяно плясала, только веселья уже не было. То тут, то там начинала биться в голос будущая вдова. Василине врезался в память пьяный Кирюха. Он ожесточенно бил пяткой, обутой в лапоть, в землю и. поводя руками по сторонам, как-то отчаянно осипшим голосом орал:

*Ты не лей по мне, Матрёна,
Слезы лишние –
На Ерманскую войну
Гонют тыщами.*

А в мутных глазах угадывалась тоска и дрожали слёзы.

Изба осталась недостроенной, и Василина часто заходила в свой новый дом, чтобы поплакать без свидетелей, ходила по изрубленным стружкам и молила Бога, чтобы отвёл смерть от Тимофея и брата Петра.

Раз в год на Яна Купалу папоротник цвёл. Если сорвать его ровно в полночь, то откроется клад. Об этом, замирая от страха, рассказывали полусёпотом подружки,

а раньше Василина слышала об этом от бабушки Фроси, когда собирались у неё на посиделки вечерами, и кто-нибудь заводил упоительно-жуткий разговор о нечистой силе. Говорили, что Васька Ермаков разбогател через цвет папоротника.

Тимоха пришел домой с простреленной ногой. Была задета кость, и нога долго не заживала. Так он и остался хромым. В непогоду нога донимала ноющей болью, словно кто водил по оголенной кости наждаком.

А Пётр с войны не вернулся.

Дети пошли один за другим. Сначала Марья, потом Алексей, Иван, Авдотья. Двенадцать человек. Дарья и Авдотья жили отдельно, своими семьями. При ней оставалось четверо: Антонина, Николай, Катя и Юрий, которого она звала Егором. Этих уберегла. Эти были младшие. И всю войну находились при ней, кроме Егора. Егор воевал и вернулся контуженный, но живой.

Четырех отдала фронту, а вернулся только один. Иван и Алексей погибли, один под Сталинградом, другой в чужой стороне, когда уже война шла к концу. На них она получила похоронки. А Пётр, первенец, любимый Тимофеев сын, пропал без вести. Но Василина всё надеялась и верила, что он жив и мыкает горе в плену. Ждала, пока шла война и потом ждала, что объявится. И сейчас в глубине души верила, что где-то на чужбине Пётр мается, тоскует по Галеевке, не может вернуться, потому что держит его что-то там, и не может он дать весточку, знак о себе. Грунюшку и Васятку унёс тиф. Нюра умерла от простуды. Это было давно, ещё до рождения Антонины, которой уж, считай, самой за пятьдесят будет.

Но у неё в живых осталось ещё шестеро детей. Четверо здесь. Марья, самая старшая, далеко, на Камчатке. Изредка приходит письмо на Антонину, где Марья спрашивает, жива ли ещё мать, и поклон передаёт. Авдотья, та живет в Запорожье. Тоже пишет, тоже про мать спрашивает.

Василина прикрыла глаза и зашевелила губами, зашептала: «Пресвятая Троице, помилуй нас; Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святый, посети и исцели немощи наша имене Твоего ради. Господи, помилуй».

Прочитав молитву, она забылась в тревожном сне, невольно вздрагивая и просыпаясь от каждого шороха...

На следующий день, в субботу, пока Николай спал, Зинаида собрала свою младшую, Анджелку и отправила в школу. Старшая, Алевтина училась во вторую смену и тоже ещё спала. Зинаида стала готовить завтрак. Часов в девять встал Николай, и Зинаида принялась тормошить Алевтину, которая, судя по открытому рту и сладкому посапыванию, спала крепко.

Бабка Василина уже поднялась и сидела в комнате на диване, ожидая, когда её позовут есть.

За столом Зинаида была не в меру оживлена, старалась угодить Василине и подсовывала ей лучшие куски, но та, казалось, этого не замечала. Она вообще к еде была равнодушна и ела мало, всё больше пила чай, да молоко.

Николай уткнулся в свою тарелку и, не поднимая глаз, с аппетитом уплетал картошку с колбасой, которую Зинка доставала через свою знакомую, буфетчицу Клаву. Зинка поняла, что Николай нужного разговора всё равно не начнет и решила это сделать сама.

– Мам, а мам, – весело позвала она. – Что если мы тебя свезём к Катьке? У неё поживёшь чуток.

Василина оставила кружку с чаем и хлопала подслеповатыми глазами, силясь вникнуть в слова невестки и понять, шутит она или что? Зинка доброжелательно вертелась возле неё и делала вид, что ничего особенного не случилось. Василина вопросительно посмотрела на сына, и тот, поёрзав на стуле и неловко откашливаясь, поддержал Зинку, будто решил.

– А чего? Поживи. У Нюрки тихо. Сколько уж у неё не была?

Василина молчала и словно чего-то ждала. Николай невольно отвел глаза и, обращаясь к Зинке, поспешно добавил:

– Надоест у Катьки, назад заберём.

Василина, ни слова не проронив, пошла в свой угол, где стояла её по-детски тощая железная кровать, на которой она часами неподвижно сидела, щевеля губами, занятая своими мыслями. Она вспомнила, что вчера вечером сын с невесткой в разговоре, обрывки которого до неё доносились из спальни, часто поминали её и теперь догадывалась, что невестка затеяла этот разговор, кончившийся для Василины неприятностью. Но на невестку за это не обижалась, понимала – мешает...

Когда Николай заглянул в детскую, где стояла кровать матери, он увидел, что мать собирает в узел свои вещи. На кровати лежал образ Николая Угодника, который стоял обычно на шифоньере, в углу, потому что Зинаида вешать икону на стену не разрешала.

На Анджелкином диванчике сидела Алевтина и, насупившись, следила за бабушкой. Она покусывала губы, чтобы не зареветь от жалости.

Николай, ничего не сказав, повернулся и пошел на кухню, где Зинка мыла посуду.

– Мать укладывается, – сказал он хмуро.

– Сейчас поедет, – не поняв его настроения, бросила Зинка.

– Вроде как-то не хорошо! – сморщился как от зубной боли Николай.

– А мне хорошо?

Зинка с силой бросила мокрую тряпку в мойку и в сердцах громыхнула кастрюлей. И вдруг тоненько закулила, загундосила:

– Тебе, черту, что? Пришел, пожрал и в свой гараж. Морду кверху в гайки уткнул и лежи. Паразит. Под своей машиной, как баба беспутная под мужиком, готов сутками пролёживать. А я дома с маткой твоей. Во все дырки нос суёт... И всё подкалывает, все с подковырками. Ну-ка попробуй. Это не так, и то не этак. Она же меня всю жизнь ненавидит. Я знаю... А я её должна терпеть? Накось вот, выкуси! – сунула она кукиш из гладких, толстых, как сардельки, пальцев к носу Николая.

Тот столбом стоял посреди кухни и хлопал глазами, даже не пытаясь остановить поток кипящих злобой слов распалённой Зинаиды.

Но когда Зинка сунула ему в нос кукиш, его лицо начало наливаться кровью и желваки от сильно стиснутых зубов заходили на скулах.

Зинаида спохватилась и, гася мужнину ярость, бросилась ему на грудь, с ошибочной женской интуицией мгновенно определив ту единственную манеру поведения, которая не даст разразиться скандалу, и разрыдалась.

– Ладно! Будет! Будет, – стал успокаивать её Николай и, снисходительно похлопав по боку, словно тёлку, отстранил от себя.

– Пойду выведу машину, – сказал он и пошёл к вешалке.

– Я ж не враг какой твоей матке, – всхлипывая, заговорила Зинаида. – Пусть хоть с месяц побудет у Нюрки. Дай мне-то передых.

Часам к одиннадцати собрались. Анджелку с собой брать не стали, и она, надув губы, пошла реветь в детскую.

Василину с узлом усадили на заднее сидение, и «Жигули» небесно-голубого цвета мягко покатали по асфальту.

Катерина жила в двухэтажном деревянном доме на втором этаже. Узел тащила Зинаида, а Николай вел мать по шатким ступенькам, поддерживая под руку.

На звонок никто не ответил, и Николай, пошарив под половиком, достал ключ и открыл дверь. Ждать Катерину не стали и, оставив Василину, уехали.

Осмотревшись и разобрав узел, Василина села на диван. Комната у Катерины была небольшая, но всё как у людей. И диван, и зеркало, и на полу красивые де-

рюжки. Шифоньер отделял диван от Катькиной кровати, которая стояла за дверным выступом, и получалось что-то вроде отдельной спальни. У Кольки, конечно, побогаче. Василина вспомнила вазу, которую приволокла Зинка и поставила в коридоре, в углу, возле комнаты, где она спала с Алевтиной. Когда проходишь мимо, она шатается и глухо звенит, будто грозит. Лишний раз из комнаты не высунешься, чтобы не зацепить, да не разбить. Глаза-то еле видят. А днём девку покормить надо. Маленькая всё ж, всё подать нужно. Как теперь будут?.. Да вертлявая очень девка-то. Так из рук всё и выбивает. А они, руки, и впрямь, что крюки. Вот и выходит, то тарелку, то стакан расшмакаешь. А Зинка, когда придёт к обеду, когда нет. Теперь, хошь не хошь, придётся ходить каждый день и Анжелку и Алевтинку кормить. Назовут же, прости Господи, басурманским именем. Батюшка и то крестить Анжелку под этим именем отказался. Дарьей нарёк.

Зазвонил звонок, и Василина с крёхтом стала подниматься с дивана. Пока она дошла до двери, звонок ещё позвонил два раза, сначала коротко и резко, словно бранился, потом нетерпеливо и требовательно.

– Господи, – переполюбожилась Василина и никак не могла справиться с замком.

– Мам, ты? – спросила Катерина из-за двери, и в голосе её было беспокойство.

– Я! Я это, Кать! – поспешила отозваться Василина.

– Ты крути ключ-то в другую сторону, вроде закрываешь. Он, замок, у нас наоборот поставлен, – объяснила Катерина. Замок, наконец, поддался, и дверь открылась.

– Ты как приехала-то? – спросила Катерина.

– Колька на машине привёз. Совсем я. Буду у тебя жить теперь.

– Как так?

– А так, что там ненужная стала. Мешаюсь я там.

– Ну, гад ползучий! Ну жлоб... – Катерина захлебнулась от возмущения. – А все Зинка, паразитка. Её это дело.

– Мам, ты что, лежала, что ли, на диване-то? – бросив взгляд на сбитое покрывало, обиженно сказала Катерина. – Хоть покрывало-то сняла бы.

Василина неловко сползла с насиженного места и устроилась на стуле. Катерина свернула и убрала покрывало в нижний ящик шифоньера.

Сожитель пришёл к ночи, когда Василина уже устроилась спать (Катерина постелила ей на диване), и всё вздыхала и ворочалась, приспособливая свои кости к новому месту. Он, по всему видно, был на сильном веселе, потому что фордыбачился, пытался петь, и на кухне что-то гремело и падало, а Катька всё уговаривала его и о чём-то просила. Потом Катерина вела его мимо Василины, придерживая за бок, а он старался идти на цыпочках, приложив палец к губам, будто приказывал себе не шуметь.

В Катькином углу какое-то время слышалась возня, предостерегающий Катькин шёпот и даже отпечатался звонкий шлепок по голому телу, потом всё стихло, и Василина услышала мерный храп.

«Тоже Бог счастья не дал, – подумала Василина. – Свой был мужик беспутный. Так от водки и сгорел. И это не мужик. А с другой стороны, как одной? Плохо без мужика-то в доме. Это она по себе знает. Тимофей умер, когда ей, слава Богу, за семьдесят уже было. А как тяжело без него приходилось. А Тимофею жить бы да жить. Все война, будь она проклята. В ключах сколько с коровой простаивал, от немцев прятал!.. От этого и помер.

Василина вздохнула, жалея дочку.

К вечеру, к Катину приходу, она наварила картошек и радовалась, что смогла хоть чем-то помочь дочери.

Ужинать сели вместе. Катерина достала огурцы и разогрела картошку.

За столом Катерина всё больше молчала и украдкой поглядывала на мать, словно что-то хотела сказать и не решалась.

– Мам, – сказала она, наконец, когда поели, и Катерина стала собирать со стола посуду. – Что, если я тебя отвезу к Тоньке? И, не ожидая ответа, заговорила торопливо, объясняя, почему так нужно:

– На время, пока Лёшку уговорю. Боится он тебя. Не хочу, говорит, с матерью. А то, говорит, решай сама, как знаешь.

Катерина посмотрела на мать. Та молчала, лицо её оставалось спокойным, и в глазах не было осуждения, но Катерине стало не по себе.

– Уйдёт ведь, – еле слышно сказала она, и в голосе её была боль и растерянность.

У Василины сердце сжалось от жалости, и она, как умела, успокоила:

– Неруш, дочка! Э-э! Мне хоть тут, хоть там – всё одно. Лишь бы крыша над головой, – соврала она. – А ему, оно, конечно. На любого доведись, ну-ка попробуй...

К Антонине ехали на автобусе. На поворотах Василину заводило в стороны, и она моталась на заднем сидении, заваливаясь то на один бок, то на другой. Узелок мешал ей держаться, но она не выпускала его и крепче прижимала к коленкам.

Встретили её хорошо. Усадили за стол, и зять Федор даже достал бутылку белого, которую почти один и выпил. В разговоре стали ругать Николая за мать.

– Это всё Зинка, подлюка. Она им, дураком, как хочет крутит, а он только бельмами ворочает, как баран дурной, – высказалась Антонина и свирепо глянула на Федора, который все подливал себе в рюмку.

– Этому лишь бы выжрать, – осадила она его мимоходом, скорее по привычке, чем по необходимости, и продолжила разговор с Катериной:

– Я ему, дундуку, покажу. Барин какой. И эта утка раскоряченная. Ну как ты думаешь? – раздраженно вдруг заговорила Антонина, обращаясь к Катерине. – У меня две девки. Опять же, Верка, племянница Федькина, у нас живет. Ни кола, ни двора. Замуж собирается, а где жить будут, ещё не известно. И куда я матку? – спросила она Катерину в упор. – Нет уж. Он, паразит, квартиру получил вместе с маткой. Погостить, пожалуйста!.. Мам, ты побудь денька два, я разве против? – живо повернулась она к Василине. – А завтра я к этим схожу.

И замолчала. Федька тяжело встал из-за стола и под ненавидящим взглядом Антонины, слегка пошатываясь, пошел в свою комнату.

– Господи, вот свинья-то, – не удержавшись, бросила она зло в спину мужу, но тот даже не огрызнулся.

Василина прихлёбывала чай из большой фаянсовой кружки, который пила по давней привычке вприкуску, макая сахар в чай. Она молча слушала, о чём говорила Антонина, и время от времени кивала головой, соглашаясь со всем, что та говорила.

Уложили Василину в зале на диван. Василина долго ворочалась и охала, пока нашла удобное положение, при котором боль в суставах не так беспокоила.

Уже засыпая, она вспомнила младшую сестру Дарью и пожалела её. Все сыновья её сложили головы, четыре сына, кровь и плоть её, на этой войне. От слез ослепла Дарья. А живет ещё. «Лет девяносто есть», – прикинула Василина. Недавно зять, Фёдор, Тонькин муж, в Галеевке был, весточку привез. «Ох-хо-хо, – подумала вдруг Василина, – долго живём, лишнее уже. И ноги не ходят, и руки не держат». И вспомнила, как вчера утром из рук у неё выскользнул стакан и разбился. Невестке она про стакан ничего не сказала, а собрала осколки и выбросила в мусор, затолкав поглубже.

– Теперь уж скоро Господь приберёт. И меня, и Дарью, – успокоила себя Василина и, закрыв глаза, задремала.

Утром Василина собрала свой узел, взяла клюку, без которой на улицу не выходила, и пешком отправилась к самому жалкому своему сыну, Егору. Этот не прогонит. Сам хворый, потому и понимает лучше других, что такое немощь. И душа у него Богу открыта, хоть и партийный.

У Егора Василина прожила недолго, хотя ей было там покойно. Невестка Клавдия к ней отнеслась по-доброму и не притесняла, но Егор часто болел, и Василина видела, что она живёт здесь обузой.

Она упростила Николая взять её назад, а когда Катеринин сожитель в очередной раз от неё ушел, её опять отвезли к Катерине.

Она плохо видела, из дома не выходила и всё больше неподвижно сидела на диване, на котором и спала. Катерина, уходя на работу, закрывала её на замок, и Антонина, изредка навещаясь, чтобы справиться о её здоровье, разговаривала с ней через дверь. Василина плакала и жаловалась на Николая, а Антонина ничем не могла помочь. Она жалела мать, но понимала и Катерину. Василине было за девяносто, и была она немощна, а поэтому неловка, часто била посуду, не всегда успевала дойти до туалета и оставляла за собой следы на полу. В комнате стоял нежилой дух, который никогда не выветривался. Свои притерпелись, а свежий человек с улицы долго в квартире не задерживался и под всяким предлогом спешил уйти. Василина и сама была себе не рада, видела, что зажила, просила у Бога смерти, вся высохла и неизвестно, в чём душа держалась, а жила и жила. Без пользы, без толку...

Померла Василина днём. И померла как-то буднично. Утром встала, выпила с дочкой Катериной чаю. Посидела по обыкновению на диване. Потом легла и затихла. Катерина даже не заметила, когда Василина померла. Позвала: «Мамк, что будешь обедать?» Не получив ответа, через некоторое время подошла разбудить, а мать холодная. Катерина зажала ладонью рот и тихо охнула: «Ой, да что же это!» и вдруг заскулила по-собачьи, запричитала и вместо своих обид на мать почувствовала внезапный стыд от того, что сама обижала её окриком, напрасной придижкой или выговором за пустяк. Уже и самой Катерине было за пятьдесят, и мыслью она свыклась, примирилась со скорой материной кончиной и, чего скрывать, в сердцах грешила иной раз в мыслях, желая скорой смерти Василены, — грелась, змеюкой свернувшись в душе, такая надежда, а теперь горе было неподдельное, и сердце разрывалось от безысходной тоски. И Катерина впадала в полубморочное состояние и плохо соображала, не зная, куда бежать и что делать дальше.

Обмывали и прибирали покойную старухи-соседки. У Василены лет пятнадцать как всё было на смерть собрано, и она при жизни любила перебирать и перекладывать единственное свое богатство: новое сатиновое платье, полотняную нижнюю рубаху, ситцевый платок, тюль, туфли, наволочку, ленту для рук и ног, чтобы не расходились – всё новое, ни разу не надёванное.

Теперь Василина тихо лежала в тюлевом гнезде, прямая и торжественная. На лице застыло безмятежное спокойствие и проваленный рот тронуло подобие улыбки, будто она, освободившись от мирской суеты, достигла, наконец, желаемого счастья. Глаза впали, и затенённые глазницы казались неестественно глубокими, заострившийся нос смотрел в потолок, а кости, обтянутые пергаментной кожей рук, лежали, сложенные на груди, и, выполняя последнюю работу, держали зажжённую тонкую свечу, которая сливалась с руками и, казалось, была восковым их продолжением,

Деньги на похороны собирали по частям. Сотню заняла Катерина, семьдесят рублей дала Антонина, сто дал Егор.

Сын, Николай, снял с книжки двести пятьдесят рублей, но был недоволен, ходил хмурый, молча сопел, гася раздражение, и всё же не вытерпел и выговорил сёстрам, упрекнул за то, что дали мало денег, а дома выплеснул обиду, жалуясь жене:

– Чурки, чёртовы! Когда ни коснись – всё денег нет. А на водку мужикам находят. Федька, тот вообще спился.

– Да почти каждый день захлёстывает, – поддакнула жена.

– Ну ладно Катерина, та с мужиком не расписана. Лёшка хочет придёт, хочет уйдёт. Считай, что одна. Эту жалко. А эта. Даром, что сёстры.... Николай устрой, Николай дай. Что я, обязан, что ли?

Антонину пощёлки брата задела за живое. Она пошла красными пятнами и злобно зашипела на Николая:

– Где я возьму? У меня три девки. И жрать, и одевать надо! Что мне, с неба рубли валятся? Сколько могла, столько и дала.

А Катерине сказала:

– Ничего не сделается. Пусть мощной потрясёт. Как сыр в масле катается. Сам по триста рублей получает, и Зинка в магазине работает.

Антонина промокала глаза платком. А Катерине при мёртвой матери разговор был неприятен, и она отмолчалась.

Николаю пришлось помотаться. Он заказывал гроб, торговался с могильщиками, ездил в магазин ритуальных услуг за венками, закупал водку и продукты. Его старшинство безоговорочно признавалось родственниками, он покрикивал на сестёр, готовивших поминальный ужин, распоряжался, с ним советовались по разным вопросам, связанным с похоронами и столом.

С кладбищем чуть было не вышла промашка. Хотели похоронить, как просила Василина, рядом с мужем Тимофеем на Крестительском кладбище. Но родственникам сразу отказали по той причине, что кладбище переполнено, а на памятнике мужу стерта надпись. Николай заметался. Бросился туда, сюда. В нотариальной конторе даже попытался делопроизводительнице сунуть четвертной, но та скосив глаза на сослуживицу за соседним столом, вдруг заорала ненормальным голосом:

– Как вы смеете? Да за это знаете что?... Уберите немедленно.

И, упиваясь своей честностью, вдруг надулась индюшкой и завертела ' головой во все стороны, словно проверяя реакцию на свой героический поступок, хотя в комнате, кроме одной сослуживицы, больше никого не было.

«Чтоб тебе пусто было», – ругнулся про себя Николай, поспешно пряча деньги в карман.

Сунулись на новое кладбище. У чёрта на куличках – это ладно. Так ни кустика ведь, ни деревца. И ровные, как кровати в солдатских казармах, ряды могил – без оград, одна в одну. «Как огурчики», – довольно хохотнул невесть откуда взявшийся могильщик. От него несло сивухой, свекольное лицо светилось неуместной весёлостью.

– Где будем копать, хозяин? – поинтересовался он и слегка качнулся.

Катерина заголосила впричет:

– Не будет ей, родненькой, тут покоя...

Николай и сам скис лимонно от этого какого-то не русского порядка.

– Чисто немцев хоронят каких. Да что мы, в самом деле-то, не русские что ли? Без ограды, без скамейки...

Полдня просидел в горисполкоме в очереди, и вышел, облегченно вздохнув, – добился. Надпись была в самом деле стёрта, но сохранился инвентарный номер, по нему нашли фамилию, а места рядом запас был: ограда стояла просторная.

Хоронили Василину с попом. Когда стали выносить из квартиры, Зинка ударила голосить. Бабки-соседки сразу подхватили её под руки, будто только того и ждали. Антонина с Катериной сдержанно шмыгали носами. Николай размазывал слёзы по щекам, и его некрасивое лицо становилось почти уродливым от оскала неровных зубов и обнажённых дёсен.

Рыжеволосый батюшка, отец Афанасий, с круглым брюшком, барабанно натягивавшим рясу, привычной скороговоркой в нос проговаривал заупокойную молитву, глотая при этом не только концы слов, но и целые слова, заволаживая, однако, красотой старославянского стиха: «Со святыми упокой, Христе, душу раба

Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная. Сам один еси Безсмертный, сотворивый и создавый человека, земнии убо от земли создахомся в землю тую где поидем, якоже повелел еси, Создавый мя, и рекий ми: яко земля еси, и в землю отъидеши, а може вси человецы поидем, надгробное рыдание творяще песнь: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя».

Ухоженное, сытое лицо его скучало от обыденности. Певчие, молодые женщины, все будто на одно лицо, слаженно подпевали в три голоса тонкими церковными голосами. Дело своё они знали туго, успевали деловито о чем-то перешептаться, пока свое гнусавил батюшка, и вовремя вступить в нужном месте.

Родственников и провожающих в церковь набилось неожиданно много. От легкого подвального холода плясали огоньки свечей, густо пахло ладаном, и святые угрюмо смотрели со стен на панихиду.

Регентша стала отбирать и гасить свечки. Певчие пропели три раза «аллилуйя», и установилась тишина.

– Попрощаемся с покойницей! – речитативом пропел батюшка, и было в его красивом баритоне что-то оперное.

– Сначала близкие.

Первым подошёл Николай. Он поцеловал мать в губы и не отошёл, а стал вдруг всматриваться в жёлтое лицо, стараясь запомнить каждую черту. Лицо его при этом мученически исказилось и опять, словно в судороге, застыло в уродливой гримасе.

Потом подошла Катерина, Она просто приложилась к губам покойницы, поправила тюль в головах и отошла с окаменевшим лицом.

Зинка с Антониной тоже целовали мать в губы и тоже вглядывались в неё, слезливо дергая веками.

Старухи смело прощались с покойницей, а молодые переминались с ноги на ногу, пропуская вперёд старших и чувствовали при этом неловкость.

– Бояться надо живых, а не мёртвых. Мертвого бояться нечего, душа к богу отлетела, а тело тлен, — свистящим шёпотом изрекла регентша. – В венчик целуйте, в венчик.

Недавно поверившая в Бога соседка Катерины Лиза бестолково хлопотала на показ батюшке, следя за тем, чтобы всё шло как нужно, по ритуалу. Она шепталась с регентшей, с бабками, что-то наказывала на ухо Николаю, наводила порядок.

Гроб вынесли и поставили на две табуретки. Стали выстраиваться с венками. Певчие, все уже с хозяйственными сумками в руках, нетерпеливо поглядывали на церковную дверь. Вышел батюшка с кадилом и молитвенником в руках. Он тихо распорядился относительно порядка шествия и дал знак трогаться. Сам стал во главе и пошел первый. Процессия растянулась цепочкой по дорожке кладбища. Время от времени батюшка по-лошадиному косил глазами назад, и тогда Катерина совала ему в руку рубль из наменная ради этого случай десятки. Батюшка ловко прятал рубль куда-то в складки рясы и ещё усерднее частил старославянскими словами.

Обходя грязь и выбирая места посуше, рассеялись по кладбищу и собрались, когда могильщики стали заколачивать гвозди в крышку гроба.

И тут Катерина заголосила навзрыд, стала причитать, размеренно выпевая сквозь рыдания приходившие в голову слова.

Слова все больше подчинялись ритму и завораживали белым правильным стихом. Озаренная каким-то диким вдохновением, Катерина впала в транс, и выплёскиваемые ею слова, казались бесовским наваждением и драли морозом по коже.

Зашлась в голос Антонина, выговаривая что-то бессвязное.

Старухи умиленно уговаривали с двух сторон Катерину. «Что это ты? Нешто можно так убиваться?... На все воля божья... Господь дал, господь взял...», – лебедями плавали елейные голоса.

Гроб опустили в могилу, бросили по горсти земли и стали закапывать. Катерина тяжело всхлипывала и, обессиленно уронив голову, висела на старухах. Родственники разбились группами и сдержанно переговаривались, чувствуя облегчение...

Лиза стала звать помянуть усопшую. Голос её был кроток и благочестив.

Водку разливали в гранёные стаканы. Фёдору налили полный стакан, он выпил до дна, и Антонина прошипела с раздражением:

– Дорвался?.. Не терпится?

Седой дедушка Митяй, сосед Антонины по квартире, укоризненно покачал головой и мягко сказал;

– Что ты это, дочка? Нехай помянет... Царство ей небесное.

Антонина промолчала...

С кладбища шли с лёгким сознанием исполненного долга, умиротворенные и доброжелательные не только друг к другу, но к человеческому вообще. Вблизи смерти невольно рождалось неосознанное чувство бренности своего существования, приходило смирение, а сердце очищалось от накипи и зла. Все земное и суетное казалось теперь маловажным и лишним.

ВАЛЕРИЙ ПРОТАСОВ

ДУША ХУДОЖНИКА

В смутном состоянии духа туманным весенним днём шёл он по городу. Улицы кипели народом, жидкая грязь летела из-под колес машин. На углу у здания почтамта чуть не столкнулся с бежавшей куда-то знакомой журналистской, сотрудницей одной из маленьких газет, которые возникали в последнее время, как грибы после дождя, и, как ни странно, долго не погибали. «Оно и хорошо для нашего брата, — думал он. — Не вся добыча большим акулам. Много не заработаешь, так хоть голос подашь».

— Вы что такой грустный? — спросила она.

— Да так.

— Всё в мыслях, в творчестве? К нам не заходите.

— Давно не печатаете.

— Как? Неделю назад дали ваше стихотворение. Всем очень понравилось.

— Да что вы? В каком номере?

Они зашли в редакцию. Покопавшись в кипе газет, нашли нужную. В ней он увидел своё стихотворение, одно из самых удачных за последнее время. Мир сразу расцвел, заговорил весёлыми голосами. И, улыбаясь, как будто случилось что-то из ряда вон выходящее, раскланиваясь и благодаря, он вылетел на улицу. И всё время по дороге домой был весел, игрив, останавливался возле лотков и книжных развалов, заговаривал с продавцами, даже купил какую-то мелочь.

Внешне счастливый, с улыбкой на лице, шёл он и по двору, но уже чувствовал усталость от этой вспышки радости. И был недоволен собой, своим мальчишеским легкомыслием, казался себе неискренним, наигранно весёлым. А очутившись в квартире, и вовсе ощутил что-то вроде тошноты, отвращения к той роли счастливца и весельчака, в которую незаметно впал. «И чему обрадовался? — спрашивал он себя. — Тиснули стишок, а уж ты так рад, так благодарен». Ему и в голову не при-

ходило, что душе так хотелось счастья, что и такой пустячок был ей как тёплый солнечный луч после хмари.

Дурное настроение всё нарастало. «Господи! И что мы за жалкие люди? — продолжал он растравлять душу. — Мелочи какой-нибудь, пылинке несостоящей радуемся. С нами по-человечески поговорят, мы уж на седьмом небе от счастья. И всю жизнь так. Вон дерево за окном качается. То стояло спокойно, ему и в мысли не приходило, что оно может метаться из стороны в сторону, как человек при большой опасности. А какая опасность? Сильный ветер — и только. Дереву не впервой, а вот волнуется, всполошилось от страха, места себе не находит. Так и мы. Мелки наши радости, мелки и беды. В крупных-то мы как раз молчаливы, а в мелких так раскудахтаемся... Дела на полушку, а шума на рубль. И сами чувствуем, что оно того не стоит, да, видно, минута такая нашла. Соскочила пружина — и пошло-поехало. Поскакали наши стрелки — не удержишь. И это не ложь, не притворство. Сбито в нас что-то, расстроено. Огорчат — нам и жизнь не мила, хоть обида яйца выеденного не стоит. Но сколько их, этих обид! И такая муть в душе поднимается, такая буча — просто буря на море, гибнет ладья. И опять — не ложь, не поза. Стонет в нас что-то помимо разума. А в словах? Иной раз такое несёшь и думаешь: зачем? Кто тебя за язык тянет? Какая выгода? Никакой. Бескорыстно вертятся крылья мельницы, толкут пыль, да воздух, да воду в ступе».

Мысли продолжали бежать прежней дорогой. Отчего такая чувствительность? Ведь не от князей же голубой крови ведёт он свой род. Но, может быть, именно поэтому. На князе броня титула, власти, уверенности многих поколений. А разночинец чем защищён? Кольчугой из собственных нервов. И сколько по ним ударов! Не все рождаются с воловьими жилами. Чем больше ударов, тем больше погибших клеток. Иной раз зуб заболит, жить не хочется.

— Что вы? — удивляются знакомые. — Из-за такой малости с жизнью готовы расстаться!

Да, малость. Но разве ложка дёгтя не портит бочку с мёдом? Всякая душа хочет не боли, а радости. Душа художника, особенно. Её ли вина, что она хрупка, как тростник, колеблемый ветром? Мыслящий тростник! Слаб человек даже в грубой силе своей. Растерян и жалок в свободе. Идёт по жизни с видом гордеца, а в душе страх. В наши дни даже больший, чем прежде. Жизнь тогда была похожа на клетку: она держала в неволе, она же и защищала от диких случайностей. И люди были проще. Добрее ли, кто знает? И литература была литературой и говорила, пусть не в полный голос, но не на языке помойки и лагеря. В ней было меньше жизненной правды? Но не всякая правда по силам душе человека. «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Правда чувства не была такой обнажённой. Зато как дорог был каждый его росток! И не было такой ненависти вокруг, как сейчас.

Он вспомнил недавно прочитанный роман о войне. В нём было много будничной правды, но не было надежды и сострадания к читателю. Автор собрал всё, чего наглоталась его душа. Воевать мы не умели, ни командира, ни солдаты; победили, завалив врагов трупами. Это называлось окопной правдой. «Что мне в такой правде? — спрашивал он себя. — Оставьте её историку. В каждой личной правде есть своя личная узость. Этого ли ищет в книге душа? Грязи, от которой и так некуда деться? И станет ли её меньше оттого, что она перейдёт в книгу? Всё это не значит, что раньше было лучше. С нами и тогда не считались, даже если кто-то и носил красный билет в кармане, был академиком или нобелевским лауреатом. Мы царствовали только в мире собственных фантазий. Там же кончалась и наша власть, и наша свобода. Но что изменилось для честных людей? Они никому не нужны и сейчас, сейчас даже меньше, чем раньше. И друзья их такое же дерьмо, только

пахнет сильнее. Тогда они боялись, что их посадят — и предавали. А теперь они дерьмо потому, что не могут быть другими».

Да, жалок человек, бежали в нём мысли. Но какие мысли и чувства рождаются иногда в этом жалком сосуде! Какая глубина смотрит из бездонного колодца! Счастье творчества доступно его душе. Ничтожно малая часть счастья, явленного и неявленного, которому ещё только предстоит родиться. Будущее! Каким-то оно будет?

И успокоиться бы надо человеку, не возмущать своими судорожными движениями остатки миропорядка, смысл которого постигнуть ему не дано. Не искажать и без того трепещущей картины. Не мучиться страхами о дне грядущем, «ибо у всякого дня свои заботы». И уж совсем смешно и мелко заботиться о том, «что скажет княгиня Марья Алексеевна».

Не смущайте же ещё не родившийся день, невинный, как дитя, тёмными тучами испуганной души. Может быть, великий и неразгаданный смысл смерти в том и состоит, что в ней, как в вечности, остановка, слово, сказанное Учителем суетливому и бестолковому ученику: «Довольно!» И в самом деле, спросите себя, когда я счастлив: в тревоге или покое? И каждый скажет: в покое. Блаженство покоя! Да отражается он чаще в наших душах, как в водах спокойного озера ясное небо.

Он вдруг вспомнил, как, выходя из редакции несколько дней назад, встретился с человеком, лицо которого, странно знакомое и одновременно отталкивающее чужое, было в едва запекшейся крови. Это, без сомненья, был писатель N. Они никогда не кланялись, но издали были знакомы. Писатель с деланным равнодушием отвёл глаза в сторону, всем своим видом показывая, что ему совершенно безразлично, что о нём подумает случайный знакомый. Они разошлись более чужие, чем летящие навстречу одна другой мухи.

Он вспомнил об этом почему-то именно сейчас, сидя в удобном кресле и читая книгу любимого автора, слово которого всегда целительно действовало на душу. Теперь же читалось почему-то с трудом. Возбуждённый мозг никак не мог успокоиться. Затянутыми казались периоды, навязчивой — изобразительность. Во всём было слишком много блеска, чувственности. Тон казался излишне восторженным, мысли и образы — узнаваемыми, хотя читал он совершенно незнакомый рассказ. Этому-то мэтру усиленно подражал встреченный им прозаик N. Полудетская ученическая подражательность всегда вызывала в знатоках чувство плохо скрытого презрения. А ведь и у него, этого внушающего презрение писаки, часто пьяного, битого, была своя высокая, может быть, бескорыстная мечта — писать так же хорошо, как и его кумир. Конечно, вечный ученик никогда не будет выше своего учителя, не будет даже равным ему. Но Бог с ним, пусть кропает. Каждому свое.

Он вернулся к книге. Всё то, о чем в ней говорилось, давно исчезло, как исчезла и та Россия, в которую так зачарованной всматривался мастер. Все они тогда разгадывали тайну «загадочной русской души», будучи уже близки к её разрешению, но страшась и не желая верить в проступавшее и сбывавшееся пророчество. Но если бы не такие книги с их торжественно-меланхолической поэзией влюбленности в жизнь, уже тогда веявшую обреченностью, то через сто, даже через пятьдесят лет никто бы и понятия не имел о том, чем жили иные времена и народы, что любили, к чему стремились, отчего страдали. И каким изысканно-праздничным языком говорили об этом! Всё это будет читаться, да и теперь уже читается с тем чувством, с каким входил в прохладные, чистые залы музея, сохраняющего следы давно прожитых жизней, отблеск когда-то сиявшего огня. Говорят, музеи — кладбище жизни; они консервативны, безнадежно отстают от современности. Как же иначе? Они и должны отставать, потому что хранят прошлую жизнь. Всякое воспоминание — уже отставание, не кладбище, а живой сгусток жизни, её огонь, доверенный вечности, спасённый от исчезновения. И неужели этот огонь так ярок потому, что в нём горит только эгоизм чувств? Похоже, что так.

Вот тот художник, о котором шла речь! Во всех своих лирических излияниях он пронзительно, до боли исповедовался в своей любви к жизни, к её мучениям и радостям. И у всех так, выражающих себя пером, кистью или смычком. И всё это передается от создателя к читателю и слушателю с большей или меньшей силой таланта.

Неужели источник всего высокого и прекрасного — в той силе эгоизма, которую мы называем любовью к жизни? Отчего же тогда, сами не сознавая этого, скорбим мы о человеке, не только не близком нам, но даже враждебном, с гробом которого не хотим даже проститься? Мы должны были бы испытывать чувство мстительной радости (и испытываем). И вдруг через какое-то время, когда для многих, в том числе и для друзей покойного, всё уже кончилось, испытываем такой укол жалости, скорби, какого и не могли ожидать от себя. Что это? Тоже эгоизм? Или чувство неизмеримо более глубокое и сложное, связи живого со всем живым, боли не за себя, а за жизнь вообще? Покойный жил рядом с нами, касался нас плечом, иногда намеренно и больно задевая, и все же принадлежал к той цепи, в которую впаяно и наше кольцо. Каждый из нас — только частица огромного, непостижимого целого, в котором есть место и вражде, и прощению, и ненависти, и любви. Пусть это эгоизм, но уже вселенского масштаба, что, впрочем, не меняет его природы...

Тишина ночи давно окутала дом, улицу. Он лег в постель, надеясь уснуть. Но спал плохо и встал с головной болью и чувством отвращения к жизни. И только приняв таблетку аспирина и выпив крепкого чая, понемногу стал приходить в себя. Потом и вовсе вздохнул по-другому. Попутешествовал по квартире, остановился перед занавешенным окном в кухне и отдернул тяжёлую штору. Ослепительное весеннее солнце ещё сильнее, чем накануне, сияло за окном, обливая золотым огнём стены высоких домов напротив. Осевший побуревший снег едва скрывал проступившую черноту земли. В саду носилась большая темношерстная овчарка с жёлтым подгрудком. Хозяин стол неподалеку, неподвижный, точно изваяние, зачарованное игрой зверя. Асфальтовые дорожки сверкали мокрым серебром. Трасса для автомашин частью темнела влагой, частью выступала сухими пятнами.

Великолепие происходящих за окном перемен медленно вливалось в душу, но ещё не отзывалось таинством слов. Душа была закрыта, ослеплена памятью недавней смуты. Но тайные чары уже проникали в её клетки, вливаясь в кровь, складываясь в пока ещё не слышные созвучия, в обретавшие плоть образы. Уже можно было уловить две-три фразы, вполне достаточные для начала рассказа. Клубок слов начинал медленно разматываться. А когда эта работа идёт, за шумом прялки уже не слышно других звуков. Реальность переживаемого сильнее и несомненное пушечного грома. Вот почему музы не умолкают и на войне.

— С возрастом писать труднее и труднее, — слышал он не раз. — Свежесть чувств уходит. Надо подстёгивать мозг.

«Неправда. Всему своё время, — не соглашался он. — Сил становится меньше — вот и всё. Вдохновение меняет характер: меньше бурного ветра, огня, разрушающего клетки, но больше тепла и света. Настоящее творчество — не каторга, а труд в райском саду, где сам Господь возделывает свой сад и определяет и нам дневной урок. В этом саду не замечаешь времени, легко обходишься без пищи, подолгу без воды. Да благословенна милость Божья, дарующая нам эти мгновенья! Несказанно радостны они. Иногда и тягостны. Недаром одаренные благодатью люди в пастушеской простоте своей молили: «Отыди от мене, Господи, ибо тяжела близость Твоя». И, снисходя к немощи человеческой, отходил Господь. Иные прятались, другие говорили: «Вот я, Господи!» Несказанно блаженна и страшна участь такого избранника. Так и в наше время иные просят духа Господня и вздыхают от тяжести его».

Просил и наш художник, томясь от оставленности, а получая дуновение божье, испытывал блаженство и муки. Но и в муках были сладки глаголы Его. Все, может

быть, и не самые большие жертвы, уже принял Господь, и теперь чрезмерно крупных тягот не возлагал на художника. Окончив труд, мастер благодарил и гордился сотворённым, помня, что творил не от себя. Он давно понял, что слаще просить и получать, чем вымучивать или похищать насильно.

Вот и теперь он плыл в водах райской реки, качаясь на водах её. И молил об одном: чтобы и завтра не прекращалось её течение. Счастье ли это? Наверное. Счастье сесть в лодку и плыть вдоль цветущих берегов, где в зарослях поют птицы, выбегают из чащи звери и приникают к воде. Счастье — плыть по этой реке, скользить все дальше и дальше, вдыхая чистый воздух, вглядываясь в небо не в предчувствии бурь, а лишь ради прелести всех красок лазури. И, если плывёшь, ведомый духом счастья, то и пристанешь в хорошее место. Дух благости не заведёт в плохое.

«Об одном прошу я Того, кто ведаёт моей судьбой и без чьей воли ни один волос не упадёт с головы моей, — писал он, заканчивая свои заметки, — об одном прошу: не лишать меня милости плыть по этой реке и в назначенный час пристать к указанному месту. Благодарю за всё, чем одарил меня любящий Отец, за всё, что я умею и знаю, что делает меня счастливым ещё здесь, на земле. Может быть, кто-то наученный моим опытом, тоже отыщет свою реку и пустит в её воды свой челн. И, если мы встретимся там, на этой реке, нам не будет тесно, «ибо много обитателей в доме Отца моего». Мы встретимся и хорошо поговорим, как никогда не говорили раньше. Или просто помолчим, радуясь, что жили не зря и приплыли в иную, лучшую страну. И тот, с разбитым лицом, и те, у кого в крови душа, мы встретимся такими, какими когда-то пришли в этот мир, и, может быть, даже более чистыми и лучшими».

ВЛАДИМИР САМАРИН

НЕПРОЩЁННЫЙ

День убывал, а с ним укорачивались вечерние разговоры на облысевшей дубовой лесине, привезённой в незапамятные времена к дому валяльщика Лузгина. В утренние и дневные часы возможности для посиделок не было. После заводских гудков, извещавших окончание рабочей смены, люди не растекались по улицам-переулкам, а вполне организованными группами шли на выемку кирпича из развалин многоэтажек, на расчистку улиц, которые после несчётных бомбёжек совсем перепутались между собой, и только старики-почтальоны могли помочь вернувшимся из эвакуации отыскать родное пепелище.

Раньше других на стволе дуба занимала место многодетная Надежда Серафимовна Степанова, по-уличному – Степаниха. После войны её называли Степанихой Счастливой: под своим худым подолом она сберегла в оккупацию восьмерых детей, а главное – из партизанского края, получив второе ранение, был отпущен домой муж Степанихи – Иван Михайлович. В медицинских целях лесной хирург удалил ему левый глаз, но слободские бабы считали, что в остальном Михалыч прибыл «в полном комплекте».

Разговор на дубу всегда начинался с новостей о мужиках. Хотя в побитых осколками бомб домах было зверски холодно и голодно.

Первой в этот раз заговорила Нина Кирдеева, прядильщица трикотажной артели. Из-за чашечки лифчика она извлекла сложенное в треугольник письмо.

– Прочту, пока совсем тёмно не стало...

Бабы, как вороны по жёрдочке, придвинулись с обеих сторон к самой юной в околотке солдатке.

«Пишу тебе Ниночка с большого города Будапешта, – сообщалось в письме, – долго не решался. Ведь мне после горения в танке ногу отняли. Думал приду на костылях тебе не нужный такой. А вспомни Ниночка денёчки и вечерки наши. Как у соседей Мезенцевых потолок шукатурили, я тебя с лесов снимал, груди твои об себя обжимал. А ты тогда...»

– Ну дальше он всякие глупости про меня пишет...

– Читай-читай! Про любовь не таи! – настаивал кто-то из баб.

Нина не решилась, не поддалась:

– Тут самое сердечное... нельзя вслух. Да и читать уже трудно – сумерки.

Все остальные тоже поняли, что надо спешить домой, пока ещё видны на улицах воронки и таблички минёров.

Светланка разбудила Лиду среди ночи – словно холодная лягушка прыгнула на низ живота.

– Мамочка! Мне немец снился – он у Буяна косточку отнял. А если в дом придёт?

– Спи, моя умница... Спи... – будто испугавшись чего-то, прошептала Лида.

Дочка прижалась к горячему мамкину животу, а прохладную ладошку просунула между её ног. Мама вздрогнула от неожиданной ласки, а потом долго лежала чуть дыша и никак не могла возвратиться в сон.

Любящей женщине трудно было представить, как где-то на задворках Украины зарыли в землю её горячее счастье. Всегда только живым вставал в воспоминаниях Павел, Павлуша. С нежными, но сильными руками, с розовостью милых губ и пронзительно-чувственными глазами. Она не хотела даже слышать запах другого мужчины; до отказа распиравшая её тело жажда ласк за шесть лет военной службы мужа не была облегчена и каплей нежности.

Посмертную верность мужу Лида могла нарушить только с одним человеком. В первый раз в доме Русаковых Иван Иванович появился в серой солдатской шинели. Зашёл проститься с Лидиным отцом перед отправкой на германский фронт в 1915 году. За столом с прощальным обедом он практически не сидел. Вывел трёхлетнюю Лиду в сад, плёл ей венки. И всё носил на руках. На землю опускал лишь тогда, когда хотел свернуть сигарку с домашним вкусно пахнущим табаком. Считай с пелёнок до набухания девичьей груди нянчил и пестовал Иван Иванович Лидочку. А потом заглянула в его судьбу женщина-волшебница. Околдовала, заласкала, приручила. Ивану Ивановичу разрешалось теперь дарить Лидочке только улыбку.

После замужества лучшие Лидины представления о настоящем мужчине проявились в Павлике. Ему отдала всё, что могли дать тело и душа. Похоронка покрыла мраком воспоминания. Лида старалась не будоражить их. Когда вернулась из эвакуации, не слишком горевала по разрушенному дому: ей со Светланкой хватало тёплого угла на квартире у бабушки-знахарки. На полученную за гибель мужа ссуду неспеша строила дом. После работы отправлялась в госпиталь на добровольное ночное дежурство у постелей тяжелораненых.

В плачущий беспрерывными дождями осенний день старший фельдшер Милонов освободил Лиду от ночной вахты:

– Пусть нет у вас выходных дней, зато будет хоть одна выходная ночь...

Рано возвратившись домой и уложив Светланку в качалку-колыбель, Лида сменила халат на рубашку из байки; не легла, а упала всей усталостью на неразобранную постель.

Встрепенулась от сна из-за стука в окно. Давно никто не стучался к ней так. Лида не могла увидеть гостя в осенней тьме, но чутко ощутила приближение сердечной перемены, чуда. Позабыв набросить халат, светлой тенью метнулась в холодные сени. Дрожащие пальцы с трудом выдвинули тяжёлую стальную щеколду, запиравшую входную дверь. Полночный гость в одно мгновение сбросил с плеч брезентовую куртку и легко подхватил Лиду на руки. Она поняла, что не ошиблась в предчувствии: такими нежными и сильными могли быть руки только одного человека.

– Иван Иванович... – пролепетала беззвучно. Обняла. В виски бурно застучала кровь..

Когда Лида заснула, Иван Иванович выложил из брезентовой сумки завернутый в газету кусок сала, определил его в авоську и повесил за окно. На столе оставил сторублёвку – половину аванса за октябрь. Вышел на крыльцо, глубоко втянул ноздрями пряный запах высохших листьев – почувствовал как в ослабевшие мышцы возвращается свежая кровь.

До Тайного добрался через полтора часа, Оку пересёк не кружным путём по Каменному мосту, а напрямик, вброд. Связанную в узел одежду пристроил поверх головы.

Ночная вода ещё не потеряла своей теплоты и нежно омывала тело. Острая галька под ступнями бодрила, отгоняла сон. Радостно вспомнились слова из старой церковной книги: «Прошёл по воде аки по суху».

Выбравшись на противоположный берег, Иван Иванович заметил, что взял много влево – под лунным светом обрисовались на фоне серого неба воздетые на колья обнищавшего плетня кубаны. Течение понудило приблизиться ко двору Кати-молочницы.

На ветру влажная кожа вмиг покрылась пупырышками от озноба. Не согревали даже сухие рубаха и порты. Пришла мысль – погреться у Кати хоть не вином, но чаем.

Дом молодницы безутешно разделял с хозяйкой её одиночество. От несбывшихся надежд обвисли створки ставень, с камышовой крыши сползли чуть не до земли несколько снопов. Перекладины плетня пошли на топку в две военных зимы. Теперь подступала третья...

Под немцем

Ближе к Рождеству стало плохо с кормами. Для немецких лошадей полицаи выгребли из овинов и полевых участков все запасы сена. Чтобы спасти корову Милку, Катя собралась на разговор к старшине Коновалову.

– Ты как у гости наряжаишься... – выговаривала мать, – А Коновал-то тебе не простить: почему яму не ондалась. Мотри, кабы с дому нас не утнали...

Катя с матерью не спорила, но продолжала своё: повыше подтянула лифчиком груди, обломочком угля почернила брови.

С Иваном Ивановичем столкнулась у коноваловской калитки.

– Ты эт куда? – голос его прозвучал жёстко и сухо.

– Сенца хочу попросить. Без яво Милка молоко бросить давать.

Иван Иванович плечом отжал Катю от калитки. Получилось в грудь. Она закраснелась и прошептала: «Не пойду к Коновалу... Но ты хоть иногда приходи за молоком.»

В словах Кати Иван Иванович расслышал сердечную просьбу. Но к Чудиновым отправился лишь тогда, когда парное молоко потребовалось для лечения дочери Настеньки: день ото дня у неё всё больше распухало горло, словно невидимая петля сдавливала дыхание.

Катя увидела озабоченно приклонённую фигуру Ивана Ивановича из окна, накинув поверх груди концы теплой вязаной шали, вышла на крыльцо встречать гостя.

– Прости меня, барышня-боярышня! – Иван Иванович снял с головы заметно облысевшую шапку-кубанку, – Всё не получалось заглянуть к тебе. Этим, наверное, и беду накликать: дочка Настенька от распухания горла задыхается... Парное молоко, говорят...

– Да вы в избу-то проходите, Иван Иванович! – Катя растворила настежь дверь: из нутра сеней ударила в лицо гостю волна благодатного тепла. Ивану Ивановичу почудилось, что его приходу обрадовалась и горница: мягкий свет из окон выделял, рельефно вырисовывал в пространстве два начала жизни человека – оправленную в серебро божницу с негасимой лампадой в красном углу, а напротив – белейшее и чистейшее ложе отдыха, наслаждения и надежд.

С комода радостно прыгнул навстречу Ивану Ивановичу серый кот с добрыми глазами.

Катя выловила рогачом из печи чугунок с тушёной фасолью и картошкой, принялась расставлять на столе мисочки с домашним соленьем. Потом усадила Ивана Ивановича за чисто выскобленный стол. Широкие концы вышитого полотенца, обрамляющего икону Божией Матери, словно обнимали его за плечи.

– Вы питайтесь... – голос Кати дрожал радостной растерянностью. – Жаль, молочком не расстарайшиси – увёл Коновалов Милку в немецкую бойню за мой отказ...

– Присядь сюда... – Иван Иванович подвинулся, давая место Кате, а когда она боязливо присела рядом, положил руку на её упругости ниже талии.

Катя тихо спросила:

– Помните, как после Петрова дня крылечко мне поправляли?

– И ведь хорошо сделал! – Иван Иванович из-под чёрно-седых усов блеснул улыбкой.

– Хо-ро-шо... – повторила нараспев Катя, – Для женщины вы всё сладко делаете... – Она спустила с плеча рубаху, чёрствую ладонь гостя прижала к горячей груди.

– От тебя, милый, будет ребёночек... Видишь – уже молочко потекло. Распирает до невозможности. Ты поможешь?

Губы мужские, горячие, крепкие обволокли один из сосцов. Катя задышала громко, мощно. К ощущению облегчения с каждой минутой добавлялась жажда любви. Иван Иванович чувствовал, как от возрастающей в женщине силы желания то замирает, то выбрасывает струю истекающая молоком грудь. Кате от сладости хотелось вольно кричать. Как на лёгких крыльях подняло её, силы небесные вознесли так высоко, что она испугалась. С трудом разлепила спекшиеся губы и прошептала:

– Вот вам и молочко... Настеньке теперь я целый литр нацēju.

Она замолчала, чтобы ярче ощутить как мужская ласка проникает во все закоулки тела; в сладком забытии поглощала извергавшееся в неё семя и сама извергала из себя горячий нектар любви.

... Цепь сладострастных видений оборвалась от лёгкого толчка в колено. Тёплое, мохнатое вертелось под ногами, радостно поскуливало. Когда холодный собачий нос отыскал в одежде Ивана Ивановича запах незнакомой женщины, Лаврик сердито зачихал.

– Всё ты знаешь про меня! – Иван Иванович ласково потрепал собаку по шее и груди. – Но тайну хранишь... Зачем встречать меня вздумал? Соскучился или Аня приказала?

Иван Иванович с улыбкой вспомнил, как при одном из его свиданий с Катей-молочницей Лаврик нашёл хозяина по следу и при всём честном народе стал облаивать Катин дом охрипшим от возмущения басом.

Поспать Ивану Ивановичу удалось не больше часа. Едва забрезжил рассвет, когда к палисаднику Карповых подкатил дожд. Рядом с шофёром пассажир выглядел белой вороной, это подчёркивало его одеяние – от галифе до белой «дворянской» фуражки. Дорожная пыль, конечно, припорошила начальнический блеск, но Анна Николаевна определила принадлежность незваного гостя к райкомовской или исполкомовской службе: шею он поворачивал медленно и с места не двигался в ожидании служащих. Анна Николаевна встречать не поспешила. Сделал это Лаврик. Он вдумчиво обнюхал сапоги начальника, для приличия покрутил хвостом, но посчитал нужным прилечь поперёк дороги к дому. Путь освободил, когда хозяин вышел из калитки.

– Здравствуй, Карпов! Я по твою душу. С немцами разделились, а теперь с вами забот не оберёшься. Вообще-то я за бригадиром Удалёвым приехал – медаль за победу ему будем вручать. Вот такую...

Человек в белом коснулся левой стороны груди, где под оранжево-чёрной планкой сверкал ещё не потускневшим серебром кружок медали.

– Тебя в райком доставлю по другой линии. Есть должок перед партией, если помнишь. В Орёл тебя с Володарки не повезут... Товарищ из обкома всё разъяснит.

Анна Николаевна собрала мужу тормозок на дорогу, доверху наполнила само-садом кисет. Лаврик на прощание лизнул Ивана Ивановича в нос.

– Работаю я сегодня во вторую смену... – известил супругу Иван Иванович. – С Орла не приеду.

Он устроился на поперечной скамье полукузова и ещё долго смотрел на постепенно тающую у околицы деревни фигурку Анны Николаевны. Но когда выехали на грунтовый тракт, за плотным облаком пыли исчезли из вида не только строения Тайного, но и придорожный лес и ветряная мельница у Гонючего городища.

Под немцем

Полиции с белыми повязками на рукавах появились в Гонючем и Тайном незвано-непрощено: свои деревенские служить немцам не пошли. Пришлось старосте Коновалову повторять то, что делали при устройстве колхозов: назначать в начальство трудовой общины выскочек из хамов, потомков дворовых холопов. Хамские селения подобно трутовикам облепляли починки, хутора, деревни однодворцев со всех сторон.

Коновалов хамскую повязку не носил, но любил поорать на людей, а то и рукам волю давал. Всё твердил деревенским: «Тут для вас я главный!».

Увидев поутру спускавшегося к реке Ивана Ивановича, Коновалов перехватил его у брода.

– Ты вот в город собрался, а почему меня не предупредил? Цель твою мне полагается знать...

– Сдаваться немцам иду... – Иван Иванович переложил суковатую дорожную палку из левой руки в правую. Коновалову это явно не понравилось:

– А разве тебя не выгнали из большевиков?

– Не до конца. Обком утвердить не успел. Числюсь пока коммунистом, но не знаю кому сегодня взносы платить... Может тебе?

– Ты улыбочки свои прибереги, Тёмный... – с лица Коновалова сошла кровь, – В гестапо с тобой по-другому разговаривать будут. Разве не знаешь, зачем собирают вас?

Иван Иванович скрутил сигарку, – Коновалова угощать табаком не стал. Пока курил, пристально щурился на противоположный берег, словно там можно было найти ответ на коноваловский вопрос. В голове крутилось одно: «Я не желаю от них прятаться!»

– Прощевай, Тёмный! – Коновалов выплюнул сквозь зубы слюну. Когда Иван Иванович двинулся через каменную запруду, староста посчитал, что видит его в последний раз – из гостивших в гестапо ещё никто не возвращался.

Бригадира Удалёва дома не застали. Жил он в Вязках, по другую сторону Оки. Пришедшие поудить на зорьке рыбу вязковские пацаны сообщили, что Лёху Жмыха (клички в орловских деревнях давали весьма соответствующие персоне) забрал «чёрный ворон».

– Не ворон, а машина органов, – поправил ребят райкомовский представитель. – Начальник милиции опередил нас...

Ивану Ивановичу пояснил:

– Измалков – член бюро райкома, устроит тебе горячую взбучку!

Иван Иванович промолчал, хотя почувствовал, как защемило сердце и перехватило дух, «Неужели всплыла история с хищением сала? Люди-то в обкоме все новые, а протоколы собрания первичной, заседаний райкома и горкома были сделаны в срок первом как настоящие – на бланках, с подписями... – крутанулось в голове Карпова. – Но я же посылал в райком разъяснение с просьбой восстановить в партии!»

За размышлениями не заметил, как по правую сторону дороги промелькнул домик Лиды. Зато на редкую для окраины легковую машину обратили внимание многие жители Бабьей слободы. Спустя минуту после проезда машины Степаниха прокричала через улицу:

– Лида! Не твою ли повезли? Грамоту, наверно, в честь Октябрьской дадут...

Лида из-за плетня только рукой махнула. Знала, что награждений от власти Иван Иванович всю жизнь не получал. Благодарили его люди бедные, сироты. И женщины, конечно...

К супруге Ивана Ивановича Лида не ревновала: венчаная жена, под Богом вместе ходят. Не завидовала и другим женщинам, дарившим свои чувства Ивану Ивановичу. Расставания с любимым становились для них бедой, словно судьба отбирала у жизни доброту и ласку.

С крылечка в палисадник скатилась Светланка. Весело запищала:

– Мам, я косу сама заплела, и кашу вчерашнюю доела. Хлебушко сегодня нам не нужен – морковки в огороде невырытой набрала.

Светланка прижалась всем телом к маминым ногам, а лицо приподняла и таинственно зашептала:

– Ночью ко мне сон хороший приходил – Иван Иванович. Вы с ним шептались, целовались... А когда Иван Иванович не во сне, а взаправду ушёл, ты заплакала. Почему, мам?

– Потому что он ушёл...

Лида поворошила Светланкины волосы – ей это всегда помогало успокоить нервы. Но сегодня ничего не получалось: в пассажире, сидевшем рядом с водителем, она узнала районного прокурора.

В трёх километрах от райцентра прокурор высадил Ивана Ивановича. Объяснил коротко:

– Советская власть не такси для нарушителей закона. Пешком доберёшься! К восьми часам должен как штык...

Искромсанное гусеницами танков и самоходок шоссе тянулось параллельно железнодорожному пути, и поскольку время позволяло, Иван Иванович решил зайти перекурить к обходчику Костомарову.

Илья Сергеевич был на рыбалке, зато Лена, жена его, обрадовалась появлению приятеля мужа.

– Сейчас сообразим чаёк. Побалуемся сладким! – глаза женщины радостно-суматошно заметались. Иван Иванович смутился и, комкая слова, с трудом выговорил:

– Я щас не могу, Лена... Дай разве водички попить...

Лену Иван Иванович не осуждал. Знал, как горько сложилось из-за войны её житие. Единственный сын погиб на границе в сорок первом, а в сорок четвёртом из-под Белграда отпустили домой Илью. Иссохшее в гореваниях по мужикам бабы станции Оптухи завидовали ей. Не знали, что в одном из уличных боёв в центре югославской столицы старший сержант зацепил ногой противопехотную мину, и вырвало из тела удалого бойца всё содержимое паха.

Лена безутешно томила, плакала по ночам, насыщая слезами подушку. Илья Сергеевич стеснялся укладываться рядом с женой: зимой спал на лавке под иконами, а в тёплое время на помосте у противопожарного щита.

Лена редко, малюсенькими кусочками уворовывала для себя счастье. С Иваном Ивановичем сблизилась тихо, робко. Чтобы не разбить друзей, она при появлении Карпова уходила на дальний огород или к соседке-стрелочнице. Мучала себя несбыточными ожиданиями-мечтами...

– Ты почему только сегодня пришёл? – выдохнула Лена.

– По пути случилось. С Ильёй покурить хотел...

– А к чьему сердцу дорожку топтал?

– Меня нынче из партии выгонят. Не больше часа осталось. Ты уж Илье разъясни – что и почему. Секрет этот знаешь...

– Убьют тебя, расстреляют... – заголосила Лена, – Уезжай к Федьке двоюродному в Сибирь...

– Успокойся! – Иван Иванович блеснул улыбкой из-под усов, – Во-первых, за три килограмма сала у нас не расстреливают. Во-вторых, война многое показала и открыла...

В райкоме скопилось десятка три людей, вызванных по разным вопросам на заседание бюро. Ивану Ивановичу сидячего места не досталось, и он своей жилистой саженью подпирал дверной косяк приёмной. Удобным было лишь то, что курить можно не выходя в коридор.

Часа два прошло, прежде чем из обитой дерматином двери высунулась голова Измалкова:

– Заходи!

В кабинете секретаря за придвинутыми друг к другу столами сидели люди, совершенно не знакомые Ивану Ивановичу; он даже обрадовался, когда обнаружил среди них директора школы довоенной поры.

– Слушается вопрос повестки дня о решении комиссии обкома ВКП(б) по рассмотрению...

Слова представителя из Орла неколебимо подкрепляли друг друга своей обстоятельностью. Ничто не могло внести в их суть хоть какое-то сомнение. Из порядка и характера подачи информации Иван Иванович быстро определил, какая точка будет поставлена в заключение речи.

Обкомовец зачитал проект постановления об утверждении решения первичной парторганизации, райкома и горкома по исключению из рядов партии рабочего мясокомбината Карпова.

– Вопросы есть? – упреждающе-строго прозвучал голос секретаря райкома.

– Да, конечно... – Иван Иванович, как от озноба, передёрнул плечами. – Этот документ уже окончательный и подпись имеется?

– Как юрист уверяю вас, – усмехнулся прокурор, – что никакому обжалованию он не подлежит. И подпись на месте.

Из материалов персонального дела

Характеристика

гр-на д. Гонючее Плещеевского с/с Володарского района Карпова Ивана Ивановича

Тов. Карпов Ив. Ив. известен первичной парторганизации с хорошей стороны: человек честный, прямой, исполнительный при работе, дисциплинированный, требовательный, прежде всего – к себе, а потом к своим товарищам по совместной работе, беспрекословно подчиняющийся законным требованиям при исполнении своих гражданских обязанностей.

Во время немецкой оккупации эвакуироваться не имел физической возможности по болезни желудка. По свидетельству его односельчан во время оккупации вёл себя, как надлежит советскому патриоту: не заискивал перед оккупантами, не лицемерил перед урядником и старшиной; с местным старостой Коноваловым, своим соседом, убитым снарядом во время бегства оккупантов, часто вступал в словопрения, критикуя его вредные для населения действия. За всё это у него была отнята корова. Всем распоряжениям оккупантов старался противодействовать, если не открыто, то косвенно, изыскивая средства к уклонению от исполнения их распоряжений. Был случай, когда двое пленных при немецком обозе, из которого ушли, скрывались ночь у Карпова Ив. Ив., наутро при обыске немецкой полиции едва не были обнаружены, подвергая укывшего их хозяина жестокой расправе.

Карпов имеет сына Ивана и зятя Анохина Сергея Петровича, живущего с момента брака с его дочерью в одном с ним доме. Как сына, так и зятя воспитал в чисто-советском духе, плодом чего явилось то, что сын, получивший на действительной службе выучку лётчика-парашютиста, состоял в партии, пошёл на службу в органы обл. НКВД, а зять Анохин С. П., помня заветы тестя о чувстве долга гр-на перед Родиной, возвратился из действующей армии инвалидом Отечественной войны с наградой – медалью «За отвагу»; в настоящее время он кандидат ВКП(б). – Таков моральный облик гр-на Карпова Ивана Ивановича.

Секретарь первичной парторганизации при Плещеевском с/с Володарского р-на, колхоз «Серп и молот» (д. Гонючее) /подпись неразборчива/

П о с т а н о в л е н и е

Подтвердить решение Орловского горкома ВКП(б) от 14 июля 1941 г. – исключить Карпова Ивана Ивановича из членов ВКП(б) как не оправдавшего звания коммуниста во время пребывания на оккупированной немцами территории.

Секретарь обкома ВКП(б) (Игнатов)

В караулке спецроты УМГБ Иван Иванович угостил дежурных табачком: доморощенный турецкий здесь предпочитали махорке. Зарядив хорошей порцией клочок газеты, сержант Медведев аккуратно устроил самокрутку рядом с журналом дежурного. После этого доложил:

- Старшина Карпов проводит занятия с новичками. Разрешите пригласить?
- Сделай милость...
- Рядовой Селезнёв, выполняйте!

Медведев посчитал необходимым объяснить:

- Мне отлучаться нельзя. Строго у нас...

Сын появился при параде: орден и две медали на синей гимнастёрке, сбоку на ремне наган. Однако родимое, всегда ласковое лицо было сегодня нахмуренно-печальным.

Когда вышли за ограду казарм, Иван остановился, посмотрел в глаза отцу и тихо сказал:

– Я всё знаю... С командиром роты вызывали на Салтыкова-Щедрина. Объяснили, что все принимаемые партией решения должны доводиться до конца. О том, что тебя исключали из партии по специально разработанной легенде, не

знал никто, кроме погибшего сотрудника НКВД Денисьева. И ты ведь действительно украл сало...

– Благодарю вас, старшина Карпов, – Иван Иванович церемонно застегнул пиджак на все пуговицы, – Вы всё хорошо объяснили. Как настоящий энкаведешник... Самое время сказать: «Пост сдал...» и услышать ответ: «Пост принял!» Тебе ведь осталось не больше месяца в кандидатах ходить...

– Пап! Зачем ты так?..

ЛЮДМИЛА ИВАНОВА

БАБА ГРУНЯ

Было время, что я с ума сходил от народных песен.

Из письма И.С. Тургенева

Н.А. Некрасову

Чтобы познакомиться и побеседовать с самой старшей из ныне здравствующих уроженцев Голоплёк бабой Груней — так любовно в округе называют ровесницу века Аграфену Афанасьевну Коптеву, — мне пришлось отправиться в поселок Жизнь, что на центральной усадьбе колхоза «Родина». Деревянный домик старушки в Голоплёках все чаще пустует. А в это лето в первый раз в своей жизни она ни разу не пришла в родную деревню. Не смогла...

Пройдя километра три от Голоплёк на север и оставив слева деревню Кальну, я вышла к реке, по новому широкому мосту перешла на другой берег, по наезженной грунтовой дороге поднялась на крутой холм, застроенный новыми коттеджами для колхозников. Обернувшись назад, постояла.

День вставал солнечный и обещал быть тёплым. Под обрывом спокойно текла Снежедь. Здесь, десятью километрами ниже Бежина луга, она особенно заметно петляет. А несколько её хорошо обозначенных старых рукавов свидетельствуют о том, что за многие века существования русло своё речка меняла не раз. Отсюда, с холма, деревня Кальна видна вся, до последнего домика.

Жилище Аграфены Афанасьевны Коптевой я нашла сразу. Коттедж стоит рядом с колхозным медпунктом и разделен на две половины: одну занимает семья колхозников, а в трёх комнатах другой живут три старушки: она, баба Груня, Ольга Петровна Борзёноква и Прасковья Петровна Овсянникова. Последние две помоложе Аграфены Афанасьевны и летом обычно живут в своих родных деревнях: Ольга Петровна — в Борзёнках, а Прасковья Петровна — в Голоплёках. И только баба Груня не осилила в это лето дорогу на родину, осталась «на поселке». Здесь всё рядом: и магазин, и медпункт, и вода в доме.

Я долго стучала: сначала в дверь, а затем в окна. Когда совсем уже потеряла надежду на встречу с ней и решила зайти в медпункт с тем, чтобы справиться об Аграфене Афанасьевне, дверь вдруг растворилась настежь, и в проеме показалась старушка — босая, в шерстяном зелёном платье и черном платочке на голове. Узнав, что я из Голоплёк и шла к ней, она усадила меня в прихожей на диван и, примостившись рядом, первым делом спросила:

— Что жа, деточка, стоять Голоплёки-то?
— Стоят — и вас ждут, — ответила я.
— Ой, детка, да мне ведь восемьдесят третий годочик... Счас вот одна, сижу тут... А какие Голоплёки-то были вьеселыя!.. Дочка, весялитесь, не горюйтея, жисть она как дальше, то горше... Уж и попелася я, и наплясалася...

Голоплёки на припеке, Там обшито кумачом, Кабы не было зазнобы, Не пошла бы нипочем! — вдруг весело, задорно «заговорила» старушка.

— Вот нядавно умярла здесь, значить, Дуня Голоплецкая. А выходила она замуж то ли в Овсяниково, то ли ещё куда... Дуня... большая такая, Евдокия Павловна, муж ея погиб... Ой! — спохватилась она вдруг, что говорит не о том. — Совсем я никуда стала, хошь бы помереть... Пойду в Голоплёки-то, пойду... плохая я стала, ужась плохая — и глухая, и сляпая... Так-то у меня все собрато, и деньги на книжке лежать, — путано, неожиданно переходя с одной мысли на другую, то ли тихо жаловалась, то ли просто рассуждала сама с собой старушка.

Баба Груня Домик бабы Груни в Голоплёках

— Баба Груня, говорите, умирать пора, а сами только сейчас пели, — удивляюсь я.

— А-а, дочка, етово у меня сколь хошь. В деревне-то своей я всягда первая была, задира, запявала... Нигде без меня-то не обходилось, что вечорка, что свадьба...

— А про свою деревню вы что ещё пели?

— Про свою-то?... А-а вот хошь бы и ету:

Голоплецкая деревня —

Не хвалю и не корю,

Завяду себе синпатию

На самом на краю!

— Вот ещё, — говорит она, помолчав:

Мой муж пьяница,

Не вялит румяниться,

А я ево не боюсь,

Нарумянюсь, напляшусь!..

Я, бывало, запою:

Не сдавалась соловью!

А теперь отпелася,

Куда веселья делася?!

— Ух, и попела я! — заключает старушка. А я, глядя на неё, с удивлением отмечаю, что никакая она вовсе и не старушка, ей никак нельзя дать её лет: глаза весело блестят, на щеках выступил лёгкий темноватый румянец, и даже морщины, кажется, разгладились. А может, их вовсе и не было?

— А родители-то ваши, Аграфена Афанасьевна, тоже такие же весёлые были, как вы? — опять пытаюсь навести её на воспоминания.

— Нет, дочка, иде уж там... я с пятого года, Коптева-то — голоплецкая фамилия моя, батюшкова, Афанасия Иванычева... Бросил, сукин сын, уехал... мене было... счас скажу... пять, нет, шесть али семь... а-а, девятый годок ишол. А он поехал, смылся, скрылся. Троя осталйся у мамочки, я теперь уж одна осталася... — И заплакала: — Мы бедные были, отца-то не было... — И запела:

Наша деревня горем убитая, Мамынька родная, сердце разбитая: Милай не хочеть любить.

*Я полюбила яго недастойнага
Чистой открытай душой,
А он измянил, мене сердце разбил,
Стал он другая любить...
Брось, моя дитынька, брось ненаглядная,
Время придет, ты полюбишь другога,
Шаслива будешь с ним жить...*

— Это все мамочка пела... и я тожа... потом...
— А вы из однодворцев будете или из крестьян? — снова обращаюсь я к ней.
— Не-е, у нас все были однодворцы... Наша-то деревня хорошая была, чистая.
А ухажеры какие! Помню, у меня барзенской был, Петр Палыч, Пятюшка Федин... ну-у... Пал Федоров сын... ха-а-ро-шай был, кра-асивай... и другие...

— Что же вы, не пошли за них ни за кого?
— Не-е... оне не сваталися за меня... я бедная, а оне богатые. Рази можна?.. А веселя-то што была!.. Бывало, оженять их, ухажеров-то, а оне так за мною и ходють...

*Я любила, не грубила,
Он любить меня не стал,
Я другога полюбила,
Он опять ко мне пристал!
— Вот так-то. — Помолчала:
Девочки, красуйтесь,
Ребят любить не суйтесь,
У них холодные сердца,
Оне не любяць до конца!..*

— Фамилия-то моя пишуся Ширяева. Ох, милья, выходила-то я за вдавца, у ево ребенак был. Два года пожила — и к чертовой матери! Выходила-то я в Бобыли... А потом вышла за холостого, во двор приняли... А потом ево на войну взяли, он и погиб... Жили-то хорошо, дружно жили-то. Вот проводила мужа-то, плакала, и он плакал... Виктор Васильич Ширяев... любил меня, я вяселая была. Бывалоча, величать, и за столом, и так...

— А как за столом?
— Ну, вот:

*Веселя и наша горенка-а...,
Дорогая наша гостья
Да-а Анна Ивановна-а...*

— Кого величала? Да всех девок. Без меня, бывало, ни-ни, ни вечорки, ни свадьбы... все равно найдуть, идола. Уеду во Мценск, а они найдуть... Ух и пела!

*Милай мой, а я твая,
Брось жану, возьми меня,
Брось жану законную,
Возьми мяня знакомаю!
Учарася я разбила
Два стакана чайнава,
А севодни получила
Два письма печальнава...
Мене милай изменил,
Я упала перед ним:
Что ж я, дура, падаю
Перд такою гадою?! —*

звонко, без передышки частила баба Груня. Над последней частушкой мы обе долго, весело и дружно смеёмся.

– Со мною нахохочесся, — отдышавшись, говорит старушка.

*Весяла я, весяла,
Весяла девчоночка,
Только тем не весяла —
Гуляю без миленачка...
Весяла я, весяла,
Рюмку выпила вина:
Это милага измена
Пить заставила меня!
Весяла я, весяла,
И веселая расту:
Маю тихую падругу
Удавили на кусту!..*

И мы вновь смеёмся, понимающе, заговорщически глядя друг на друга.

– Ну, хватить, а то животики-то порвём. Тебе, может, надоест?

Помолчали. Я спросила:

— А вы, Аграфена Афанасьевна, в колхозе много работали?

— Как же!.. Был в Голоплёках колхоз-то. Кто у нас председателем-то спярва был?..

А-а, Сергей Васильевич был, Овсянников, наш, голоплёчкой... Потом Андрей Фомич. Был... бригадиром. Анатолий Андреевич-то, его сынок, сейчас директором школы на посёлке... А потом война. Я всё голодная... работала. Бедная была, а всё, бывало, пела. После войны-то горше было: одна осталась, деток-то про его не знаю. Мужа жалею...

Сидит баба Груня, опершись локтем о колено. На руку голову положила, горюет:

*Эх, прошли золотые денечки,
А моладость, где же ты, где?
Прохладные страшные ночи...
Остались одне лишь мечты.
Сухой бы я корочкой питалась,
Тобой бы, мой милай, наслаждалась
И тем довольная была.
Сымитя мне комнату сыруя,
Я буду жить у ней одна,
Приди ко мне, милай, поскорее,
А то мне скушно без тебя...
Кари глазки, где вы скрылись?
Мне вас больше не видать.
Где вы скрылись — запропали?
Навек заставили страдать...*

– Тебя я, милай, не позабуду, буду плакать и любить... Эх, Витя-Витя, што же ты наделал, зачем ты меня бросил?.. Бывало, бежить-бежить с работа, грит, не чаю, как кончить... Карточки? А у меня ей нету. Нету, ей-богу, нету. А пенсию я получаю не колхозную, за погибшаго мужа, пятьдесят рублей... Всю жисть у колхозе, как начался колхоз и до...

*У колхозе я родилась,
У колхозе мая мать,
У колхозе научилась
Сирбияначку плясать!*

— Попелася я, попелася... Идолы, все равно найдут, приедут, — так совсем неожиданно подытожила старушка свои воспоминания о 30—40 годах. — Ну, ладна, сейчас хорошенькую выбяру, отдохнешь, — обращается она ко мне, — какую же мне, ету?.. А «Вечер вечерее» знаешь?

Я отрицательно качаю головой, и она запекает:

*А вечер вечерее, колышется трава,
Нейдет-нейдет мой милый,
Пойду к нямму сама.
Иду, а ветер воет, едва ль на свет гляжу,
А сердце болит-ноет, я што ему скажу...
Зашла я на крылечко и стала у дверей,
А бедная сердечко забила сильнее.
Дрожащею рукою звонок я подала,
Прислуга выходила, мне двери отперла.
Зашла я в эту комнату и вижу пред собой,
Мой милый друг-изменик целуется с другой...
Изменик ты коварный, што сделал ты со мной?
Ты клялся и божился, што не гулял с другой!
Сегодня понедельник, а милый не пришел,
Наверно, рассердился, гулять с другой пошел...*

— Что же вы, Аграфена Афанасьевна, в Голоплёки-то пойдёте? Я могу взять вас с собой, вместе потихоньку и дойдём... А то можно попросить кого-нибудь, чтобы довезли вас, — предлагаю я ей.

— Ну ево к черту! Я пяхшой люблю. Так-то, колтых-колтых, и приду в свою деревню.

*Я ишла, ишла, ишла,
Ишла, торопилася,
Если б знала, ево нету,
Назад воротилася!*

Затем задумалась опять, пожаловалась:

— Как хочется в Голоплёки-то! Домик-то мой, деревянненькай, возле Анатоля Андреевича, знаешь? У меня са-ад... Завтра приду! — вдруг решительно заявила старушка.

— Точно придёте? Я ждать буду.

— Приду, как же не приду... Я ведь там родилася! — И вдруг спросила: — Кто там теперь новые-то?

— И я подробно рассказываю ей о том, как и кто теперь живёт в Голоплёках. Услышав знакомую фамилию, сообщила:

— Эти из Губаревки, хамы, из крестьян. — Затем, понизив голос: Роги носили! А говорить как? Кто, а у нас: кто. Далёко, а у нас: далеко. У них: каго-чаго. У нас етово нет. У нас по-другому было. Платица носили. Мы с ими не занимались.

— Баба Груня, да вы ведь сами из бедноты, неужели ещё различали, кто из од-
нодворцев, а кто из крестьян?

— А как же! Мало ли чево, а ето первая дело! Чистые-то деревни были наша, Борзёнки, Шаламовка, Русина ещё... Кальна — хамы, Ветрова — хамы. Счас-то они вон как ходють, а были хамы, крестьянские... Да-а, наши Голоплёки хорошие были... Были и богатые... А ето, штоб на ково работать — ни-ни!.. Ну да, мы бедные были, ходили в лапоточках. Оне, как ни говори, с отцами жили, а меня отец бросил. Всю жисть всё сама:

*Сама садик я садила,
Сама буду поливать,
Сама милава любила,
Сама буду целовать... вот!*

— Мы прощались с Аграфеной Афанасьевной «до завтра». Я сложила в сумку письменные принадлежности, мы с ней расцеловались. А она неожиданно опять зачастила:

*А што это за садочик,
За зелененькай такой,
А што это за парнишка
Развеселенькай такой?*

Я уселась на диван, вынула блокнот, авторучку и записала эту частушку. Затем снова поднялась и снова стала прощаться. А она, развеселившаяся, помолодевшая, с хитринкой в лукавых глазах, никак не унималась:

*Он любить меня не любить,
Только славушку кладет,
Палажил мой милай славу,
На всю улицу позор.
Девчоночке стыдно стало,
Стала плакать и рыдать,
А мальчонке жалко стало,
Стал он ея уваймать:
Не плачь, девка, не плачь красна,
Будеши вечная моя,
Как надумаю жаниться,
Возьму замуж за себя.
А мамашечка сердито будет день и ночь ругать.
Вынимает дед с кармана свой же розовый платок,
Утирает девке слезы и румяная лицо.*

Я лихорадочно записываю и эту песню, стараясь не упустить ни слова.

Наконец, окончательно распрощавшись со старушкой, схожу по ступеням крыльца. Но блокнот и перо держу всё же наготове. И не зря:

*Песни пела, грудь болела,
Сердце волновалася,
По тебе, миленак мой,
Я истосковалася! —*

летит вслед за мной её голос. Весёлый, задорный, молодой!

Ещё немного, и, того гляди, старушка пустится в пляс! Я уж и на ноги её босые поглядываю, так как и они не спокойны: вроде бы стоят на месте, на досках крыльца, а каждая жилочка на них дышит, волнуется, трепещет. Вот-вот они сорвутся с места:

*Через речку быстрою
Я мосточик выстраю:
Хади, милай, хади мой,
Хади летам и зимой!
Топ-топ галошами,
Ни корове, ни лошади!
Ни гогочеть, ни реветь,
Меня горе не берет!...*

— До завтра, баба Груня! — кричу я ей, стоя уже за калиткой палисадника. До завтра... если хватит у тебя сил добрести до родной деревни, хранительница уходящей нашей песни русской!

1986 год, Голоплёки

Рецензии. Мнения. Замечания

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

ОБОЗРЕВАЯ СОВРЕМЕННОКОВ...

Чувство рода и земли в поэзии Александра Нестругина

*Первая мать – Пресвятая Богородица,
Вторая мать – сыра земля,
Третья мать – какая скорбь приняла.*

Русские духовные стихи.

*Но я слово такое знал,
Что посулом пустым не манит.
И, склонившись к земле, позвал
Потерявшееся в тумане.*

*И река, тихий свет струя,
Ткнулась в отмель, легка на помине.
И луна, словно денежка скифская,
Отыскалась меж полыни.*

*И тогда тальники сошлись,
Предо мной и за мною встали.
И с листвою слова слились,
И сквозь них – небеса блистали.*

Александр Нестругин

1

Современная русская поэзия поделена на два духовных ареала, каждому из которых свойственно особое видение мира, свои отношения с прошлым и будущим, представления о реальной жизни и бытии. И здесь нет нужды в специальных акцентах, давно уже принятых в нашей литературе: философские стихи, поэзия мысли, пейзажная лирика, стихи о любви, гражданские строки и т.п. Речь идёт о поэзии города и деревни, о чувстве земли – и осознании асфальта, о созерцании парка – и напряжённом вглядывании в природу леса и реки. Такое резкое деление художественного пространства русской поэзии, конечно, во многом условно. Однако стоит обозначить тот смысловой пункт, который эту условность почти снимает: проблема целостности русского человека, его верности родовым вехам и христианскому преданию.

Городской человек – существо, живущее смыслами во многом рациональными. Это хранитель церковной и светской культуры, цивилизатор, перестраивающий по своим чертежам всё, доставшееся ему по наследству от прошлых времён. Как правило, он лишён природного слуха, позволяющего не только улавливать тончайшие зовы стихий и живых существ, но и понимать себя частью великого и таинственного природного целого. Житель города обладает многими иными достоинствами и талантами, однако это свойство его натуры обычно или не развито, или атрофировано.

Сельский человек, сохранивший в себе детское внимание к окружающему миру и память о запахе трав, плеске тихой речной волны, просторе луга и насторожённой обособленности леса, интуитивно воспринимает знаки стихий и подчиняет свой быт циклам времён года. Соединение собственного уклада с распорядком внешней среды происходит сегодня на уровне почти бессознательном, в рамках семейной привычки или давней, плохо укладывающейся в слова традиции. Но это – покрытая тенью более поздних веков часть огромного мира, в котором человек был вплетён в природу и понимал и ценил такое гармоничное единство.

Прежняя целостность души теперь, практически, утрачена. Однако черты «природного» человека, словно разбросанные по осени листья, встречаются пока ещё часто. В поэзии они выражены очень отрывочно, вскользь и оставляют впечатление смутной памяти о минувшем. «Земля уходит из-под ног» – эти слова напрямую перекликаются с психологическим состоянием русского ума сегодня. Поэтому явление художника, в творчестве которого душа и природа «единокровны» – событие огромной важности, поскольку в подобном случае литература и жизнь получают спасительную прививку от многих болезней цивилизации.

В творчестве Александра Нестругина образ «природного» человека присутствует как некий художественный центр, и его приметы требуют уяснения и мировоззренческого понимания.

С одной стороны, в лирическом герое трепещет душа дохристианской поры, когда шёпот трав и птичий щебет многое сообщали слуху и уму, лесная чаща таила в себе загадочные силы, подчас неизъяснимые на людском языке, а речные воды почитались неким пограничным рубежом и очистительной стихией. Древний мир был пространством, в котором жили и действовали старые славянские боги, а сам человек являлся неотъемлемой частью природной среды.

Но вот уже тысячелетие Русь не мыслит себя вне православной веры, в забвении её святых и подвижников, и потому сегодня иерархия мистических смыслов выглядит совсем иначе, нежели прежде. Храм стал пристанищем измученного человеческого сердца, душа лелеет надежду на светлое воскресение, нравственное начало приобрело значение жизнеустроительного принципа.

Однако при этом как-то умалились и оказались почти факультативными, необязательными взаимоотношения человека с таинственным и многообразным живым миром природы, который сопутствует нам на каждом шагу даже в асфальтовой паутине городских улиц. И сегодня совершенно отчётливо возникла задача восстановить чуткие связи между православным бытованием и естественным человеческим присутствием в координатах четырёх стихий, среди зверья и птиц, деревьев и трав. Разумеется, подобная задача обладает бытийной широтой. Между тем, именно поэзия в состоянии стать внимательным проводником в этом долгом и неизбежном пути.

Первые шаги в таком направлении уже сделаны. Творческая эволюция Юрия Кузнецова есть гениальный пример упомянутого мировоззренческого соединения. Интуиция и тонкий вкус поэта позволили ему воссоздать художественную вселенную, в которой непротиворечиво соприкасаются родовое, природное – и нравственное, христианское. У Кузнецова это осуществлено в литературных и мистических границах мифа.

Но реально поэзия может явить читателю древние интуиции в сочетании с просветлённым разумом почти обыденными средствами. Наитие и острое зрение, чувство правды и желание слиться с рекой, дубравой и израненной русской землёй делают стихи Александра Нестругина ещё одной тропой в заповедный мир, где Спасителю послушны и понятны каждый цветок, всплеск волны, дрожание крыльев птицы, причудливое очертание облака.

Первые значимые стихотворные опыты Александра Нестругина относятся ко второй половине 1970-х. Спустя десять лет в его поэзии происходит глубокое внутреннее преобразование. Будто кто-то вышний придаёт лёгким невозможный прежде объём и глубину дыхания, а голосу – силу, звонкость и редкую способность говорить шёпотом внятно и разборчиво. Если ранее к читателю обращался литературно одарённый, сердечный собеседник, то с этой поры слышишь речь поэта поистине большого.

Поразительно точно и выразительно Нестругин прописывает реальность: бытовое утрачивает собственный стёртый облик и обретает смысловую значимость, лица прохожих становятся отчётливо индивидуальными, словно под карандашом портретиста. Природа в его стихах предстаёт во взаимосвязи отдельных частей и явлений, а сам автор оказывается включён в её неостановимое движение.

*Ещё не улетели ласточки!
Зачем ветра осоку клонят?
Ещё не улетели ласточки,
И стужа никого не тронет.*

*Столбом не вейся, пыль дорожная,
Леса и луг, не трепещите!
Ещё мы с вами под надёжною,
Под ласточиною защитой...*

Столь органичную связь с природой в поэзии теперь встретишь не часто; пейзажные картины её, как правило, описательны и фрагментарны. Тогда как у Нестругина за деталями всегда чувствуется целое и – тоска по целому.

В его строках звук ли, промельк, дуновение будто видятся-слышатся боковым зрением или фоновым слухом. Душа их воспринимает и беспокоится, хотя ум не может пояснить, что же происходит вокруг и в чём заключена тревога. Это – контур таинственного существования человека в природе, когда душа и дыхание мира взаимосвязаны («безлюдно, угрюмо пространство ночное... И кажется: есть кто-то рядом со мною, и он-то в обиду не даст никому...»; «где лог, заросший нехворощей, где луг – не видно ничего. Но стёжка узнаёт на ощупь, и не оставит своего...»). Удивительным образом в поэзии Нестругина сохранился психологический отпечаток древнего русского человека – его внутренняя конституция, чувственное устройство, которые с рациональным современным умом соприкасаются лишь точечно.

*Опадает листва...
И становится слышно,
Как трубят,
Как трубят на душе журавли!
Сняли шапки с голов
И на видное вышли
Все деревья
Тревожной
Родимой земли.
Стая ласточек быстрых,
В плохое не веря,
Как на санках,
Катается на сквозняках...
Но просёлки уже*

*Проступили – как вены
На усталых
Осенних
Крестьянских руках.*

Нестругинские стихи нередко становятся художественным камертоном прошлого и настоящего. Так, живые степные запахи, идущие издалека или из вчерашнего дня («сломишь кустик полынка, изомнёшь сухие стебли, – сколько дней потом рука будет отзываться степью!...»), есть подобный отклик-отзыв. Он объединяет в себе и смутную родовую память о кочевьях «в Лету канувших племён», и сон о влажном выгоне, «где, от школы вдалеке, сердце лодочкой бумажной пляшет в мартовском ярке».

Природный мир – потаённое царство, которое открывается не каждому. В нём порой наглядны обычно незримые связи между деревом и птицей, травой и речной водой, землёй и изменчивым небом. В стихах Нестругина образы природы слиты один с другим. И сама она предстаёт загадочным целым, которое невозможно разять на части: «с певчею птахой приложит ко лбу влажную ветку»; «клён-то на ветках не почки качает, а стаю шмелей».

Но природное «всеединство» включает в себя и детей как образ человека с естественно устроенной душой, хотя скорее – с душой, ещё не испорченной непомерным эгоизмом («...деревья рядом с детворой, оказалось, могут улыбаться тёплой морщинистой корой»). Ничего подобного по отношению к взрослым современникам у Нестругина не найти. Более того, лирический герой поэта постоянно соизмеряет собственный внутренний мир с живой внешней средой, учится у неё, говорит с ней, иногда самозабвенно погружается в неё – и не мыслит собственного существования в отрыве от её тайн и многообразия.

*Возговори, ночная чаща,
Огня мерцанье обойми!
Нет для меня светлей и слаще,
Роднее звуков меж людьми,*

*Нет для меня верней, тревожней,
Заветней нескольких минут,
Когда твой шёпот осторожный
Вершины тёмные вернут*

*Душе, в которой столько мрака
И звёздочка дрожит одна –
По звуку твоему, по знаку
Водой небес вознесена*

*Над пепелищем и сумою,
Над горькой лямкой – «за харчи»,
И кажется – над тьмой самою, –
Не этой тьмою, не в ночи...*

С середины 1980-х в стихах Александра Нестругина начинается тонкое проникновение «природного» начала в социальную сферу и душевную, «совестную» среду обитания лирического героя. Это происходит на фоне ощущения трагизма

человеческого существования, кровавых бездн русской истории XX века, невозможности найти «золотую правду» земной жизни.

Одно из лучших стихотворений этих лет, «Встреча», посвящено Геннадию Луткову – воронежскому поэту, в юности осуждённому за участие в работе молодёжной антисталинской группы. В давнем судебном деле много противоречивого и неясного до сих пор – когда и архивы стали доступны исследователям, и мемуарная литература представила читателям свои свидетельства. Отвлекаясь от подробностей прошлого, чрезвычайно важных в иных обстоятельствах, Нестругин изображает встречу лирического героя с «сидельцем», чья судьба искорёжена и незавидна. Мастерски точными штрихами обозначено минувшее, настоящее и выход в будущее:

*Устали ответы, затихли вопросы,
В костре головешки, как речка, дымились.
А в банке, где сок был, осенние осы
Тонули, карабкались, плакали, бились...*

*И что ему вспомнилось в эту минуту?
Суровые годы? Жестокость людская?
Склонился... И подал им тоненький пруттик,
Как будто бы осы те – ценность какая.*

*А после глядел сквозь кусты чернотала –
И что он там видел, где не было света?
И мне в ту минуту понятнее стало,
Как жить, чтобы стать настоящим поэтом...*

Классическая простота стиля позднего Твардовского здесь соединена с волевым авторским импульсом, содержательная сторона которого – увидеть, понять, действовать.

В стихотворении сравнительно малого объёма сосредоточено чрезвычайно много глагольных форм – это, к слову, одна из примет нестругинской поэзии («устали»; «затихли»; «дымились»; «сок был»; «тонули, карабкались, плакали, бились»; «вспомнилось»; «склонился»; «подал»; «глядел»; «видел»; «не было света»; «понятнее стало»; «жить»; «стать настоящим поэтом»). И потому сюжет напряжён до предела, хотя, на первый взгляд, перед читателем-зрителем – вполне статичная мизансцена. Но, по сути, перед нами – вопрошание более позднего творческого поколения. Нравственное и духовное здесь соединились с частным и природно-обычным, за изложением случая возникла судьба и облик «верного пути».

Мир в стихах Александра Нестругина переполнен узнаваемыми деталями и ситуациями. Для поэта реальность становится неисчерпаемым источником коллизий и картин, его перо способно легко создать набросок происходящего – и это будет эскиз живой, дышащий, в котором «персонажи» двигаются, а сюжет развивается. Такое качество письма, редкое по естественности владение изобразительными средствами делают автора одним из лучших художников в нынешней поэзии, более склонной то к умозрительной рассудочности, то к грубой лапидарности предметов.

Нестругин – мастер природных изменений, перехода из одного состояния в другое, из одного времени года – в иное. В этом смысле его поэзия вся посвящена моменту перемен, когда прежнее отходит и не забывается – а новое наступает и ещё не враждебно старому, но лишь слегка эгоистично углублено в самую себя.

В приложении к социальному пространству это почти недостижимо, особенно в последние годы торжества наживы, рационализма, бессердечной подмены исто-

рической памяти. И на этой черте нашего бытования исключительно важную роль играет родовая преемственность русского человека, долгое время изгоняемая из обихода и праздничного обычая, отделяемая от чувства долга и чести, много раз поруганная – и всё-таки затаённо живая, подсознательно чаемая.

*Свидетели горя и славы,
Хранители древних былин,
Редеют донские дубравы,
Редеют...*

*С восторгом мой сын,
Лещины раздвинувши ветки,
Кричит мне: «Я место нашёл!
Вот эти пеньки – табуретки,
А этот здоровуций – стол...».
И шепчет дубрава мне тихо:
«Удобно, он прав, но окрест
Не слишком ли много таких вот
Удобных для отдыха мест?
Где лишь черноклён да лещина
Жируют, пеньки полоня.
Ты счастлив – ты вырастишь сына,
Но нету детей у меня...».*

Минувшее предстаёт тылом и защитой, когда «лишь чернота впереди»: «хорошо, что не продано прошлое – есть к чему прислониться спиной...». Зацветающие на русских холмах воронцы соединяют в себе и судьбу, и родню. И тут скрыт очень важный духовный акцент. Личная судьба, простёртая в будущее, есть продолжение настоящей родни и прошлой – всей уходящей в глубину времени и земли родовой ветви («там теперь батя мой... Крепко он спит – он не проснётся...»; «знал ты: пугающий космос отверст; знай: и земляца...»).

Будто невидимые и лёгкие корни тянутся от фигуры лирического героя к отчей земле, небу, воде, дому, зверю и птице. Эта странная корневая система не углублена в почву, но пронизывает собою весь объём предметов и чувствований. Тонкая родовая энергетика – не взрывная, а тайно растворённая в пространстве – насыщает русские дали, русские разговоры, русские действия, русские голоса и русские песни.

*Русь листок последний сронит –
И тогда заметим мы:
Нет, не нашим ветром клонит
Наши, русские дымы!*

*Наши травы, наши ветви,
Наши сумрачные дни...
Ну, а где же наши ветры,
Что гуляли искони?*

*Что шумели, что летали,
Будто духи во плоти,
И смыкали, и сплетали
Годы, судьбы и пути...*

*Обнимали... Обжигали!
И спасали от невзгод*

*Синим небушком в прогале
Разгулявшихся погод...*

*Где ж вы, ветры? Не пора ли
Гикнуть, душу веселя?
Чтоб чужие не орали,
Нашу родину деля...*

Удивительное стихотворение, написанное без малейшего аффекта и барабанной декларативности, мягкое, с чувством родного простора и обыкновения, с чувством своего. Это ощущение неразрывной связи и неизъяснимой духовной близости крайне сложно передать на словах, особенно сегодня, когда вор и разбойник спокойно вершат своё неправо дело, а чистое сердце унижено и оскорблено («настежь раскрытого времени жаль – остро, по-волчьи!..»; «такое времечко: во тьму степей роняет семечко один репей»).

4

Обладающий зрением художника, Нестругин – замечательный пейзажист. В его стихах природа живёт и меняется, и сопрягается с человеческим бытом и бытием. Годовой поэтический цикл «С рекой» включает в себя самые разные жанровые картины, которые, словно на полотнах русских реалистов конца XIX века, содержат в себе глубину жизни и чуткую мысль о ней, любовь и сострадание к человеку и его истерзанной родине.

Вообще Александра Нестругина по праву можно назвать «человеком равнинной реки». Соединяя в веках народы и земли, река в его поэзии становится Божьей нитью, которая сшивает лоскутное существование современного человека, минуя успех и неудачу, тщеславие и богатство, гражданские свободы и наслаждение. Она стягивает к своим протяжённым берегам леса и луга, вбирает их тайный говор и несёт его в дальнюю даль. «Родовой человек» прорастает сквозь видимое пространство и пласты веков, и даже сквозь горизонт – вместе с течением Реки-воды, с течением Реки-времени...

В его стихах постоянно встречается понятие «текущей воды» («как вода, ударяясь в запруду, оглушённо на круг уходя»; «бурлящая жадно вода»):

*Гляди: меж верб сквозит и рдеет,
Впитав закат и холода, –
О нет, не русская идея!
А просто – русская вода.*

*Её порой рисуют тёмной,
Текущей из глухих болот.
Зачем же к ней идёт бездомный,
Любой обиженный народ?*

*Конечно, есть трава и тина,
Камыш, глухие рукава...
Но, как душа, жива стремнина,
Сейчас – заметная едва.*

Естественно соприкасаясь с землёй в своих берегах и у дна, скрытого глубиной вод, река и озеро отражают небо во всех его изменениях, зримых и метафизических. Обращаясь к речному зеркалу, к властной силе течения, поэт всегда видит знаки небесные, неявный подтекст происходящего. Эта фоновая, важнейшая часть

души любого человека откликается в стихотворной строке то скромной приметой, то мыслью о запредельном просторе (тёмный плёс «держит небеса в ладонях, чтоб мы по ним проплыть смогли»). Причём «надмирное», парящее над землёй в поэзии Нестругина не принижает реальность, сводя её к перечню бытовых обстоятельств и деталей, ничтожных по духовному счёту; у него – своё место: это подложка видимых событий и поступков, пространство за границами плотного мира. Тогда как река – место встречи земного и небесного.

*Вовсе не глухи вода и камыш,
Немы лишь, немь лишь...
Что ж ты в потёмках пришло и стоишь,
Озеро Немереж?*

*Я и не звал тебя – просто шептал
Что-то потерянно...
Так, как ольховник, когда облетал
В стынувшей темени.*

*Лист за листом – затихала листва,
О воду торкаясь.
Чтоб пожило в нас хоть час или два –
Тихое, тонкое.*

*Нет, не волненье, не грусть – полугрусть –
Жизнь недопевшая...
Слышишь, как, торкаясь, просятся в грудь
Дни облетевшие?*

*Вовсе не глухи, не глухи они, –
Немы лишь, немь лишь.
А на всём свете – одни мы, одни,
Озеро Немереж...*

В этом примере единения человека и природного окоёма пограничная линия проведена уже не по давнему родовому пунктиру: в тех координатах жизнь человеческая избегала мучительных сомнений. Христианское (или скрыто-христианское, советско-атеистическое, но – с зерном милосердия) правило движения мысли и чувства, понимание собственной вины и ответственности – вот воздух этого стихотворения.

Странное, совершенно не догматическое, живое соединение нравственного поиска с мистикой окружающей среды в поэзии Александра Нестругина не кажется противоречивым. Оно обладает огромным спектром оттенков, опирается на чистейшую по искренности авторскую интонацию, проникновенную любовь к родине. Сюжеты его лирики непредсказуемы, образы и смыслы как будто обладают собственной волей, а автор лишь отчасти направляет течение слов и строк. Предметный реализм Нестругина буквально пронизан «близким дыханием реки» – и дальним отсветом русской православной традиции.

*Туда, в ольховник, в снег и темень!
К ветвям – обрубками ветвей...
Как боль доверить мёртвым стенам,
Как в мёртвых стенах – выжить ей?*

*Умру – и то ведь не проснётся
Мир, ограниченный стеной.*

*А этот – вздрогнет, и коснётся,
И будет плакать надо мной...*

В отличие от множества строк, в которых «есть лозунги, физиология, рифмованная хохлома», в стихах Нестругина «глаз своих поэзия не прячет, как лекари – в остывшую латынь... И сбивчивы её чудные речи: так, шёпот, вздох, касание руки».

Чувство русской неприкаянной души и одухотворённого пространства – в таком художественном поле развёртываются коллизии нестругинских стихотворений. Их автор обладает редкой способностью «очеловечить» природное («октябрь разводит старый сурик, сухую охру в ступке трёт») и «оприроднить» человеческое («мы знакомы рекам и словам»). Уже это свойство делает его фигуру одной из крупнейших в современной отечественной литературе и свидетельствует: русская поэзия по-прежнему волшебна и сильна, содержательна и умна в своих классических формах. И авангард не отменяет её, такую, за якобы слабость средств выражения – но лишь демонстрирует собственную частность, ограниченность, злободневность, не в силах художественно охватить большое и глубокое, тонкое и мгновенное.

*...Ширясь и ширясь, выходит из времени лес –
И обнимает озябшие плечи равнин...*

В стихотворении «На озере Вольчем вечерние ветры ворчливы...» вдохновенно воссозданы одиночество лирического героя, загадочная красота земли и дыхание былинного времени. Древний мистицизм перекликается с мятущимся христианским сердцем, их соседство не переходит в тихий спор – тут, скорее, взаимный шёпот, отрывочный, но не прекращающийся.

*Над волчьей водою качаются ивы устало,
Но дальнее небо ещё с темнотой не слилось.
И в редких просветах простора щемящего мало,
А было бы много – к чему бы так сердце рвалось...*

У Нестругина даже евангельская осина с упрёком и угрозой волшебным образом идёт за Иудой – не только как знак и предмет священной истории, но ещё и как часть природы, низвергнутой в падшее состояние первым грехопадением («Ему Господь, и въяве будь, неведом...»): она исподволь отъединена от общего Спасения предателем, отвергнувшим Христа.

5

При всех своих очень непростых духовных основаниях поэзия Александра Нестругина плотно соприкасается с современностью.

В последние два десятилетия стихотворная публицистика заполонила страницы журналов и книг, что вполне понятно: разрушенный Советский Союз, в сердцевине которого таилась Россия, был для многих родиной и судьбой. Вековые устои обыденной русской жизни, в советскую эпоху жестоко перемолотые государственным механизмом, но сохранившиеся в памяти стариков и пожилых людей, теперь оказались словно в безвоздушном пространстве. Молодёжь соблазнена идолами успеха и богатства, система передачи духовных приоритетов от старшего поколения младшему осыпается буквально на глазах. И «прямое» слово в творчестве современных русских поэтов – казалось бы, по праву – обрело почти непререкаемую власть. Однако с годами строгие формулы и гневные упрёки будто «натёрли» глаза и уши читателю. Отсутствие художественной глубины стало вызывать недоверие, а громкие стихотворные возгласы, в отсутствие творческого поступка, уже не воспринимаются аудиторией с энтузиазмом. На этом временном и художественном изломе важнейшей задачей художника стало воплощение бытийных черт в бытовом антураже текущего дня. Высокий русский реализм в литературе и живописи понимал такой постулат как сверхзадачу: в частном – увидеть общее,

в индивидуальных чертах лица и поступках – типовое, в конкретно-временном – вечное...

В зрелых стихотворениях Александра Нестругина отчётлива тень собственной вины: за то, что не удержал страну – деревню, природу, стариков, детей – на краю обрыва; и русский мир упал в водоворот духовной и нравственной смуты. Понимание своей «удерживающей» роли присуще только очень большим художникам. Оно сопряжено с внутренней готовностью их к самопожертвованию и в огромной степени связано с сердечным восприятием Христова подвига. Здесь же – терпение и стояние в истине, чувство правды и плеча («но за нами – Родная Речь, и стоим мы – плечом к плечу») – братского, родового и духовного, апостольского.

*Родина это. Тобою забыта.
Брошенки-избы ласкает паук.
Но ведь окошко одно не забито.
И занавеска качнулась на стук...*

*Как тут живут – без решёток, без кода,
С тусклою лампочкой в пару свечей?
Сердцем упавшим стукнет щеколда...
Сможешь ответить отчизне – ты чей?*

Поэзия знает множество стихотворений, в которых «ушедший в люди» житель почвы возвращается к старой знакомой ветле и покосившейся калитке родного дома. Евангельский мотив «блудного сына» вполне традиционен и, наверное, вечен. Но в нём важны, прежде всего, смысловые и этические нюансы. Как правило, подобное возвращение оказывается следствием или жизненного поражения, или преуспевания – в совсем ином, «не-отчем», месте.

Для Нестругина мотив возвращения – это невозможность личным усилием возделать родную землю во всех местах, где сокрушённый взгляд автора видит разорение и упадок – и хозяйственный, и бытовой, и человеческий. Потому что вся она, земля, будто живое существо – родная: со своим голосом, слухом, дыханием, наконец – материнским теплом... И становится вполне понятным и естественным стихотворение о русском бурьяне, который «пришёл не цвести, а спасать»:

*Чуть ненастье – и всякий без спроса
Станет ломкие стебли бросать
Столбовому пути под колёса.*

*И, как будто бы в чём-то винясь,
Византией, распятым Союзом
Ляжет он в эту веру и грязь,
Под эпоху, летящую юзом.*

*Я не знаю, кем я вам кажусь –
Жёлтой налунью, белым туманом?
Я и донником жить не стыжусь,
Придорожным сутулым бурьяном.*

Лечь в провал дороги, восстановить путь – реальный ли, исторический – подобное самоумаление в творческой среде почти не встречается. Оно может свидетельствовать о скромности автора, о небольшой величине его творческого дарования. Но стоит помнить, что перед нами – тихое уверение самого поэта, неразрывно слитое с его художественным словом, редкой и очень естественной свободой стихотворной речи, образным восприятием мира, которое вбирает в себя и родовые символы и знаки – и христианские акценты.

И станет очевидным, что творческий дар Александра Нестругина не нуждается во внешних отличиях, потому что, попросту говоря, «внутри него – его много». Подобное затаённое чувство присуще только подлинным поэтам, которые могут вести разговор с памятью, временем, почвой, родом и небесами. Хотя высокое у него подаётся крайне просто, тайное показывается – только краешком. А собственное место и заботы в стихах – обыденны и не яркие, в отличие от текстов столичных «медийных» авторов.

*А ноябрь опять распушил кугу,
Белым крестиком стёжка вышита.
Ну, а вам-то что? Вы в своём кругу,
Грудь на грудь сойдясь, рвёте-пишете.*

*Рвёте-пишете – помогай Господь,
Ведь и я ищущий осиянное.
Котелок со мной да сольцы щепоть,
Ложка древняя, деревянная.*

*Рвёте-пишете – чтоб ноздря в ноздю
Выйти к финишу... Я ж за гаткою
Бирючков ловлю да уху творю,
Да всё мучаюсь над загадкою:*

*В кабаках уха – кулинарный рай,
И стерляжий сок – жёлтой биркою,
А губам подай – стёртой ложки край,
Ложки батиной, со щербинкою...*

Практически все нестругинские стихотворения – подчас еле уловимо – окрашивает тоска по природной свободе. В ней и отзвук смертной доли каждого живущего, и придавленная слоём времени родовая память о взаимной гармонии человека, земли и воды.

В поэме «У переправы» с жёсткого троса срывается паром и уходит вниз по течению реки, будто преодолевает назначенную ему узкую судьбу и соединяется с движением стихии, вековечным, мерным – но всегда новым...

Этот образ плена и воли, сделанного шага и упоительного, согласного с космосом движения – по существу, один из центральных в творчестве Александра Нестругина. В нём сокровенная внутренняя музыка поэта, слова «с запинкой» – и дрожь мокрых листьев, незатихающая зыбь речной воды:

*Не надо плакать – вечность прожита.
Мерцает солнце мутным рыбьим зраком.
Я не вернусь из белого листа
Ни буквою, ни деревом, ни злаком.*

*Я в нём давным-давно уже кружу,
Наст проминаю даже тёмной ночью.
И обернусь порой, и погляжу:
А где мой след? – вокруг одни сорочки.*

*Смотала пряжу всю с веретена
Кабы швея, а то – змея-позёмка.
И за моею колготой она
И день, и ночь приглядывает зорко.*

*И ведом путь мой только ей одной:
Она скользнёт, ровняя снег – и баста.
Но если кто-то вдруг пойдёт за мной,
На ощупь, – я сломал железо наста...*

КРИТИК О КРИТИКЕ Об Игоре Золотарёве

Игорь Золотарёв окончил семинар Владимира Гусева в Литературном институте им. А.М. Горького. Учеба в классе известного современного русского критика позволила ему воспитать в себе широту охвата материала, умение переходить от размышлений над поэзией к страницам прозы, находить переключки образов далекого прошлого с впечатлениями сегодняшнего дня. Тем не менее, сборник его литературно-критических статей обладает определенной сдержанностью чувств, что хорошо для литературоведения, а для критики кто-то может счесть это недостатком.

Есть, пожалуй, только одна система координат, в которой негромкий и сдержанный критический тон уместен, как никакой другой – это сфера педагогики. Здесь лекторская страсть и склонность к ярким, но неглубоким обобщениям, скорее, видятся приметами непрофессионализма. Игорь Золотарёв в этой связи предстает как критик-педагог. Именно так написаны его комментарии к телевизионным передачам историко-литературного и общекультурного характера.

Приводя стенограмму собеседования участников телевизионной дискуссии, далее он выступает как оратор, представляющий интересы читателей. И возвращает в житейское поле интеллектуальные пассы литературоведов, тайные смыслы и знаки – всё то, что телеэкран транслирует с почти невидимым обозначением «богема – только для избранных» в передаче, повторяющей название известного романа Гессе «Игра в бисер».

Обращаясь к лекциям «Телеакадемии», он старается преодолеть некоторую лапидарность телевизионной подачи материала. Перед ним теперь своего рода антитеза предыдущей программы: вещание идёт для не очень просвещённых зрителей, а некоторые послышки иногда адресованы и «бедным умом». Таким образом, критик ищет «золотую середину» в самом языке культуры и, тем самым, создаёт дополнительную дискуссионную среду, столь необходимую сегодня для гуманитарных дисциплин.

Упомянутое ранее определение «критик-педагог» лучше всего подходит к книгам и самой личности Игоря Золотарёва. Возможно, что это самый необходимый сегодня тип литературной критики – делающей своё дело почти незаметно, но неуклонно. Она находится не впереди читателя, но рядом с ним и, не навязывая свою точку зрения, позволяет ему услышать голос собственного разума и сердца.

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЕВ ТУРГЕНЕВА

Книге «Родине поклонитесь» Людмилы Николаевны Ивановой исполняется двадцать лет. Этот юбилей счастливо совпадает со 160-летием «Записок охотника» И.С. Тургенева. Книга писателя-современника посвящена потомкам тургеневских героев, она остается актуальной и востребованной, интересной людям всех возрастов, в том числе и молодым. Это книга о нашей Родине, о нашем великом соотечественнике И.С. Тургеневе, о людях, которые жили и живут в Спасском-Лутовиново и окрест. Книга представляет большую ценность благодаря богатому материалу, представленному в ней, документам, относящимся к отмене крепостного права в России.

В 2011 году общественность отмечала это событие. В Париже А.Я. Звигильский проводил в Сорбонне международную конференцию, посвященную реформе, вклад в которую И.С. Тургенева общеизвестен. Рецензируемая книга может быть достойным экспонатом, иллюстрирующим ту эпоху с позиции нашего времени. И.С. Тургенев не только описывал крестьян в своих произведениях, он принимал непосредственное участие в их жизни, помогал в обустройстве после отмены крепостного права, потому что сам закон был только анонсом, а проведение его в жизнь требовало сил и времени. Безграмотные крестьяне нуждались и в совете, и в помощи, и в защите. Документы книги подтверждают участие и заинтересованность писателя в улучшении жизни крестьян. Он сообщал С.А. Венгерову, что отпустил всех дворовых на волю, других крестьян перевёл на оброк. Это произошло ещё в 1850 году, когда скончалась его мать. Тургенев лично обращался во все инстанции во время затяжного конфликта крестьян с кулаком Жижиным, тяжба из-за земли тянулась годы. Тургенев, разуверившись в справедливости чиновников, даже узнав о хорошем исходе дела, все ещё сомневался, что удалось победить эту «бестию». Влияние писателей И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого на крестьян, благодаря их гуманному отношению к ним, было огромным. Крестьяне знали и терпели все капризы жестоких хозяев, но они общались и с просвещёнными, высоконравственными личностями, с писателями-гуманистами, от которых получали настоящие уроки нравственности. В документах Л.Н. Толстого есть упоминания о том, что он неоднократно бывал в деревне Губаревке, где спасал крестьян от голодной смерти. Он открыл десять столовых на пятьсот человек, прибавил ещё двести человек, и люди в неурожайный год были спасены.

Услышав историю о спасении крестьян, жительница этой деревни Екатерина Андреевна Тарасова-Овсянникова сказала: «И про наши Губаревки тоже, значить, написал < ...>. Да, все правда: голодные деревни-то эти всегда были...». «Крепостными» по сути крестьяне перестали быть в шестидесятые годы XIX века, когда получили паспорта и поехали в город за лучшей жизнью. Тогда и начался исход сельских жителей в города. Это процесс общемировой, о чём веком раньше Мопассан писал в своих новеллах («В полях» и др.). Деревни пропадают у нас и по сей день, в этом году снова немало исчезло с карты Орловщины. Но можно предположить, что начался процесс формирования фермерства, которому тоже понадобятся десятки лет. Вокруг фермерских центров с необходимой инфраструктурой может появиться новый тип деревень, скорее городков, куда будут вести дороги, где будут нормальные условия для жизни, куда поедут и молодые, где могут возникнуть дачные поселки, фермеры смогут снабжать людей необходимыми продуктами. А пока нам остаётся только с жалостью вспоминать утраченные «райские» уголки, особенно во Мценском районе (жемчужине Орловщины).

В книге писатель ведёт нас по местам вокруг Спасского-Лутовиново, дорогого сердцу русского человека, особенно уроженца Орловской области. Мы видим родные пейзажи с холмами и перелесками, речками и прудами, лугами и косогорами. То, о чём и как пишет автор, заложено в нашей генетической памяти. Герои очерков из книги «Родине поклонитесь» – это русские люди, потомки крестьян, живших на мценской земле. Автор пишет о деревне Голоплёки и её обитателях. В основном деревню населяли однодворцы, свободные крестьяне, отличавшиеся от крепостных. Большое внимание уделяется семье однодворцев Овсянниковых, чей предок был героем одного из рассказов И.С. Тургенева. Ещё Тургенев заметил у главы рода Овсянниковых степенность, чувство собственного достоинства, трудолюбие, справедливость. Пётр Овсянников не побоялся даже подать в суд на помещика, захватившего часть его земли. Однодворец понимал, что у него практически не было шансов выиграть, но он обращается в суд, чтобы защитить свои права на землю, свое человеческое достоинство.

В одном из домов деревни автор встретила Авенира Ивановича Овсянникова и сразу подумала о персонаже Тургенева, учителе с таким же именем. Разговорившись, Людмила Николаевна узнала, что он окончил педучилище, что отец его был тоже учителем, который «страстно любил и хорошо понимал Тургенева, многие из произведений его знал наизусть, до конца дней своих преклонялся перед гением этого великого таланта <...> мечтал он, чтобы и сын его стал учителем, как он сам и, стало быть, как тот, тургеньевский Авенир». Даже один этот пример наглядно показывает нам и традиции семьи, и связь поколений, и семейные черты характера, передаваемые по наследству.

Очерк «Баба Груня» – это гимн человеческому духу, русской песне, сила и радость которой помогают жить. Когда Людмила Николаевна встретила бабу Груню, той уже было за восемьдесят. Она из Голоплёк, но живёт на посёлке и уже не может дойти до своей деревни. У неё ещё замечательная память (человек жив пока у него есть память), она без усталости поёт, ей это в радость. Она говорит о себе:

«– А-а, дочка, етово у меня сколь хошь. В деревне-то своей я всегда первая была, задира, запевала... Нигде без меня-то не обходилось, что вечерка, что свадьба».

Конечно, жизнь людей преклонного возраста в деревнях, забытых богом, – это большая проблема. И хорошо, что автор её ставит. Людмила Николаевна пыталась и сама помочь тургеньевским женщинам в прямом смысле этого слова. В очерке о сестрах Фёдоровых она пишет, что обратилась за помощью к одной молодой начальнице, а та ей ответила, что они, дескать, лодыри. Одной из сестёр было в то время девяносто, а другой сестре чуть меньше. В другой раз, когда автор посетила бабу Груню в холодное время года, она нашла старушку в помещении без дров, без продуктов. А ведь баба Груня была не в пустыне, на посёлке есть люди. Все эти женщины, о которых мы читаем в книге, с трудными судьбами, они видели войну, пережили послевоенную разруху. Вынесли все на своих плечах, их держала родная земля, любовь к родному краю. Вот как говорит о своей деревне Ольга Петровна Борзенкова: «Краше всех были наши две: Борзёнки да Шаламово. Да ещё Голоплёки были ничего... Но наши-то, как игрушки! Все в садах, дома каменные, крепкие, народ чистай, красивой...»

А вот рассказ о своей жизни ещё одной тургеньевской женщины, крестьянки из деревни Губарево, Екатерины Андреевны Тарасовой-Овсянниковой. «Мы детство свое провели плохое. <...> Детей было четверо: я старшая. Учиться мне, считай, не пришлось... Война ещё была. <...> Две зимы жили в землянке... Побирались. <...> Что пережили, никто не поверить. А строиться, наверно, стали в 45 году. Когда разбирали окопы и на себе брёвна носили с мамой, с братом. А построил какой-то мужчина, мама отдала ему тёплую одеялку. А сени строили сами с Виктором. Избу построили

четыре на четыре. Какие мы на себе бревна носили! 15 и 17 лет. А таскали большие. <...> На быках пахали, сеяли вручную кое-как. Косили сами крюками, чем рожь-то косють. И не емши, руки – ну что мясо становились, дрожали. <...> Жили всегда трудно: работа да работа, дома да в колхозе». Сколько надо было иметь мужества, какую силу духа, чтобы вынести все, выжить, дожить до глубокой старости. Это же подвиг русских женщин, тургеневских женщин. Спасибо автору этой книги, что она показала нам все это. В этом же очерке «Рассказ крестьянки» Людмила Николаевна пишет, как ей нравится речь крестьян, в частности, как говорят Тарасовы.

«Слушать то, как говорят Тарасовы, одно удовольствие. Сегодня этого с абсолютной точностью не смог бы воспроизвести ни один из ныне навещающих родные места уроженцев Голоплёк или другой деревни, расположенной по соседству, разве только баба Груня... Хотя родом Тарасовы всего лишь из соседней деревни Губарево.

Сколько раз, слушая их, я с глубоким сожалением и грустью думала о том, что когда-нибудь да уйдёт из жизни и наше поколение. И никогда больше не услышат люди этого мягкого и задушевного, словно песня, исходящая из самого сердца, доверительного и удивительно складного, колоритного, изобретенного лишь этими людьми и только в их родной стороне, такого необычайного и неповторимого сельского орловско-тульского говора»... Как видим, испокон и до наших дней нашим классикам было на что опираться, у кого учиться народной речи, чтобы обогащать наш великий и могучий, родной русский язык.

Интересны наблюдения писателя, сделанные в результате общения с людьми, а также подтвержденные документами, о различии потомков крепостных крестьян и потомков «исконных однодворческих деревень с их традиционной культурой». Однодворцы, по словам автора, более сдержанны, осторожны в общении с незнакомыми людьми, более вдумчивые. Потомки крепостных крестьян – более открытые, охотно общаются с каждым новым человеком, гостеприимны, с готовностью рассказывают о себе, но в дом пригласить стесняются, сетуя на то, что у них не больно хорошо.

И.С. Тургенев любил крестьян и увековечил память о них, сделав их героями своих произведений. К однодворцам у него было особое отношение и большое уважение, он считал их степенными, дельными. До последних дней И.С. Тургенев, будучи больным, понимая, что он больше не приедет в Спасское-Лутовиново, интересовался делами крестьян, переживал, что лето 1882 года выдалось очень жарким. Град сильно повредил поля каленских крестьян. Он сетовал, что со стихией невозможно бороться. У Тургенева были особые отношения с каленскими крестьянами, он помог им выиграть процесс у кулака Жикина. Во время реформы Тургенев делал все, чтобы облегчить крестьянам вступление в новую жизнь. И крестьяне платили ему тем же. Узнав о смерти своего великого земляка, они послали в журнал «Вестник Европы», с которым И.С. Тургенев был связан долгие годы, телеграмму о том, что спасские и каленские крестьяне отслужили заупокойную обедню и панихиду. С Щепкиным они отправили в Петербург «венки в сорок рублей». 27 сентября 1883 года петербуржцы и 200 делегаций со всех уголков России шли к Волкову кладбищу, провожая в последний путь великого русского писателя. За гробом несли множество венков, первым из которых был от земляков – спасских и каленских крестьян.

В год юбилея книги «Родине поклонитесь» хочется снова представить её читателям. В ней много интересной информации, она написана хорошим русским языком, это книга-память о нашем великом писателе И.С. Тургеневе, о людях, которые здесь жили и живут. Книга написана с любовью, с верой в человека, в его будущее, которое будет лучше, мы сумеем сделать его лучше, ведь «мы – народ юный и сильный, который верит и имеет право верить в свое будущее» (И.С. Тургенев).

ЛИРИКА В ПОЭЗИИ В.И. КОРНЕВОЙ

Книга Валентины Ивановны Корневой «Большак» (издана в 2010) – событие в литературной жизни города Орла. Книга красиво оформлена, издана на хорошей бумаге, хорошим тиражом, она есть в библиотеках и магазинах, её можно прочитать, можно приобрести.

«Большак» – прекрасное русское слово, взятое из глубины нашей памяти, ёмкое по значению и ассоциациям. Большак – это большая дорога, вспоминаем такие сочетания, как «дорога жизни», «дорогу осилит идущий», «дорога к храму». Конечно, автор выбрал заголовок не случайно, это её путь, единственный и неповторимый, где встречи и расставания, радости и печали поэта, созвучные переживаниям многих.

Функции поэзии многообразны: информативная, эстетическая, филологическая и другие. Поэт, когда пишет свои стихи, идущие от сердца, не думает об этих функциях, их находят другие: литературоведы, читатели, люди, к которым обращена поэзия. В этом сборнике В.И. Корневой мы наблюдаем постоянный эмоциональный диалог автора с читателем, передачу эмоций, вызывающую ответную реакцию. Искренность и лиризм – основные черты сборника, состоящего из шести разделов: «Старый колодец», «На перепутье», «Свет в окне», «Радунница», «Тайник Вселенной», «Сказание о Кромах». Переход от одного цикла к другому – это тоже движение, эволюция поэта, осмысление своего пути, жизненное кредо, ценности и принципы.

Цикл «Старый колодец» – это корни, семья, родословная, это основы, на которых формировалась личность будущего поэта, чем и как наполнялась её душа. И уроки бабушки были бесценными, они передавали народную мудрость, идущую из веков. Это были настоящие уроки нравственности.

*Мудрость вековую бабушка впитала:
«Лишь в труде да с Богом процветает род».
Кротости учила в обузданье нрава
И знаменьем крестным осеняла лоб.*

Родная земля, русская деревня, где церковь, колоколенка, погост – всё своё, родное, русское. Возьмём стихотворение «Голунь».

«Часто тоскую... Голунь – свет небесный... Глазу приветный родимый простор. Всё изначально. До боли знакомо. Холм над рекой. Серебро родника. В парке старинном, в местечке укромном, слышу, как шепчут седые века». И хочется цитировать всё стихотворение, так как такие места есть у каждого из нас: родные, близкие, любимые.

В стихотворении «Благодать» читаем: «Благоуханием наполнены деревья, травы и леса. Земля пречистая намолена, нисходят к людям Небеса». Здесь «благодать», здесь «русский дух». В стихотворении «Родословное дерево» – отношение к своей земле, к своей Родине: «кряжист дуб – родословное дерево», «крепь земная», «всё от Бога: кора и листва», «в сердце каждом есть древний запал, на земле мы своей». Духовный патриотизм, твёрдость духа начинается в семье, чтобы затем перейти на уровень государства, Отечества.

И закончить обзор этого цикла можно словами автора «большак, деревня – благодать». Снова народ наш славит Россию, за неё молятся русские люди.

И за славу России я сегодня молюсь.

Цикл «На перепутье» – это мысли о личности, о ценностях, о душе. Верность православию утверждает личность, сохраняет её целостность. Стихотворение «Сохрани на случай душу» – это обращение к каждому, «сохрани душу для вселенского добра, это призыв нести счастье, свет в мир, в котором мы живём, оставаться людьми. В стихотворении «Наперёд бы знать дороги» – раздумья о сущности че-

ловека, который создан, чтобы идти вперёд, выбирая часто неизведанные пути. Жизнь – это одна большая, длинная дорога – большак, где есть всё: «и тайна, и откровенье, и прозренье». Цитируем из стихотворения «Утоли мои печали».

*Утоли мои печали,
Божья Матерь, успокой.
Путь мой трудный – путь исканий...
Да пошли мне понимание
Да терпенья благодать...
Как любовь, твое посланье
Буду счастлива принять.*

И снова звучит, как молитва :

*«Не возмути в душе тщеславье и зависти не возмути...
Не погаси любовь, гордыня, к лозине, старому плетню,
К России, чьё святое имя крепило род мой на корню».*

Стихотворение выполняет функцию молитвы, является прошением, обращённым к Богородице.

Само святое имя «Россия» даёт и силу, и крепость, и духовность. Заканчивается этот цикл очень выразительным, сильным стихотворением «Я слышу дыхание Родины», в котором предстаёт вся прелесть среднерусской природы, с её неяркими красками, тропинками, кустами смородины, берёзками на взгорке.

*Я слышу дыхание Родины... Я злата себе не прошу...
А мне бы – дорогу на Спасское и мой новосильский простор,
Пушкарных старинные дворики, Тургеневский мой бережок,
Застенчивость тихого Орлика, на взгорке – берёзок кружок...*

Цикл «Свет в окне» наполнен проникновенной лирикой. «Ты прошёл по строке» – это классический пример русского лиризма – тонкого, глубокого, искреннего.

*Ты прошёл по строке, память вдруг всколыхнув
Звоном синих стрекоз тихим летом.
К соловьиной реке ты прошёл налегке
Песней первой любви недопетой...*

Или ещё:

*Я нежности цветок неяркий храню от северных ветров...
Любовь без нежности на свете всегда несчастна...*

Вот ещё лирическое стихотворение. Какая тонкость, какая глубина. «Ты у меня просил прощенья, и не простить я не могла, в душе – ни уголка для мщенья. Любовь всё место заняла». Так кратко и так много сказано о любви, о любящем сердце женщины.

Обращение к Богу, к Богородице пронизывает весь сборник, слова: «благодать, родина, Россия, вера, земля, небо» – ключевые слова в стихах поэта. «Благодать», о которой говорит поэт, – это присутствие Бога в этом мире. Православная поэзия неотделима от духовности родного бытия.

*Встретил родник благодатью,
Тайной Крещенской ночи,
Звездной мерцающей гладью,
Светом горящей свечи.
И засиял откровеньем
Мир, источающий Лик,
Как в родниковой купели
Неба высокого блик.*

Это удивительно благозвучное стихотворение из-за сочетания сонорных и гласных, лексики высокого стиля (родник, благодать, мир, лик, тайна, высокое небо,

купель) – всё это создаёт и торжественность, и поэтичность, и духовность стиха, тонко сочетаемого с внутренним миром поэта.

И снова о пути.

*Каков наш путь, отмеренный судьбою?
На Божьем промысле всегда печать.
И кто ведёт нас властной рукою?*

Этот цикл заканчивается стихотворением «Светлая пасха», праздником, посылающим радость душе каждого православного. Такие стихотворения вписываются в духовную традицию православия. В нём образ с русской душой – образ национального архетипа.

*Люди, радуйтесь! Светлая Пасха.
Колокольный звучит благовест.
В душах наших надеждой и лаской
Всё свершилось – Спаситель воскрес!*

В следующем цикле «Тайник Вселенной» автор ведёт искренний разговор с читателем о задушевном, большом, сокровенном, это эмоциональный диалог, предполагающий ответ, понимание, реакцию. Валентина Корнева делится своим счастьем, своей любовью, радостью и грустью, она открывает своё сердце людям, и это не может оставить читателя равнодушным. Читатели признательны и благодарны поэту, сумевшему выразить и их внутренний мир.

*Давай остановимся, отдохнём...
Ты помнишь лес и землянику в нём,
И трепетно дрожащие ресницы.*

Сквозь трели птиц пролился дождь с небес, и солнце радужно играло в бликах. Струился свежестью и чистотою лес. А волосы так пахли земляничкой.

Цикл заканчивается стихотворением «Пейзажи русские щемящей простоты»... Это картины природы, полные поэзии, греющие душу своим осенним разноцветьем, теплом, идущим от каждого листа, где

*...пахнет ливнем, вешним солнцегреем,
малиной спелой с летнего куста.*

Идеализация девственной природы и седой старины преследуют у автора цель возбудить в человеке врождённые «чувства добрые» – поэзию, доброту и любовь, которые приобщают нас к живому ощущению Красоты, которую В.А. Жуковский называет словом «невыразимое». Красота, тепло, нежность идут от стихов Валентины Ивановны. Читать их – радость, её слово отзывается в душе благодарностью. Пожелаем автору и дальше развивать лучшие традиции русской лирической поэзии. Процесс возвращения к духовности и общечеловеческим ценностям в литературе продолжается, и сборник орловского поэта В.И. Корневой «Большак» яркое тому подтверждение.

О КНИГЕ «Я С ПРИОКСКИХ ПОЛЕЙ» АЛЕКСАНДРА ЛОГВИНОВА

Александра Серафимовича Логвинова я знаю с дошкольных лет. Он приходил к нам, я с родителями бывал у него. Особенно вспоминаю одно лето, когда мы целый месяц провели в деревне у родителей Александра Серафимовича, сам он уезжал на неделю в музей Тургенева, где тогда работал, и приезжал в Шамордино на выходные. С нами в деревне была его жена (тогда для меня тетя Таня), сильная, красивая, молодая, весёлая, со звонким, заразительным смехом. Её звонкий, зали-

вистый смех заполнял все пространство: дом, двор, рощу, куда мы ходили, берег пруда, где он слышался далеко. Особенно в день приезда мужа (дяди Саши), который шёл пешком с остановки автобуса несколько километров. Всегда с рюкзаком за плечами и широкой улыбкой при виде нас на усталом лице. Все начинали смеяться, перебивать друг друга, рассказывая новости. Дядя Саша брал меня за руку и начинал расспрашивать, как мы тут живём, что делаем, собираем ли малину, ходим ли в лес по орехи, за грибами. А вечером он читал нам свои стихи, а потом они долго разговаривали с папой о своих делах, а мы с мамой и тётёй Таней уходили готовить ужин.

Александр Серафимович всю мою жизнь ассоциировался с обликом близкого друга нашей семьи, если даже в течение жизни мы уже не так часто встречались, но связь была всегда, до последних дней его жизни. Он всегда был почтителен и даже нежен с моей мамой, которую называл сестрой, так как она тоже Серафимовна. Их симпатии были взаимными, они долго могли разговаривать по телефону, он читал ей стихи, говорил на философские темы, ей нравилось слушать Александра Серафимовича. С Таней (женой А.С.) отношения были тоже тёплыми и доброжелательными. Мы вместе ездили отдыхать на море в Одессу (это была идея Логвиновых, так как кандидатская диссертация Александра Серафимовича была посвящена Бунину И.А.), и мы побывали там на даче Ковалевского, где когда-то жил наш орловец – лауреат Нобелевской премии Иван Алексеевич Бунин.

Когда я стал молодым человеком, Александр Серафимович начал беседовать со мной на литературные темы, о жизни в деревне, о проблемах, которые его волновали, читал свои стихи.

В нашей семье Александра Серафимовича любили как человека, ценили как поэта. А его строчка «Идут, идут упрямо мужики» часто повторяется нами в разных житейских ситуациях.

Вышла посмертная книга А.С. Логвинова «Я с приокских полей» (издатель Александр Воробьев, 2013, г.Орел). Жаль, что она не вышла раньше, три года назад, тогда сам автор был бы её редактором и составителем, и эта книга могла бы продлить ему жизнь. В Орле складывается плохо объяснимая привычка (не дай бог традиция) печатать посмертные, а не прижизненные книги писателей, а внимание им больше нужно при жизни, а не после смерти, чтобы на этом ещё кто-то и делал себе погоду.

Оценить все творчество поэта Логвинова в одной рецензии сложно, тем более что он был разносторонней личностью, оставившей след и как талантливый педагог, и философ в жизни, и гуманист по своей жизненной позиции. Название рецензии «Окоём» взято из стихов Александра Логвинова. Оно означает пространство, горизонт, чувство шири и дали, свойственное русскому человеку в его необъятной стране. Один из разделов сборника так и называется «Во мне – и пространство и время», представляя философию поэта, который был философом и в творчестве, и в жизни. Сборник «Я с приокских полей» – это мир поэта, мир сложный, порой противоречивый, объёмный, в разных ипостасях, в котором и жизнь, и судьба.

Первый раздел – «И это ты, моя Россия», в котором даже по названиям стихотворений можно составить образ нашей Родины, каким его видел поэт.

«Россия! Сердце неуёмное, страна берёз и рек страна, ветрами щедро наделённая, одним простором полонённая, непокорённая она!» Немного слов, но тщательный отбор лексики даёт характеристику страны динамичной с неуёмным сердцем, страны прекрасной с лесами и реками, страны свободной, непокорённой, где только щедрый ветер гуляет по её великим просторам. Россия у поэта – это стихия,

Мессия, путь которой не всем понятен. И тут же стихотворение о себе, своей малой родине, с которой поэт не расставался никогда.

*Не то, чтобы моя деревня всегда одна жила во мне,
Но это поле, лес, деревья и паутина на терне,
И вид покинутого дома, и лиловатый чернозём,
И всё, что с детства нам знакомо,
Что малой родиной зовём,
Во мне как жизненная веха, которую не обойти,
Где зримей сущность человека
И истинность его пути.*

Все здесь очень лирично, до боли знакомо каждому, художественная правда и правда жизни не разделимы, этот филологический вопрос здесь не стоит, но в памяти сразу всплывает пронзительное стихотворение «Тоска по родине» Марины Цветаевой «Но если по дороге – куст встаёт, особенно – рябина...»

Читая разделы сборника «И это ты, моя Россия», «Золотая моя сторона», находишь и такие стихи «О, Господи! Как тяжело на земле!», «И горек час. И горизонт тревожный...», «На родине без Родины живём», «Последний сын и племяни, и рода...». И можно при этом сказать словами из песни: душа болит, и сердце плачет. Александр Серафимович был свидетелем гибели, исчезновения деревень в родном краю. Вот и в его деревне остался один дом, это отчий дом поэта, где теперь его нет, но летом сюда ещё приезжает младший брат из Орла. Немало у поэта грустных стихотворений, но ведь и жизнь его, как жизнь многих хороших русских поэтов, была трагичной. Во всех стихах Александра Логвинова неравнодушная душа поэта, его боль и переживания о деревне, её людях, о беспросветности крестьянской жизни.

*Никогда ни о чем никого не просила,
Никогда ничего никому не сказала.
Только в этом смирение её или сила?
А скорее всего, ничего и об этом не знала.
Где-то жили вожди и творили вожди,
И чиновный народ – нескончаемым станом,
А по жизни её – все дожди и дожди,
И печаль на душе, что людьми мы не станем...*

Сколько смысла и значения в этих восьми строках. Это об одном человеке, это о каждом человеке, это конкретная философия обо всех людях. Как бы продолжая это стихотворение, хотелось бы привести четверостишие из другого стихотворения «Октябрь. Листопад». Оно об осени (в сборнике большая подборка стихов об осени, пушкинская традиция?), но по тональности перекликается с выше приведённым.

*Как будто года и години сердца изморозили всех.
И плачут, и плачут рябины
Тяжелыми гроздьями в снег.*

Природа у поэта – сама лирический герой. Она не просто красивый пейзаж, хотя и красивый, она и очень богата функционально: природа – дом, в котором живёт человек, природа формирует его мировоззрение, от неё часто зависит его настроение, а от природных стихий зависит и сама жизнь человека. Александр Логвинов тонко понимает и чувствует природу, и любит её. Возьмём ещё несколько стихотворений об осени.

*Вот и снова туманы в лугах,
Бег ночей замедляет планета,
И шафранной зарею в садах*

*Остывает на яблоках лето.
Тянет день паутинную нить,
В рощах пусто и пасмурно стало,
И прощально дождём моросит
Облаков лебединая стая.
Скоро, скоро мои журавли затрубят, улетая далёко,
И в осенних просторах земли
Сердцу станет опять одиноко.*

Стихотворение наполнено оригинальными метафорами: бег ночей, шафранная заря, лето, остывающее на яблоках, лебединая стая облаков, просторы земли и одинокое сердце. Грустное стихотворение, соответствующее какому-то периоду осени.

*И вот ещё об осени.
Горит лесов широкошумных шаль,
И с каждым днём светлей на косогоре.
И с каждым днём торжественнее даль
На золотом, на голубом просторе.
И равнодушна дней осенних даль,
И нет тепла в её открытом взоре.
И так чего-то бесконечно жаль
На золотом, на голубом просторе.*

Какой яркий образ широкошумной шали, которая горит, затем золотой простор, но природа равнодушна, нет тепла в её взоре, поэтому чего-то бесконечно жаль. Это чувство осенней грусти знакомо каждому, оно в нашем архетипе, в нашем коллективном бессознательном, само же стихотворение очаровывает своей светлой грустью. И ещё одно стихотворение об осени.

*Покой, покой, природа отцвела,
Оотбушевав, пришла к тебе с повинной,
До изморози нынче вдоль села
Позатянуло воздух паутиной.
И на подворье утренних дворов,
Стремясь зарю копытом в стойле высечь,
Встревоженною глоткою коров
Восходит день, над зелеными бычась.
И величав, и долог листопад,
Как боль души, что тихо ярость тушит,
Мальчишкою забравшись в сад,
Сбивает ветер яблоки и груши.*

Начало стихотворения о покое отсылает нас к известному пушкинскому «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Но дальше уже совсем другая история: о величавом и долгом листопаде, о боли в душе, что душил ярость (очень глубоко психологически) и великолепный финал о ветре-мальчишке, забравшемся в сад, сбивающем в нём яблоки и груши.

Ассоциации с классиками при чтении сборника стихов А. Логвинова возникают постоянно, и эта переключка с великими говорит о преемственности традиций, об их развитии. Вот стихотворение, которое нас сразу связывает с И. Анненским, его стихотворением «Среди миров». «И если мне сомненье тяжело, я у неё одной ищу ответа, не потому, что от неё светло. А потому, что с Ней не надо света». У А. Логвинова: «О, Господи! Как тяжко на Земле! Возьми к себе. На небесах светлее. Не потому хочу к тебе, чтоб вечно быть в раю. Хочу я знать, зачем я вечно тлею».

Оба поэта обращаются к мирозданию, одному – тяжело, другому – тяжко. У одного – сомнение, у другого – тленье. И тот, и другой ищут ответа, у обоих в стихах переплетены лирика и философия, так как она, философия, – краеугольный камень познания. Возможность сравнивать стихи Александра Логвинова с классиками, что видно на конкретных примерах, говорит о высоком уровне поэта, о том, что в стихах есть и истина, и красота, и любовь, всё, без чего не может быть настоящей поэзии. В книге есть раздел «О любви со мной поговори». В нём много прекрасных стихотворений. Возьмём вот это.

*Когда в полях засентябрит,
По зеленым пойдём, туманам,
И пусть сентябрь посеребрит
Всё, что казалось нам обманом.
В твоей судьбе, в моей судьбе
Рассвет улыбкою не зреет.
На обронённой в ночь тропе
Чужою радостью повеет.
И оживёт далёкий миг
Среди иных воспоминаний,
Что было счастье на двоих.
Да, было... и осталось с нами.*

Такие камерные, интимные, личные стихи! Но сколько сердец отзовется на этот грустный диалог о счастье, которое было. Продолжим из другого стихотворения, давшего название разделу о любви.

«Может, я немного передумал о земле, о людях, о веках. Может, я немного перепутал свет очей и отблеск в облаках. Все равно не уходи под вечер в роздымь угасающей зари, в этот час прощальной нашей встречи о любви со мной поговори».

В сборнике «Я с приокских полей» Александра Логвинова много стихов хороших и разных, каждый откроет для себя заново этого талантливого поэта, с которым не захочет расставаться. И вот, на мой взгляд, вся сущность поэта, всей его жизни и творчества в следующих строках:

*Остановлюсь. Глаза на миг закрою
И вижу, как с холмов, из-за реки,
Из века в век с надеждой и тоскою
Идут, идут упрямо мужики.*

Идут по жизни упрямые мужики по Руси, несмотря ни на что. Несмотря на холмы и дали, слепящие очи.

ОЛЬГА СОКОВА

О КНИГЕ ЛЕОНАРДА ЗОЛОТАРЁВА «ОРЛОВСКАЯ ЛАВРА»

Когда живёшь одна, бывает иногда грустно, одиноко. В один из таких томных вечеров я открыла книгу Леонарда Золотарёва «Орловская лавра». И что вы думаете? Вдруг исчез дефицит общения, читалось легко, до глубокой ночи, а утомление так и не наступило. Было ощущение, будто наяву общалась с персонажами

книги. Слушала, как декламирует стихи Пушкина его малоархангельский тёзка – мэр города – Александр Сергеевич Трунов, пробовала медку у Демьяныча, пила из родника в Кочетах, к которому ходил Лев Толстой. Особая радость приходила, когда я находила страницы о людях, которых знаю. Г.Б.Курляндскую мне посчастливилось рисовать. Правда, не с натуры, а с фото. Молодую, похожую на Джоконду. Помню, как она, когда я приходила фотографировать портрет, подарила мне шоколадку. В другой раз, в санатории «Дубрава», пожала мне руку. Точно угадал Леонард Михайлович внутреннюю силу этой женщины, которая ощущалась даже в эпизодах простого общения, я уж не говорю о её научных трудах. Автор блистательно показал связь личности Галины Борисовны с космическим, энергетическим, символическим началом, выводя образ – «сакральный крест», но всё же, не отлучая героиню от всего земного. В этом настоящее, талантливое, душевно искреннее творчество очерка.

«Пробуждение Девонской глины»- написано образно, с чувством любви, как и другие очерки. Много о Ж.А. Травинской было мне неизвестно. Но так цельно описать целую жизнь художницы! – Такое возможно только с чувством любви! Очерк «Живущая в камне» поэтичен. Я не знаю лично учителя из Малоархангельска Ивана Алексеевича Семеновского, но мне было интересно о нём читать. Вспомнилось, как в конце девяностых я, уже давно выпускница орловского худграфа, зашла в вестибюль института. Там висела картина на тему войны: парень нашёл среди обломков храма скрипку и самозабвенно извлекал из неё звуки. Я зашла в пустую аудиторию. Там стояло старенькое, списанное пианино. Играя на нём, я испытывала, наверное, чувства, близкие к тем, которые испытывал скульптор, создавая образ Сольвейг. У него «торопливо бежали пальцы, сминая куски глины», словно по клавишам фортепиано. В его душе звучала песня. И мне сыгранная мелодия помогла забыть о безработице, найти силы для творчества.

Очерк «Лебёдушки» написан с нежным трепетным вниманием не только к певуньям, местным жителям но и ко всей зареченской природе. Удивляет внимание к чувствам, внутренним переживаниям простых людей, например, это доярки из «Третьей высоты».

«В парке старинном» романтический синтез музыки, поэзии и чувств автора. Действительно, подлинная романтика выплывает из глубин литературы и воздействует на нашу жизнь. Иначе были бы прагматизм, суета.

До слёз тронул очерк «Русские люди» о Герое Советского Союза Б.И.Ковзане. Русский дух! Именно в таких, критических ситуациях он познаётся самими же его обладателями, так и не понимающими себя до определённых моментов. Воспоминания Ивана Терехова о войне оформлены в очерке «Сидор» живо, динамично. И хорошо, что история, происшедшая с ним во время войны, хорошо закончилась.

«Мой друг Саша Логвинов» написан с любовью, живо. Любопытно читать отрывки из Логвиновской книги о прозе самого Леонарда Золотарёва, сопоставляя его мнение с мнением Петра Проскурина.

«Демьяныч» – мастерски написанная вещь. До сих пор впечатление, что главный герой жив. А то, что упал с ракиты и что крест его стоит на пути к Абрикосовой пасеке – досадная случайность. Трогают воспоминания о том, что пчёлки трудолюбивые. Автор не скупится на них, и происходит чудо. Казалось бы, ушедший в иной мир Демьяныч, радуется о своём пчелином хозяйстве: «За мёдом летят, вылился мёд из бака...», пьёт чаёк за столом, под вековым дубом и рассказывает о немцах.

Журналистская хватка, пристальное наблюдение за будущими персонажами очерков не ведут к сухости, а часто помогают достичь душевности в описании героев.

Л.Золотарёв – уютный писатель. Большинство персонажей его произведений, словно члены одной семьи. Как так получается, что, читая книгу, живёшь вместе с её героями, словно давно их знаешь? Не оттого ли, что исток писательского творчества Леонарда Михайловича из своей собственной семьи, личности. Кто-то считает, что вовсе не обязательно вводить свою личность и близких людей в книги для общественного чтения. Но здесь возникает удивительный эффект: Личность, семья проходит процесс расширения. От личности, семьи – к другим орловцам или малоархангельцам- ко всем людям земли, к мировой культуре. Удивительный процесс уникальной личности, способной понять, прочувствовать мир не теряя любви и добродушного отношения ко всему.

НИКОЛАЙ ЦОКОВ

МОЁ МНЕНИЕ О СТИХАХ ЛЕОНАРДА ЗОЛОТАРЁВА

Шёл я как-то по Герценовскому мосту в Орле, и встретился мне Леонард Михайлович Золотарёв. Давно мы с ним не видались, ещё с тех времён, когда мы жили, можно сказать, за городом, в районе завода «Химтекстильмаш». В трёх домах, что стоят на краю леса. Золотарёвы жили тогда в доме – общежитии и приходили к друзьям своим Нине и Алексею Родиным – принять ванну, в общежитии ванны не было. А мы жили по соседству с Родиными, на одном этаже, тут мы с Леонардом и познакомились. Он работал тогда журналистом в «Орловском комсомольце».

С той поры я всегда с интересом читал его статьи и в «Орловском комсомольце», и потом в «Орловской правде». Но никогда не думал, что он ещё и стихи пишет. И вот недавно я, как всегда, покупаю в киоске литературную газету «Орловский вестник», а там целая поэтическая страница Леонарда Золотарёва, посвящённая 200-летию М.Ю. Лермонтова. Я, конечно, тут же их прочитал. И что интересно, в стихах Золотарёва я увидел народный юмор. Надо же, стихи о Лермонтове, таком страстном, трибунном поэте, а написаны с нескрываемой иронией, с юмором. Как так можно? А вот как. Не удержусь, приведу это стихотворение Леонарда Михайловича целиком.

Учитель

*Учитель на селе я. Среди дня,
Где складывать буквы танкисты
Когда-то учили меня,
В поре той бессмертной, неистовой,*

*Я русскому в пятом учу.
Задания про пословицы
Вчера дал, сегодня хочу
Спросить, что там, в народе-то, молвится?*

*Вначале пусть вслух наизусть
Читают «Бородино»...
Выходит к доске создание одно –
Стропила, слега, и пусть!*

*Читает: «Полковник наш рождён ухватом,
Слуга царю, отец солдатам...»
Смех в классе. Говорю ей:
– А что, по-твоему, «ухват»?
Голос в классе:
– Чем чугунки таскают с печки.
Говорю:*

*– Ну да. А это про солдат.
Своё «Бородино» у нас,
Орденосеи Гречкин,
Погиб он тут недалеко.
Тогда в сраженьи, в сорок третьем.
Как тот полковник, был герой...
– Кровь с молоком.
– Ну да. В малиновом берете.
И лёг майором под Сабурово.
А если б не погиб на нервной почве,
В полковниках ходил бы, это точно.
– А Лермонтов? Поручик всё? –
Спросила ученица Дурова.
– Да нет, – ответил ей с «камчатки» добрый малый. –
Поручику уж двести лет,
Добрался бы до генерала.
Сказал и я, учитель, на весь класс,
Подняв высокое забрало:
– Он Лермонтов, он Лермонтов у нас!
А это выше генерала.*

Думаю всё, как это здорово у него получилось. Про Лермонтова-то. Но где об этом вслух сказать, чтобы люди слышали. Позвонил Леонарду Михайловичу по домашнему телефону, который дал он мне при встрече на Герценовском мосту, а Леонард мне и говорит:

– Да вот готовлю не то сборник, не то журнал, что получится. Присылай. Пусть люди и тебя, Николай Егорыч, почитают. Посмотрят, какой ты у нас умный.

– Да неудобно как-то себя показывать, – отвечает. – Сроду не писал ни в какие сборники и газеты.

– Присылай, не стесняйся. Может, на старости лет и сам станешь стихи-то писать. В такую стихию втянет, узнаешь, что такое русское слово, что такое литература.

– Вот я взял и послал всё это по указанному адресу. А что? Был же когда-то солдатом. Может, тоже стану полковником, что рождён был «ухватом»? Смеяться, право, не грешно над тем, что ловко и смешно.

САМАЯ КОРОТКАЯ РЕЦЕНЗИЯ НА СТИХИ ВАЛЕНТИНА ВАСИЧКИНА

*Уж дни зазимком припорошены,
Читал уж трижды, извини.
Стихи, действительно, хорошие,
Опять понравились они.*

ВАЛЕНТИНА И ГИ ПОРСЕДДА

ПИСЬМА ИЗ ИТАЛИИ

* * *

Дорогая Серафима!

Спасибо за письмо. Рады, что вы закончили часть перевода... Сейчас хочется сказать несколько слов о впечатлениях от чтения Леонарда Михайловича. Ещё раз тронуты творческой щедростью, с которой написано «Легенды Крыма». Это – большая работа. Много там и трудных страниц, где идёт речь о событиях в Новороссии. Тяжело это читать. Но если говорить в целом об этой работе, то мне вспомнилось, что сам Л.М. говорил в одном из своих рассказов, что когда тема возникает перед писателем, то она сначала просится высказать её в стихах, а потом – в прозе. Это можно сравнить с тем, как маленький мальчик, под впечатлением от чего-то увиденного прибегает к матери и захлёбывается рассказывать: «Мамочка, смотри, что я нашёл!». Такое же впечатление на меня произвело «Легенды Крыма» – как будто огромная волна впечатлений-воспоминаний накрыла Л.М., и он щедро делится ими, боясь пропустить хоть что-то... А если говорить вообще о том, что я прочла из его работ (это – рассказы из «Орловской лавры»), то я очень благодарна Л.М. за то, что ему удалось показать, что нет высокого и простого искусства, нет «элитного» и «народного» искусства. Это деление – условное, а в жизни все это существует рядом, вместе, часто в одном и том же человеке. От этого жизнь кажется ещё прекраснее... Большой привет – ему и хорошего здоровья. А у нас сегодня – дождливый день. Ночью была гроза, гром гремел и разбудил меня (но Ги продолжал спать), пошёл сильный дождь (помыл нашу машину) и продолжался до обеда, а потом выглянуло солнышко и дождь перестал. И хотя на небе – облака, но и солнышко тоже. Температура понизилась до 14-16 градусов. С утра мы затопили камин. Сейчас, сидя перед компьютером время от времени поворачиваю голову, чтобы посмотреть, как весело он пляшет по дровам.

Всех вам благ, дорогие.

С любовью Валя и Ги Порседда

* * *

Дорогие наши друзья, мы вас приветствуем из Обернэ!

Здесь мы можем получать нашу электронную почту. Благодарим Вас за последнее письмо. У нас много вопросов к вам, и мы много думаем и говорим о вас. Ги сейчас читает снова Лескова и находится под большим впечатлением.

Размышления о Лескове и его писательском предназначении переплетаются для него с размышлением о Л.М., и он просил меня их вам передать. В одном из предисловий к французскому изданию Лескова автор приводит библейскую историю Авраама, который умоляет Бога не разрушать Содом и Гоморру, если в них найдётся хотя бы 10 праведников. И не находит, поэтому Содом и Гоморра были разрушены. Автор предисловия сравнивает писательское предназначение Лескова с тем, что делает Авраам, пытаясь спасти Содом и Гоморру, то есть найти в них хотя бы 10 праведников. Смысл творчества Лескова: найти эти чистые души, ради которых и сохраняется Россия, на которых она и держится. Причем Лескову удается сделать то, что не смог сделать Гоголь, он находит этих праведников, за которыми он не боится отправиться иногда на край света. Прочитав это французское предисловие к изданию Лескова, Ги решил, что и Л.М. своим творчеством делает то же самое, то есть ищет и изображает в своих книгах характеры чистые, самоотверженные, искренние и праведные, которые он находит не среди «выдающихся личностей», а в глубине народной жизни. Поэтому Ги и захотел, чтобы с творчеством Л.М. познакомились люди и в других странах, то есть и русские люди, живущие за границей, и иностранцы.

Дорогие наши, поздравляем Вас с Новым 2015 годом и Рождеством.

Желаем Вам всяких благ и процветания и в Вашей жизни, и в делах. В ожидании Вашего ответа.

Ждём встречи в Орле.

С любовью Валентина и Ги Порседда.

Для детей

ЛЕОНАРД ЗЛОТАРЁВ

РАССКАЗЫ О МИШЕ КНОПОЧКИНЕ ИЗ КНИГИ «ГРИБНОЕ СЧАСТЬЕ»

Бабушкин праздник

Бабушке Рае стукнуло целых полвека. Все вокруг раскричались: «Юбилей, юбилей! Надо это отметить!» И вот домой к ней пришли её сын и дочь. И привезли с собой к бабушке Рае своих детей: два внука и три внучки. Это почти целый класс у бабушки в её деревенской школе.

Бабушка Рая с дочерью стали расставлять на столе посуду, всякую еду, приготовленную вчера. И внучки кинулись помогать. А бабушкин сын принялся жарить на мангале привезённое из города мясо, готовить пашлык. И один внук тоже

стал ему помогать, а другой – Миша – стоял в сторонке и не знал, что ему делать со своей спичечной коробочкой.

Тут все принялись дарить подарки бабушке Рае. Миша с интересом наблюдал за всем этим. Одна внучка вручила бабушке кошелечек, вышитый бисером собственными руками. Другая внучка сама нарисовала картину про бабушкину корову. Третья внучка привезла с мамой из города торт.

– А ты что подаришь бабушке? – спросили старшего внука, который с отцом жарил шашлык.

– Да вот мы с папой тут... подарим бабушке шашлычок, – сказал этот внук. – Я тоже ещё с вечера заквашивал с папой мясо в ведре. Полночи не спал, волновался...

– А ты, Миша? – спросили младшего внука. – Что ты приготовил бабушке Рае?

Маленький Миша вышел вперёд, поцеловал свою добрую бабушку в щёчку и подал в руки ей спичечный коробок.

– И что там в нем, Миша? – удивились взрослые.

– Подарок-то ма-а-ленький такой, малозначительный. А ну покажи: что там в твоей коробочке?

И самая живая из девочек тут же открыла коробочку и заглянула вовнутрь.

– Ой! – закричала она. – Ой-ой-ой! Это жук колорадский!.. Он подарил ей жука, который вредит всем... бррр... картошку ест на огороде...

И все, даже взрослые, бросились смотреть на коробочку.

– А ну-ну! Покажите... Ой, какой полосатый, противный! – раскричались, запрыгали дети. – Зачем ты его принес? Вышвырни вон... вон отсюда...

Бабушка Рая наклонилась к Мише и тоже спросила:

– Ты где его взял, внучек? На нашем огороде?

– Я взял его на огороде у бабушки Веры, – сказал Миша с дрожью в голосе. – Смотри, бабушка, какой он маленький... самый маленький... и все его травят, все против него... А он такой тихий, мне жалко его. Я на его стороне...

Бабушка Рая, которая утром была на огороде, опрыскивала там у себя картошку, наклонилась к Мише, погладила его по головке, сказала добрым, ласковым голосом:

– Хороший подарок твой, внучек. Пусть пока поживёт у нас. А завтра мы отнесём его...

– Кому? – закричали дети. – Бабушке Вере?

– Отнесём куда-нибудь в лес, – сказала внукам и внучкам бабушка Рая. – Туда, где не растёт картошка, не живут люди. Где на него, дети, никто не будет показывать пальцем. С тобой вместе отнесём его, Мишенька, в лес, когда пойдем по грибы.

Кнопочка в холодильнике

Папа Мишин – бабушкин сын – собрался в гости к своей сестре и взял с собой Мишину маму и самого Мишу со старшим братом Виталиком, то есть Вениамином, но по паспорту – Валерием. Все они жили в городе. А у тётиного мужа был ещё и младший брат. Вот ему тёгин муж и сказал при всех, когда вся семья Мишиного папы пришла сюда в гости:

– Ты, Федя, погляди тут за ними, а то они бог знает чего тут у нас натворят. А у меня на столе разложен доклад, завтра его показывать Губернатору...

Все взрослые сели за стол, и пошли у них всякие разговоры. А дети направились прямо в главную комнату, но их оттуда прогнали. Там ваза хрустальная и на видном месте японский сервиз. Федя ходил по пятам за Мишей, всё старался не допустить его к книжным шкафом, чтобы не дай бог Миша не испортил какую-либо ценную книжку.

– Раритет! – поднял Федя перед носом Миши указательный палец.

– А что это такое? – удивился старший двоюродный брат Миши Валерий. – Доклад подразумевается, что ли, самому Губернатору?

– Много будешь знать, скоро состаришься, – заявил Федя и закрыл дверь в комнату, где лежал на столе доклад.

От нечего делать Миша с двоюродным братом присели вдвоём на стульчик. В коридоре прямо за холодильником. Большой, липецкий, совместного с Италией производства – холодильник этот занимал все пространство. С морозилкой. Гордость семьи. Ребята сидели перед ним тихо-тихо, тише мышки. Федя, который был уж, наверное, студентом, посмотрел на них свысока, зевнул пару раз и отвалил к взрослым.

А братьям тут сделалось скучно. Особенно Мише. Кузен Виталик пошел в ванную комнату воду пить. Миша слез со стула, встал прямо перед холодильником, как перед человеком, перед его двумя зелёными глазами.

– Чего мучишься? – сказал Миша холодильнику с его зелёными глазами.

Потом взял и подставил стульчик поближе, залез на него, чтоб получше разглядеть те зеленые, человеческие глаза. И видит с близкого расстояния: кнопочки, кнопочки какие-то, кружочки... Нажал на кнопочку, повернул кружочек...

После гостей муж родной тети Мишиной заметил, что из-под холодильника течёт ручеек, собралась уже целая лужа. Всполошились все, взбегались. Схватились за тряпку. Кинулись мастера вызывать.

Вот ей-богу! Не знаешь, что и подумать. Холодильник липецкий, совместно с Италией производства – новый, как часы работал, а ведь потек. Явился мастер, жена вытирала лужу, муж суетился возле мастера. Раздался телефонный звонок. Звонил Мишин папа:

– Посмотрите, работает ваш холодильник? Миша говорит, нажал у вас там на какую-то кнопочку.

Мастер улыбнулся, сказал:

– Вот вам и вся поломка. Холодильник у вас работает. Надо только нажать сюда вот, на эту самую кнопочку.

Теперь все зовут Мишу «Кнопочка». И, знают, что у Миши особое внимание к технике. Получше приглядывайте за ним, когда Миша приходит к вам в гости. И этот случай стал веселой историей в биографии Миши, которую в шутку люди просят иногда повторить.

Кот Васька прячется в коробке

Теперь как только Миша Кнопочкин со своим папочкой и мамой придут к кому-либо в гости, так все хозяева навьютяжку стоят у своих холодильников. У всех розеток, дырочек, кнопочек, куда только что-либо втыкается и вытыкается, включается и выключается чтобы не произошла какая-нибудь авария, какое-нибудь серьезное происшествие. Например, не взорвалась бы где-нибудь газовая плита или корабль где-нибудь не утонул. С маленькой дырочки все начинается, с кнопочки...

А Мише кнопочки эти теперь не интересны. У каждого холодильника, бумбокса, магнитофона торчит теперь по часовому. Как Бумбараши. Переключаться Миша стал на собак и котов, на мышей и кротов.

– Мама! – кричит он в другую комнату, где мама собирается опять в гости, но теперь к другой своей двоюродной сестре. – Мама! Скажи, почему кротов называют «потуторами»?

– Так называют, – отвечает мама, причёсываясь и держа при этом шпильки во рту. – Ну, то по эту, а то по ту сторону землю роют... кроты эти...

Пришли они с мамой к её кухне, а у них детей нет, существует только кот Васька. Культурный такой, говорят, обходительный.

Европеец! Любимец наш Кот.

Посмотрите, как важно идет.

Как хвостом сам с собою играет.

Миша только с порога и хватить его за шкурку. Нашёл старый утюг и давай коту бок гладить, потом сзади начал в него вилку втыкать, как в розетку. У маминой двоюродной сестры Клавдии Петровны аж глаза на лоб полезли.

– Да ты что, Миша! Это ведь живое существо! Ему больно, даже страшно... Это тебе не патефон, не проигрыватель «Вега», даже не радиоприёмник «Беларусь»...

– Старьё какое, – ворчит Мишина мама. – Рухлядь всякая... Грамофон бы ещё сохранила. С пластинками Анастасии Вяльцевой...

Пока сестры выясняют между собой отношения, Миша шмыг мимо них и следом за Котом Васькой. Да за хвост его и давай возить, словно электровоз.

– Ты куда, Васька?! – кричит Миша коту, словно вагону. – В холодильник надо тебя? В телевизор? Туда вагоны не помещаются... Ладно, давай-ка лучше играть со мной в оловянных солдатиков.

– Где он видит оловянных солдатиков? – насторожилась Мишина мама, глядя на свою кухню. – Откуда они тут взялись-то хоть? Кто ими тут у тебя занимается, этими солдатиками?

– От сыночка погибшего остались, – вздохнула мамина двоюродная сестрица. – Заберите их на память, что ли, да хоть сейчас... А где же наш кот, мадам? Миша, куда делся наш кот? Миша, где он, ты не видел кота?

– Не видел, – говорит Миша. – Он, наверное, в телевизоре.

– В телевизор запихал? – всплескивает руками мамина двоюродная кузина.

– А может быть, в стиральной машине? – ещё веселее говорит сестрам Миша.

– Господи! Неужели ты в ней кота хотел постирать? – не выдерживает даже мама. – В конце концов, где же кот Васька-то, где?

– Может в парикмахерскую пошел? – Миша смотрит на маму вовсе веселыми глазками.

– Зачем?

– Побриться надо коту, – смеется Миша. – У него же усы.

– Господи! Он его ещё, наверное, и брил! – ахнула кузина мамина – хозяйка квартиры. – Чем ты, Миша, брил его?

– Я не брил вашего кота, – говорит Миша уже как можно спокойнее. – Я только за ногу его немножечко дёрнул и за хвост потаскал. Потом взял и подцепил к нему вагоны, как к электровозу...

– Вот дураки-то мы с тобой, а? – всплеснула руками двоюродная кузина. – А если бы в окно пошёл твой поезд с вагонами! Он бы все стекла мне переколотил...

– Зачем ты вагоны Мише дала играть? – упрекнула Мишина мама кухню.

Бросились сестры искать кота Ваську по всей квартире. Может, он на балконе? Может, дверь оставили приоткрытой? Васька выскочил наружу, на лестничную площадку, а там и на улицу. Выбежали сестры во двор, спрашивают соседей: «Не видали нашего кота? Белый такой, с серым пятном на спине... Европеец, любимец наш кот!» Нигде нет его: ни наружи, ни дома в самой квартире. Так расстроились все, ну и Миша, конечно. Бегал Миша всюду вместе со всеми, едва не заплакал, когда взрослые прекратили всякие поиски. Решили повесить на столбе объявление.

Едва вернулись домой со двора, а кот Васька уж тут как тут. Вышел из-под дивана, из своей тайной картонной коробки. Смело идёт прямо в Мишины руки, ниче-

го не боится. Миша к нему, кот назад, от него и обратно в свою коробку. И давай драть её изнутри когтями, свой характер показывать...

На другой день мамина кухня пришла к ним домой, принесла своего кота Ваську поиграть Мише. Так кот Васька у Миши тут и остался. В конце концов, и прижился.

Миша теперь за хвост его не таскает, вагоны за ним, как за электровозом, не возит. Играет с Васькой в оловянных солдатиков. Кот служит ему за генерала неприятельской армии. Отдаёт команды наступать, отступать. Миша бросает в Бородинский бой кавалерию, защищая свою страну, такая-то в доме теперь катавасия.

Как Миша осваивал телефон

До школы Мише ещё далековато, но осень уже на носу. А Миша не знает пока ни одной буквочки. Не умеет ни читать ни писать, ни даже считать. И наотрез отказывается заниматься. Хотя до десяти Миша по пальцам считать научился. Десять рублей – столько стоит мороженое «пломбир» в соседнем киоске. А Миша любит именно этот «пломбир». И, когда мама даёт ему денег, Миша сам его покупает, сам и ест с преобладающим удовольствием.

И вот мама купила Мише разрезную азбуку, чтобы из разрезанных букв научился он составлять хотя бы слово «пломбир». Но Миша азбуку зашвырнул куда подальше, сосредоточился на старом мобильнике, который на днях сунул ему в руку папа.

Папа и стал всерьёз учить Мишу работать с мобильником как с аппаратом. Положил папа свой красивый, нарядный мобильник рядом с Мишиным стареньким телефончиком, тыкает пальцем то в одну кнопочку, то в другую, то в третью:

– Вот так и вот так. А теперь гляди, что будет... и слушай сюда...

И тут же в Мишином телефончике раздаётся звонок, верещанье какое-то, музыка. Папа прикладывает Мишин мобильник к уху Мише.

– Слушай, – говорит он сыну. – Что сейчас слышишь в этой вот маленькой трубочке?

– Ничего не слышу, – ёрзает Миша на своем тоже маленьком стульчике. – Нет ничего в трубочке, папа. Нет, никакого звука. Молчит твой аппарат. Госаппарат.

– А сейчас послушай, что будет, – говорит Мишин папа и выходит в другую комнату со своим телефоном.

Говорит папа что-то там, в другой комнате, а Миша опять ничего оттуда не слышит. Потом берёт и приоткрывает дверь, кричит Мише оттуда:

– Слушай, слушай свой телефончик!

Миша сильнее прижимает к уху свой аппаратик и что слышит? Папин голос. Очень сильный, и знакомый, и радостный.

– Ты меня слышишь, Миша?.. Скажи что-нибудь... Скажи: слышу, слышу, папа, тебя... Повторяй за мной: «Европеец! Любимец, наш кот...»

– «Любимец наш кот» – кричит Миша в телефонную трубочку, и в ответ слышит в ней опять-таки папин голос.

ПАПА. Дальше, дальше говори про кота Ваську.

МИША. «Посмотрите, как важно идет».

ПАПА. Дальше, дальше.

МИША. «Как хвостом сам с собою играет.

На плече посидит,

В телевизор глядит,

На столе у меня засыпает...»

Возвратился папа из другой комнаты, потрепал Мишу по щёчке и говорит:

– Ну вот, первое крещение пройдено. Дело пойдёт, будем теперь с тобой общаться по телефону. Станешь начальником, отца-то не забывай. Когда уйду, уеду куда-нибудь в командировку, позвоню тебе, а ты возьмешь эту трубочку, приложишь к уху и услышишь мой голос. А я услышу твой голос, Миша. И станет нам с тобой хорошо... И мамин голос услышишь тоже. Если ты дашь ей, конечно, свою эту волшебную, совершенно чудесную трубочку. Дай только нажать ей на эту маленькую такую, зелёную кнопочку...

– Хорошая кнопочка, Миша?

– Хорошая кнопочка! – засмеялся радостный Миша. – Хорошая, папа. Ты всегда будешь близко, как будто со мной через стенку...

Папа кладет на стол Мишину трубочку мобильного и рядом с ней кладёт свою трубочку мобильного.

– А теперь повторим, – говорит папа. – Нажимай, Миша, на эту вот кнопочку. Загорится свет, как в окошке, запикает... Возьмёшь в руки трубочку и, слушай сюда, услышишь мой голос.

Мама сказала: чтоб научить Мишу звонить, куда хочешь, сначала надо научить Мишу цифрам. Иначе ничего не получится. Сама мама звонит ему отовсюду. Когда ему спать ложиться, когда Мише даже уже в постельке своей. Так интересно! В ответ Миша сообщает маме обо всём, что тут у него, когда она в магазине или в поликлинике, когда мама ещё где-либо. Миша сразу включает свой телефончик и к уху сразу. Так все теперь во дворе и зовут Мишу – Мальчик с трубочкой.

– Алло, алло! – кричит он, радуясь, маме. – Я хочу чаще слышать тебя, твой голос, мама! Позвони мне ещё! И ещё... и ещё...

Мама пришла из магазина и принесла Мише арбуз – астраханский! Нет, оказывается, наш – орловский. Какой-то дедушка сам вывел сорт. Вырастил, такой кругленький, небольшой такой, зато красный изнутри, сладкий, хороший арбузик. Так это нравится Мише: есть арбуз дедушкин и в то же время разговаривать с мамой в соседней комнате, нажав в ответ маме на эту вот маленькую зелёную кнопочку.

– Мама, – просит Миша, – научи меня звонить. Сам хочу звонить. И папе, и твоей сестрице кухне – Петровне.

– Научу, научу – говорит ему в телефончике мама. – Научу звонить не только папе, кухне, но и многим, многим другим.

«Скоро в школу. За окнами август. От дождя потемнели кусты». – Это так поёт мама на своей кухне. А папа сажает Мишу перед собой и говорит:

– Надо, братец, готовиться в школу. Цифры-то ты, голубчик, освоил. А вот разрезную «Азбуку» забросил и читать не учишься. Никуда не годится.

– Будет наш Миша, скорее всего, инженером, – подаёт голос мама. – Будет Миша иметь дело с машинами. А не, как отец, с книжками.

– Что же, если дело иметь с машинами, – говорит Мишин папа, – Мише не надо книжки читать? В школу парню скоро идти. Купить надо школьные книжки. Завтра же пойду и куплю...

И тут раздаётся звонок в дверь. Приходит кухня мамина – Татьяна Петровна.

– Ну, как тут кот Васька? Ничего? – оглядывает она помещение. – Вот что Мише я принесла, – подает она Мише мобильный телефончик. – Настоящий, фирмы «Нокиа». Идёт Миша осенью в школу, будет оттуда домой звонить.

С радостью Миша принимает подарок.

– И тебе буду звонить, – говорит он маминой сестрице двоюродной. – И тебе, Петровна.

Научили-таки Мишу звонить, самому пользоваться телефонной трубочкой. Целый месяц учили. Прицепили к Мишину мобильнику длинный такой, спе-

циальный шнурок. И шнурок этот на шею Мише повесили. Несколько раз Миша выбегал во двор и звонил оттуда на домашний телефон.

И вздохнули Мишины папа и мама теперь облегченно. Посчитав, что Миша готов к школе.

– Прилично готов, – подтвердила мама. – Да, Миша?

– А читать книжки, – сказал Мишин папа, – его в школе научат. Кот Васька, например, в букваре уже свое имя читает.

Как Миша вошёл в интернет

Пришёл к Мише его брат двоюродный – кузен Витамин. Ну, которого по свидетельству о рождении зовут Валерианом. Лет на шесть старше Миши, а такой дока, на все руки мастер. Особенно по сотовым телефонам! Увидел у Миши его новенький, хороший такой мобильник – подарок маминой кузины. Тут же хватя его левой рукой, а правой сдернул его с Мишиной шеи. И давай тыкать пальцем по всяким кнопкам, туда-сюда, без всякого разбору.

– Что ты делаешь? – испугался Миша. – Поломаешь, как я буду звонить маме?

– Чего бояться-то? – засмеялся Мишин кузен. – Я уже с таких лет, как ты, работаю на чужих аппаратах.

– Своего, что ли, не было? – насторожился Миша.

– Свой жалко, – сказал откровенно кузен Витамин. – На чужих и учатся.

И стал тыкать пальцем, туда-сюда, во всякие кнопки. Открывать и закрывать всякие программы, высвечивать цифры, слова на английском языке.

– «Гаджет», называется, – вошел в раж Витамин, – сейчас мы с тобой в Интернет войдём и будем в нём, как свои. Ходить будем по всем странам и континентам...

– Поломаешь! – взмолился Миша. – А ну, дай сюда, дай!

– Отец новый купит, – сказал Витамин – кузен. – А этот выбросишь. Видал, сколько подержанных валяется по магазинам? Подержал и выкинул, понял?

– Не понял, – готов был расплакаться Миша. – Я хочу этот, другой мне не нужен.

– Ну, ладно, – согласился его двоюродный кузен. – У нас в Суворовском училище круговая порука. Пускают такой аппарат по кругу и сразу в несколько рук ходят по всем этим кнопкам... по всемирной паутине, понял?

– Круговая порука? – заинтересовался Миша. – И что это, Валера, такое? Так интересно.

– Вот! Тыкай пальцем сюда и сюда, вместе со мной. А когда что не так – отец ремень из штанов вынет...

– У меня дедушка в руки ремень не берёт, – говорит Миша. – «Всемирная паутина»... так интересно...

– Вот сюда и сюда нажимай, – продолжает Витамин. – Что случится – скажешь, что это я поломал... А я скажу дома, что это ты поломал. И стоять до конца... Круговая порука...

– Нет, – замотал головой Миша. – Я в круговую поруку играть не хочу. Нечестно. Я хочу играть во «всемирную паутину»...

– Ну вот, – стоял на своём Витамин – Валерий, Мишин кузен. – «Всемирную паутину» тебе подавай, а круговую поруку тебе не надо. А во «всемирную паутину»... в Интернет этот... просто так не войдёшь.

– Почему Интернет, что так называется? – удивился Миша. – Два названья – как имя и фамилия?

– Как вот я, – сказал Мишин двоюродный: Валерий – по свидетельству о рождении, а так все зовут меня Витамин.

– А-а, – сказал Миша. – А кто же я тогда?

– Ты – Миша, это ты по свидетельству о рождении, – сказал Витамин – Валерий. – А так во дворе тебя зовут Кнопочкин. Мальчик с трубочкой. Вот как!

И теперь уже вдвоём они занялись тем, что один Миша никогда бы не догадался: уйти куда-то далеко-далеко по лесенке из кнопочек, картинок в сотовом телефоне, которые увлекают их в эту «всемирную паутину» без конца и без края...

Пи-пи-пи... Пи-пи-пи... И голос чей-то мужской:

– Это Средиземное море. Пассажирский корабль «Атлантида». А это к вашим услугам я – писатель Владимир Крупин... Это Россия? Вы откуда – вы из России?..

И снова пи-пи-пи... пи-пи-пи... Голос пропал.

Миша дернул за рукав Витамина:

– Почему голос пропал? Я не хочу, чтобы он пропадал.

– Чайка слопала, – сказал Витамин. – Пролетела мимо и слопала. Проглотила как муху.

– А корабль? А писателя Владимира Крупина?

– Этим что? – засмеялся двоюродный Мишин кузен Витамин. – Эти дальше идут своим курсом. Это и называется Интернет, мы с тобой связались с «Атлантидой», попав во «всемирную паутину».

До самого вечера ждал Миша свою бабушку. Все хотелось рассказать ей, как с Валерой они побывали сегодня в сказке. Чудо какое! Слышали они шум волн Средиземного моря, корабля «Атлантида» и голос какого-то Крупина, так не похожий папин.

Чёрная жемчужина

Мария Васильевна знала, что у неё в группе в этом году будет африканец, из дружественной Анголы, и готовилась к этой встрече. Человек с детства говорит на французском, этот язык у них второй государственный...

Войдя в аудиторию, она сразу же увидела среди своих «бледнолицых» загорелое лицо, кудрявую голову и белозубую улыбку.

«– Шансель», – представился анголезец.

– Хорошее имя, – сказала она, – означает «удачливый».

Для этого занятия Мария Васильевна приготовила студентам свою любимую тему: «Мой круг чтения, мои любимые книги». Это нелегкая тема в наше интернетное время. Пишут на французском языке.

Проверяя работы, она не нашла у Шанселя ни одной ошибки. Оказалось, он был очень начитанным, знал Дидро, Руссо, Мольера, Вольтера. «Да что же это такое?» думала Мария Васильевна. – Дидро? Это его библиотеку купила Екатерина Великая? Ну, философ! Но я-то не Екатерина, я ничего его не читала. Что же делать, читать Дидро? Нет уж».

В аудитории, комментируя сочинения, она сказала, что надо читать современных авторов, что Дидро – это восемнадцатый век, древность и порекомендовала ему роман «Зази в метро», где современный разговорный французский язык, который он прекрасно знает.

Следующий раз Шансель удивил её тем, что по индивидуальному чтению взялся читать «Орля» Ги де Мопассана.

– Что за фантазии? – сказала она. – Зачем Вам эта фантастика, у нас она не приветствуется. Уж если читать Мопассана, то читайте «Пышку», которую Флобер оценил как шедевр.

Студент объяснил, что у себя дома, на экзамене по французскому языку, они писали диктант из «Орля», он тогда ещё не читал это произведение, а теперь решил восполнить этот пробел.

– Не знаю, не знаю – ответила Мария Васильевна, – советуйтесь, что выбираете читать.

И уж совсем Шансель достал её на занятии по домашнему чтению. Они разбирали новеллу Мопассана «Мадемуазель Перль» (Жемчужина). В результате обсуждения все, в том числе Мария Васильевна, пришли к выводу, что молодой человек, друг семьи, поступил верно, когда на праздник Епифании, раскрыл секрет хозяина дома, главы семьи и мадемуазель Перль. Её взяли в семью на воспитание младенцем, которого нашли в коляске, в саду под новогоднюю ночь. Она стала членом семьи, её полюбили, воспитали как родную дочь. В то время господин Шанталь, теперешний отец семейства, был подростком и обручён с девушкой, на которой впоследствии и женился. Мадемуазель Перль и господин Шанталь росли вместе; как у них возникло чувство, когда они полюбили друг друга, никто не подозревал. Для каждого из них это была величайшая тайна. И вот молодой друг семьи раскрывает их тайну, о чём каждый из них в семье боялся признаться даже себе.

При обсуждении все сходились на том, что это хорошо, что это делает их счастливыми, так как они знают о чувстве другого и т. д. и т. п.

И только Шансель сказал, что это было плохо, некорректно со стороны молодого человека. Он разрушил гармонию семьи.

«Опять этот Шансель, – возмутилась про себя Мария Васильевна. – Что же с ним делать?»

И нашла. Да, он знает французский язык, прекрасно говорит, у него богатый словарный запас. Но он не знает точных формулировок грамматических правил. И началось: фютюр иммедиа, пассе дан ле пассе, кондисьонель вторая форма и так далее. Шансель пытался, учил, стал делать ошибки в упражнениях. В результате не сразу сдал зачёт по грамматике. Мария Васильевна была в восторге. «Я научу его французскому языку!».

Шансель перевёлся в Москву. Закончил университет, затем аспирантуру. Защитив диссертацию, он приехал сюда, прошёл конкурс на заведование кафедрой, где его начинали учить французскому языку.

Весной Мария Васильевна сама проходила по конкурсу. Шансель с преподавателями присутствовал на её открытом занятии. Анализируя её урок, Шансель сказал, что она замечательно знает грамматику, она тонкий психолог и замечательный педагог, это ей он обязан тому, что он сейчас тут с ними. Мария Васильевна подумала: «Неисповедимы пути господни». Увидела синее весеннее небо за окном, улыбнулась Шанселю и пригласила всех на чай с её любимым шоколадным тортом «крепиль».

ТРИ РАССКАЗА ИЗ КНИГИ «СВИРИСТЕЛИ»

Песня жаворонка

Ранним утром мы собрались в лес за грибами. Идём полевой дорогой, по сторонам хлеба да хлеба. А в них васильки да васильки, синие-синие. Как небо, что брызнуло со своей высоты и осталось в этом поле до самого горизонта. И тут выпрыгнула на дорогу, бежит впереди нас какая-то птица, похожая на жаворонка. Так и есть, жаворонок. Поскачет, поскачет вперёд и остановится. Оглянётся и смотрит на нас, не отстали ль мы, догоняйте.

– Это он нам дорогу кажет, – сказал мне папа. – Ишь, какой молодец.

На развилке жаворонки свернул направо, к Арендовому лесу, и через несколько шагов взмыл в небо. Тут же поднялся высоко-высоко и зазвенел на всю округу свою высокую песню.

– Папа, – говорю я, – это он дорогу нам в Арендовый лес показал. Там, скорее всего, грибные места, а не тут направо, в посадке.

И зашагали мы дальше полем. Под шаг свой солдатский: «Раз, два, три... раз, два, три...» И откуда-то сами взялись слова. И запели мы песню: «Раз, два три. Раз, два, три.

*Пахнет мёдом, пахнет мятой
Поле луговое,
И шагаем мы, ребята,
Стороной родною».*

И так от гречихи за речкой пахло мёдом, пахло мятой с лугов заречных. И пчелы с жужжаньем крутились вокруг, собирая с полевых цветов нектар.

И вдруг огромная чёрная птица летит прямо на нас. А за ней гонится небольшая серая птичья стайка. То – коршун, а это – пичуги. Гонятся птички за коршуном и вдруг все разом на него со всех сторон – только перья летят, только крики, удары клювами, крыльями. Вот вырвался коршун, спастись бросился – пониже, пониже полетел над полем, чтоб стать незаметным. Однако не тут-то было. Парящий сверху жаворонки висит под коршуном, оповещая пернатую стайку, и стайка гонится следом, не давая коршуноу опомниться, собраться с силами, скрыться.

– Ага, ага, коршун! – кричу я, и папа мне помогает, мы вместе кричим. – Натворил делов, теперь отвечай! Вот так защищают гнёзда, птенцов своих, лес свой и поле.

И коршун, напуганный стайкой, куда-то делся, не было из коршунья теперь никого поблизости. А стайка росла, слетались пичуги со всей округи. А жаворонки висел высоко-высоко и, вдохновляя всех, пел свою песню о солнце, о поле. И мы её пели, как могли, как умели. Слова были те же, что пелись недавно с утра.

*Пахнет мёдом, пахнет мятой
Поле луговое,
И шагаем мы, ребята,
Стороной родною.*

В лесу щебетали птицы, а в поле шелестели хлеба, качались слегка васильки. На душе было радостно. Отчего? Жаворонки всегда в дозоре у нас в минуту опасности. Певец полей и лета. Ещё и указал нам дорогу на Арендовый лес, откуда мы несём целую сумку грибов.

До самого вечера висел жаворонки над нами, звенел и звенел свою летнюю, переливчатую, высокую песню о Родине.

Свиристели

Вот и осень. С нашей дачи мы переехали в город. С середины октября начались затяжные дожди. После лёгкого морозца пошёл снег, и в комнате стало светлее. И вспомнилось мне светлое лето в деревне. Солнце и птицы в Синяевском: белая длинноногая цапля, лунь с зелеными глазами, синички синие, журавлиные песни...

– Нет, папа, – сказал я, отложив в сторону учебник, – всё- таки лето лучше.

– Ой, смотрите, смотрите! – позвала нас мама к телевизору.

– Какая передача интересная.

Прильнули мы к телевизору. Рассказывали и показывали, как на окраине Питера дети увидели птиц, валявшихся на асфальте. Пособирали они этих птиц и побежали в зоопарк к специалисту: чудные какие-то птицы. Поставил специалист одного-двух-трёх на ноги, а они на ногах не стоят, набок валятся.

– Да они же пьяные. Где же они нализались?

– Не нализались, – сказали ребята, – а наклевались. Птицы не лижут, а клюют.

– Ну, наклевались, – поправил сам себя специалист. – А чего они наклевались? Это свиристели. Видите, на голове хохолок, на конце хвоста чёрная поперечная полоса, зубец небольшой над клювом. Ну да, это свиристели обыкновенные. Ну, и чего же они наклевались? Свиристели ягоды клюют. Что у вас там, какие деревья? Рябины есть?

– Есть, есть! – закричали ребята. – Целая аллея рябин.

– Всё ясно, – сделал заключение специалист. – Очень долго стоит тёплая осень, и кисти рябин забродили. Сок в ягодах забродил. А много ли птице надо? Клонул раз, клонул два и – набок.

– Выпил рюмку, выпил две

– Зашумело в голове! – во всё горло запел я ту самую песню, с которой летом мы возвращались в Синяевский с соймаиновской автолавки и несли дяде Ване бутылочку.

Передача закончилась, но свиристели не выходят у меня из головы.

Проснулся я наутро, в школу надо идти. Глянул в окно, а внизу за окном четвёртого этажа и у нас тут рябина краснеет, как в Питере. Вот такие кисти – огромные. Говорят, если урожай на рябине, быть зиме холодной. Стоит, покачивается рябина под тяжелыми ветками, а под рябиной яркие, красно-жёлтые ягоды на молодом белом снегу.

Но никто не налетал на нашу рябину, не садился на её виснувшие ветки, не клевал подмёрзшие ягоды. Разве что воробьи садились на нашу рябину, да и то ещё в прошлом году. Никто из них не валился на асфальт, нажевавшись жёлто-красных ягод рябины. Другая осень была. Да и воробьи не свиристели.

– Свиристели, свиристели,

Всю рябину просвиристели, – стал я складывать слово к слову, как ягодку к ягодке, чтобы кисть получилась покрупнее, поярче.

Да и опоздал в школу из-за этой телепередачи про питерских свиристелей и про нашу рябину под окном четвёртого этажа.

Каждый день теперь по несколько раз я нет-нет да и гляну за окно на рябину. Не прилетели ль к нам сюда свиристели из Питера? Урожай у нас на рябине отменный, есть чем тут им заняться. Но нет, не летят они к нам из Питера. Там же море, там климат мягче, там Васильевский остров и Зимний дворец. А тут у нас морозы. Как и в прошлом году, воробьи опять налетят и без всякой боязни будут клевать эти гроздья. Осень и у нас тёплая, но, к сожалению, свиристели водятся только на севере, в Питере.

Утром я по привычке глянул в окно и увидел на рябине ярких хохлатых птиц – свиристелей.

– Они прилетели! – обрадовался я. – Смотрите, какие красивые звуки! Свиристели.

Баритон серого волка

В окно постучали. Сергей Алексеевич подумал: «Должно быть, зовут к телефону? Прибежали из сельсовета». Сергей Алексеевич был в Подбелевце председателем муниципального поселения, но по привычке звал его «сельсоветом». Оказывается, принесли кутёнка.

Кутёнок был такой хорошенький, кругленький, увалистый, серый с тёмным носом, похож на овчарку. А может, это волчонок? Знали, кому приносить. Горазд Сергей Алексеевич на всякие выдумки: то привьёт грушу к яблоне, то разведёт индоуток, ондатр, которых после возьмёт и выпустит в речку.

И стал жить у него этот кутёнок. Сергей Алексеевич приглядывается к нему и не поймёт, собачонка это растёт у него или волчонок? Подрос его питомец, больше стал похож на волчонка. На всякий случай Сергей Алексеевич днём начал сажать его на цепь, а на ночь иногда отпускал: пусть побегает. Неизвестно все же, волчонок это или молодая овчарка? По Подбелевцу поползли слухи: волк у Горбатова появился. То тут курицу стянет, то в другом конце села собаку придушит. Пришла к Сергею Алексеевичу целая манифестация.

– Волка держишь, всю округу терроризируешь, а ещё председатель. Сам пристрели или отдай охотникам, пусть пристрелят.

Молодой волк сидит на цепи. Когда на день, когда на ночь посажен на цепь, лишен воли. И люди, что заходят сюда во двор, как увидят волка, то швырнут в него комком, то запустят матерком. В общем, чувствует он к себе тут на селе враждебное отношение. И только хозяин относится к нему по-человечески: и кормит, и с цепи спускает, и иной раз ладонью проведет по спине.

– Как же тебя назвать-то? – говорит он молодому волку. – Назовём Вервольф. Ставка под таким названием в войну была у Гитлера, где-то под Винницей. Что значит «Волчье логово».

– Вервольф? Ко мне! – кричит Сергей Алексеевич и кидает ему половину индоутки. – Ешь, ешь, обормот. Скоро тебе и целой утки на день не будет хватать. Была бы собака, хвостом бы виляла в знак благодарности, а ты только зубы скалишь по-волчьи и повизгиваешь по-собачьи.

Совсем взрослым сделался этот Вервольф. Больше корма стало требоваться, больше давай ему воли. А где эта воля тут у нас в Подбелевце? Где вы её видали? Натянет Вервольф цепь что есть силы, так и стоит, тянется к лесу, виднеющемуся со двора.

Приходит как-то Сергей Алексеевич домой, глянул на будку, а цепь пуста, нет волка. Оборвал ошейник и убежал со двора. Убежал этот Вервольф неизвестно куда.

– Вервольф! Верво-о-льффф! – крикнул Сергей Алексеевич в сторону леса.

– Оо-ууу, – отозвалось, как показалось ему, из орешника.

Неподалёку поселился этот Вервольф от Подбелевца, от дома Сергея Алексеевича, от своей будки. В осиннике, где грибы лисички водятся, выбрал самое тёмное, глуховатое место. Вырыл яму себе в вымоине под шумящей осиной. Пока тут ему нравится: и по воле походит, по окрестным деревням, и домой к себе, к своей будке, к Сергею Алексеевичу, сходит. Всю ночь напролёт сидит он перед окнами, ожидает, когда на порог выйдет Сергей Алексеевич и швырнет ему ондатру или индоутку, а то просто погладит его по спине.

А живность в округе пропадает и пропадает. Собрались подбелевские мужики, позвали охотников. Целый день лазали они по лесам и перелескам. Кричали всё, грохали в пустые кастрюли и вёдра, выгоняли волка на охотников с ружьями, стоящих на «номерах».

«Шутки плохи», – подумал Вервольф и решил отсюда переселиться, куда подалее, в другое местечко.

И поселился он в устье Алёшни, впадающей в Зушу. Глухомань. Ни кола ни двора поблизости. Никого. И завыл как-то волк тут по-волчьи. Вот выл, разорвался, плакал вроде бы по судьбе своей, по одиночеству. Получалось протяжно и гулко. И летел, летел его голос по речке Алёшне, вверх до посёлка Синяевский. Тут-то его и услышал Иван Андреевич, сказал жене своей Нюре:

– Это волк воет. Сто лет уже не было волков в наших краях и нате вам, появился.

– Голос какой красивый, – ответила Нюра. – Прямо как в телевизоре. Баритон из Большого театра.

– Баритон – это такой голос, «красивый», – прислушался Иван Андреевич. – Это в устье где-то, волк подбелевский, должно быть от Сергея Алексеевича.

Каждый вечер садились на лавку Иван Андреевич со своей женой Нюрой и слушали волка. Выходили из дому сюда к ёлке, как на концерт. Совсем забыли, что это волк, что он плачет по воле своей, по одинокой судьбе. Они слушали его и говорили, какой у него то высокий, то низкий, красивый голос.

– Баритон называется, – говорил Иван Андреевич.

– Как в Большом театре сидим, – отвечала жена ему Нюра.

Они думали, что он поёт просто так, а он пел о свободе в тоске и одиночестве, плакал по своей волчьей безотрадной судьбе, про свои сто лет одиночества.

– Подбелевский волк, – заметила Нюра. – Зовёт, зовёт кого-то... подругу ищет себе где-то в лесах и степи.

– Подрос этот волк, – сказал Иван Андреевич. – Не может уже жить без радости и без семьи.

С тем теперь и уходили они домой, на ночь глядя, однако у двери в сарай с овечками Иван на всякий случай вешал ружьё.

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

ЖАР-ПТИЦА

Подснежник

*Прилетели в сад сороки,
Снег ручьями зажурчал,
Встал подснежник на припёке,
Головою покачал.
Призадумался немножко
На высоком бережку
И в зеленые ладошки
Взял по белому снежку.
«Что случилось? – грач гадает. –
Лед уходит по реке,
А снежок никак не тает
У подснежника в руке?»*

Озеро

*Весна всё разморозила,
Кольшется вода.
Заря глядит на озеро,
Светла и молода.
У чаек — праздник на волне:
Плывут,
плывут,
качаются...
И звезды с рыбками на дне
По вечерам встречаются.*

Аист

*Головой воды касаясь,
По болоту ходит аист,
Ищет свой обед:
Квакнет
или нет?*

Жаворонок

*Целый день над головой —
Колокольчик полевой.
Тесен луг ему и лес,
Знай, звенит среди небес.
Вьется крохотный комочек,
Не боится ничего.
В каждом перышке звоночек
Так и бьётся у него.*

Грибы

*Трава, умытая дождём,
Блестит и ниже клонится.
А мы грибы искать идём,
Они от нас хоронятся.
Шумят берёзы и дубы,
Цветами пахнет сладко.
Молчат грибы,
Весь день грибы
Играют с нами в прятки.*

Крапива

*В канаве крапива,
В канаве крапива,
Стоит одинока,
Стоит молчаливо.
Она лишь кусаться
Да злиться умеет.
Легко догадаться —
Друзей не имеет.*

Ссора

*У Олежки с Ваней ссора.
Ох, помирятся не скоро!
По углам они сидят,
Друг на друга не глядят.
Мать оставила дела,
Их обедать позвала.
Вот за стол ребята сели
И обиду с кашей съели.*

Кочаны

*В огороде кочаны
Вот такой величины
Наливаются.
Дед Мороз надел тулуп,
К кочанам ступ-хруп
Подбирается.
Заморозить их хотел,
Весь от злости побелел,
Ничего не вышло.
Кочаны в ночи лежат
Вроде белых медвежат
И рычат чуть слышно.*

Гора

*Как у нашего двора
За ночь выросла гора.
И на лыжах — эх!
И на санках — ух!
Разгоняются ребята
И несутся
Во весь дух.
А стемнеет —
Сразу тихо*

Станет около двора.
Как огромная слониха,
Спит,
Умаялась гора.

Галка

Галка сильно заболела
И, забыв свою семью,
Через форточку влетела
Прямо в комнату мою.
Стало очень галку жалко,
Накормил я булкой галку,
Уложил её в кровать
И оставил ночевать.
А потом её лечил,
Разговаривать учил.
А теперь она чуть свет
Мне кричит:
«Прриивет! Прриивет!»

Память о них жива

ДМИТРИЙ БЛЫНСКИЙ

ИДУ С ПОЛЕЙ

О стихах говорят в этом доме поэты.
Я у двери стою, не решаясь войти.
Где ты, смелость моя деревенская, где ты?
Шла со мною сюда, да отстала в пути.
Что принёс я с собой? На ладонях мозоли,
Запах лопнувших почек с весенних берёз
Да тетрадку стихов, где-то сложенных в поле,
Где-то сложенных в поле в жару и в мороз.
Я, как пахарь, их видел под лемехом плуга,
Как пастух, я встречал их в глазах у телят.
Даже вьюга, бездушная, колкая вьюга,
Мне стихами орёт так, что уши болят.
Где бы их ни искал я — в полях ли, в лугах ли, —
Нахожу в каждом колосе, в песне ручья,
Потому мои строки землею пропахли,
Как пропахла полынью фуфайка моя.
Рифму я не вертел за столом по неделе

*(Чем причудливей рифма, тем громче стихи).
На меня они сами, простые, глядели
То слезинкой цветка, то серёжкой ольхи.
Где ты, смелость моя деревенская, где ты?
Шла со мною сюда, да отстала в пути.
О стихах говорят в этом доме поэты.
Я стучу. Я вхожу. Я обязан войти.*

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

*Зайдѣшь к нам в деревню и скажешь: все близкие,
Далѣких по крови в ней нет никого:
Какая бы хата ни встретилась — Блынские.
Да что это — дети отца одного?
Сквозь годы карабкаясь
Тропкою узкою,
Я путь родословной своей узнаю.
Опять же фамилия наша нерусская,
Откуда взялась она в русском краю?
Здесь деды и прадеды жали и сеяли,
Без выезда жили в срединной Руси.
Имея ли хлеба кусок, не имея ли,
Тянулись к Христу:
«Сохрани и спаси»,
А он им — то зной вместо дождика спорого,
А он им — то град вместо солнца пошлѣт,
А он им помещика,
После которого
В сусеках считали мышинный помѣт.
И снова с извечным:
«О господи, выручи,
Избавь от сумы в середине зимы».
«А чьи ж вы, крестьяне?»
«Адам Казимирыча».
«Адам Казимирыча Блынского мы...»
И, хмурые, глухо роптали на барина.
Всѣ чаще в кругу толковали о том,
Что господом богом
Земля им подарена,
Что сеют, а ходят с пустым животом.
Горел в их глазах
Огонек нетерпения,
Скрывал до поры его каждый с трудом,
Пока он не вспыхнул на праздник
Успения пожаром,
Обнявшим адамовский дом.
С тех пор, хоть в указах о том не указано,
Прозвали фамилией барской крестьян.
И тот, кто носил её, с тем была связана
Презренная кличка — бунтарь и смутьян.*

*Запоротых до смерти,
Вижу их, словно я
Стою у раскрытых в столетья дверей,
Стою и горжусь, что моя родословная
Идёт от орловских крестьян — бунтарей.*

* * *

*В грубые передники одеты —
У кого в деревне ни спроси, —
Вечно мои прадеды и деды
Плотниками были на Руси.
Не на них ли с малолетства глядя,
В руки брали сыновья топор.
Потому и мастерами дяди
Значатся в округе до сих пор.
Сколько обтесал отец мой брёвен!
Вот они встают передо мной:
Если бы в одно сложить их вровень,
Был бы опоясан шар земной.
На земле стоят дома и хаты.
Где б я ни был, я как дома в них:
Может, здесь стучал топор когда-то
Одного из родичей моих.
Разве мы когда-нибудь забудем
То, чем родословная жила,
Коль несли крупицу счастья людям
Вздых пилы и поворот сверла.
Пусть пора иная наступила,
Век электропил — твоя пора!
Только родились электропилы
От простой пилы и топора.*

ПОЙДЁМ В МОЙ КРАЙ...

*Пойдём в мой край,
В поля, в луга Орловицны,
Нигде я лучшие края не встречал.
Я тут на «ты»
С любым ручьем и рощею,
Тут для меня
Начало всех начал.
Пойдём в мой край,
Где первоцветы веешние
Весною по-особому цветут.
Тут сказки ты узнаешь
Только здешние, «Матаню» нашу встретишь
Только тут.
Сам петь захочешь,
Наши песни слушаю.*

У нас такой в округе чернозём,
Что даже трактор
За рекою Зушею
На пааше светлым выглядит пятном.
А наша тройка-птица!
Не отсюда ли
Она впервые начала свой бег?!
Эх, рысаки мои!
В них столько удали,
Что славы хватит им на долгий век.
Тропинками извилистыми, узкими
Пойдём туда, где земляки мои,
Где по соседству
С соловьями курскими
Поют не хуже
Наши соловьи.
Пойдём в мой край.
Я покажу село моё.
В нём мило всё, хоть бедно до поры:
Простые хаты, крытые соломой,
Коровий рёв и песни детворы.
Весна.
Сузробы снега за калитками,
А по откосам рыжим, у воды,
Проталины подснежниками вытканы,
Последний снег
И первые цветы!
Дни перволетья —
Дни невыразимые.
Их нужно видеть, слышать.
Что слова?!
Пух тополей плывёт, цветут озимые,
Кричат стрижи и дремлет «сон-трава».
А бабье лето с тихою прохладою,
С весёлой грустью молодых берёз.
Над плёсом листья кружатся
И, падая,
Как будто искры, поджигают плёс.
Зимой у нас — что в русской сказке.
Где ещё
На свете есть подобная зима?
Представь —
Летящий снег и дуб седеющий, —
Да это же поэзия сама.
Пойдём в мой край,
В поля, в луга Орловицны.
Нигде я лучше края не встречал.
Я тут на «ты»
С любым ручьем и рощею,
Тут для меня
Начало всех начал.

РУССКИЙ БРОД

Над рекой, где в округе
Луга да сады,
Берега в чернобылье,
Как плечи крутые.
Обернувшись камнями,
Лежат у воды
Косоглазые воины хана Батыя.
Как ремнём,
Крутояр опоясан тропой,
Как в столетья,
Спускаюсь я к древнему броду.
Пой призывно,
Труба воеводская, пой, —
Тихо пращурь входят
В студёную воду.
Острота у воды и у копий одна.
На кольчугу похожа,
От ветра рябая.
Только как бы она
Ни была холодна,
Не потопит, не смоем —
Своя, не чужая;
Не дождавшись гонца,
Под навесом шатра
Спит Батый в отдаленье,
Как в маленьком храме.
Тризну русичи правят
Всю ночь у костра
И не знает Батый,
Что беда с нукерами...
Подо мною внизу
Закипает река,
Где седой и красивой
Легенды начало.
Паровозный гудок!
Это он сквозь века
Подав голос трубе,
Что призывно звучала.
Ребятишки, штаны
До колен засучив,
Мокнут днями на отмели
В схватке неравной.
И заводят девчата
Знакомый мотив,
Выходя к крутояру
С моей Ярославной.
Русский Брод!
Моя тихая станция...
Нет,

Тут не так уж по-русски
Богата природа,
Только, где б я ни жил,
Покупая билет,
Повторяю с волнением: —
До Русского Брода.

* * *

Черёмуха,
Весенняя, зелёная,
В саду пожаром белым зажжена,
Горит — бушует...
Даже невлюблённые
Вздыхают — за душу берёт она.
Горит — бушует сполохами белыми,
Да так, что стало, кажется, светлей
Под ивами, спросонок оробелыми,
Под ровным строем
Тонких тополей.
К ней жмется распутившаяся жимолость,
К ней тянется крушина от плетня.
Росою чистой
На рассвете вымылась,
Теперь спешит обсохнуть у огня.
Черёмуха...
С низовья ветер дунувший
Разжёг сильнее пожар — попробуй тронь.
Но подошёл к ней в синей майке юноша
И — обломал
И потушил огонь.
И вот теперь, беспомощная, робкая,
Она стоит, не мил ей майский сад.
Черёмуха...
Проходят люди тропкою
И на неё уж больше не глядят.
Когда плывут и тают песни зорьками,
Когда гармонь вздыхает над ручьем,
Как не заплакать ей
Слезами горькими,
Прижавшись к тыну девичьим плечом.

ИЗ КНИГИ «ЗЕЛЁНЫЙ КУПОЛ»

*Лес мой зелёный, укрой меня, беглого,
Я не убил никого.
Дай постоять мне у дерева белого
Тающей тенью его.
Вот и стою в тишине по колено,
Вот я и таю в тиши.
Будто бы вышел из долгого плена,
Будто бы камень с души.
В заводях дышит вода, как живая,
Воздух целуют во сне соловьи.
Всякая бабочка, травка любая –
Чуткие нервы мои.*

В грозу

*Застигнет мгла на самой круче,
Грозой повеет, как бедой,
Куда ни гляну – тучи, тучи,
Куда ни поверну ладонь.
Я упаду лицом в ромашки,
И станет выше древний холм.
И вдруг так памятно и тяжело
Ударит отдалённый гром.
И каждой каплей дождевою
И каждой молнией вблизи
Земля предстанет мне живою
И горькой памятью сразит.
И вспыхнут древние виденья
С тяжёлым топотом вдали
Во дни великого смятенья
И потрясения земли.
Летят, летят тупые стрелы
На свет соломенных жилищ,
И конь грызет пустое стремя
И дико ржет у пепелищ.
Я спал в зелёной колыбели
У птичьей песни на краю,
Когда железные метели
Покрыли Родину мою.
Свинцовых струй вражда слепая,
Цветов кровавая купель.
Мать. Мама. Девочка седая
Мою качала колыбель.
Пройдёт гроза, и вслед за громом
Ударят в голос соловьи*

*Всем существом, зелёным горлом,
Всей краткой силою любви.
Они поют за тех, пропавших
У птичьей песни на краю...
Как чутко древний свет ромашек
Овеял Родину мою.*

Спой мне, матушка

*За пропавшего без вести
В чуждальнем краю
Спой мне, матушка, песню,
Я тебе подпою.
Мама волосы зыбкие
Поправляла, грозя,
И со странной улыбкою
Мне смотрела в глаза.
И запела, и вывела
Издали-далека
(Будто душу всю вынула)
Про того ямщика.
Было что-то ранимое
В каждом звуке её
С колыбели родимое,
До кровинки моё.
Эти вьюги, как вести —
Скрип дверей на мороз.
Ах, как трудно от песни,
Как туманно от слез.
Песня облачком плавала
Над седой головой.
Мама пела, как плакала
Над своею судьбой.*

Мама

*По глазам туманы —
На тебя лишь гляну.
Мама, моя мама,
Исповедь моя.
Как же не заметил,
На каких полянах
Отшумела в сумерках
Молодость твоя.
Как же не заметил,
Что над домом долго,
Пролетая, иволги
Унесли твой смех?
Потому глаза твои*

Вешние поволгли
И, минуя осень,
Высыпал твой снег.
Годы те горящие
Опалили ландыши,
Спозаранок ранние
Вянули сады,
И со свистом ветер
Снегирей выкашивал
По сугробам, словно
Майские цветы.
Горевали горлинки
За рекой, за долом,
Отпевали горлинки
Горести свои.
На твоих равнинных,
Ласковых ладонях,
Если б знали,
Гнезда
Свили соловьи.

Равновесье

Светлый дождик идёт
Из отверстий для звёзд.
За холмами пасутся кони.
У меня, славянина,
Широкая кость,
Сини очи
Да голос спокойный.
Добрый гром мне — отец,
Поле чистое — мать.
Внук небес —
Выпал дар мне редкий:
Топну левой ногой —
Будет терем стоять,
Топну правой — и луг
Поднянется речкой.
Что мне надо?
Зелёный да синий покой,
Да крылатые брови песни.
Чтоб стучало
Живое оно под рукой,
Равновесье земли
И мое равновесье.
Пусть имели собирают
Свой радостный мёд,
Пусть вода
Прибывает в колодцы.
Но случится когда-нибудь —

*Сердце шатнет
От избытка осеннего солнца.
Упаду я в траву,
Никого не виня,
Тёплый дождик
Мой день занавесит...
Просто сердце мое
Станет больше меня,
Просто сердце меня
Перевесит.*

Дуэль

*За монастырской каменной стеною,
На грозовом стрижином сквозняке
Мой взгляд нетерпеливо остановит
Запекшаяся роза на песке.
Она мне тайну грустную поручит.
Последний срок. И вот он предо мной
В тугой корсет затянутый поручик,
По-прежнему удачливый и злой.
Разделят нас стрелой зелёной дёрна.
Горячий остров. Яркая вода.
Что, секунданты, сполоснули горло?
Прошу вас, начинайте, господа.
Сломает бровь высокую поручик,
Примериваясь к росту моему.
А почему мне не стрелять получше,
Скажите мне, поручик, почему?
Мне лучше знать, что я в туза вгоняю
Пять из пяти — холодная рука.
Уж я вам, сударь, солнце разменяю
На два тяжёлых медных пятака.
Но прежде чем нажать на спуск гремучий,
Почувствую, что он опередил —
Ударит в губы воздухом колючим
И перевесит крестик на груди.
Спектакль окончен, пробили куранты...
Как медленно сознание идёт.
И к публике выходят секунданты,
И руку мне поручик подаёт.*

* * *

*Вот облака летят сухой грядой.
Хочу понять я тайный знак природы,
Не в том, в чем мы различны меж собой,
А в том, какие нас питают воды.
Вот дерево зелёное стоит —
Мы тени одинаково бросаем.*

*И дерево шумит во мне, шумит,
И в дереве я тоже осязаем.
Хочу понять я жизни торжество,
Не в том её загадочном уходе,
А в том, какое у меня родство
Со всем, что в этом мире происходит.*

АЛЕКСАНДР ЛОГВИНОВ

ИЗ ЛИРИКИ. НЕМЕРКНУЩАЯ СТРОКА

Я с приокских полей

*Я с приокских полей,
Где, не очень паля,
Греет вдоволь июль,
Смотрит в небо солома.
Где земля как земля,
Тяжела и черна,
Необычно мила,
Необычно знакома.
Я с приокских полей.
Много в сердце моём
Светлой дали ручьёв,
Песен доброго лада,
Родниковой любви,
Зоревых соловьев,
Сумасшествия сил
Августовского сада.
Не прощаясь со мной,
Плещут в детстве моём
Край багровой зари,
Лет нелёгких картины,
Сельский наш водоём,
Где ловил карасей,
Золотых карасей,
А выуживал тину.
Я с приокских полей.
По долинам огни.
И легко мне идти
По родимому краю.
Я не знаю, обещаны ль мне
Безмятежные дни,
Но земля мне завещана,
Знаю.*

* * *

*И горек час. И горизонт тревожный,
Всё мертво.
Всё тускло,
Всё — гнилье!
И верен путь? А может, снова ложный?
Спаси тебя, Отечество моё!*

* * *

*В бездумье власти и порока,
Минутным взвихрен торжеством,
Народ казнит своих пророков
И ставит памятник потом...*

* * *

*Белёв и Болхов — родина моя!
Они меня впервые выносили,
Дорогами и тропами пыля,
В пространство необъятное — Россия!
Негромок край мой, но с времен
Былинных, и намного ранее,
Среди судеб различнейших племен
Он выстрадал себе свое призвание —
Пахать и сеять, и косить и жать,
Любое дело править всегда ладно,
А если надо, так с мечом стоять,
Чтоб никаким батыям было неповадно.
Белёв и Волхов — родина моя!
Холмистая срединная равнина,
Где от небес до малого ручья
Звонит и дышит лето соловьино.*

* * *

*О, сколько мною позабыто,
И сколько б я увидеть мог
Среди иссеченных копытом
Больших и маленьких дорог.
Давно в лугах не слышно ржання,
И песен нет среди ночи,
И все погодки — горожане,
И вся деревня — москвичи.
Но день придет, и час настанет,
И хлынут в отчие края
Людмилы, Стеши, Степы, Тани —
Такие ж дачники, как я.
И невдомек нам довод умный,
Что в дальних далях и без нас
Все так же весело и шумно,*

*И свет, наверно, не погас.
Как прежде, шумно на поляне,
Но время вышло, даль зовёт.
И так полынностью потянет,
Так небосвод заволокёт.
Так безнадежно и прощально
Не раз вздохнёт о чем-то мать.
А нам отрадно и — печально
Село родное покидать.*

* * *

*Дорога. Звезды. Степь.
Ущербный месяц тучи принакрыли,
Над всем, что утомилось пить и петь,
Ночь августа свои простерла крылья.
Шумят по склонам роицы и сады,
Трепещет лист, росой освежённый,
Качает ветер на ветвях плоды.
Полночный час! Для тишины
И для любви рожденный.
Летит земля, усталая от бед,
От едкой лжи и нервных потрясений.
Лети, земля, рассеивая свет,
Свет нежности и мудрости осенней.
Лети, земля!
Мне чувствовать одно:
В такую ночь не могут умирать,
И не любить,
С бедою не бороться.
Такая ночь!
Как глубина колодца
С сорвавшимися звездами на дно.*

* * *

*Когда отцовские причалы
Мы покидаем в первый раз,
В глухой тревоге и печали
Не плачьте, матери, о нас.
Походным маршем дышат версты,
И горизонты высоки,
И нам совсем-совсем не просто
Взгляд отвести из-под руки.
От той простой, неповторимой,
Которой нет и не было родней,
Кто всюду зримо и незримо
Хранит молитвою своей.
Но час пришёл. И мы в ответе
За раскалённый жизни вал,
Чтоб в свой же час другие дети
Иной покинули причал.*

* * *

Горит лесов широкошумных шаль.
И с каждым днём светлей на косогоре.
И с каждым днём торжественнее даль.
На золотом, на голубом просторе.
Уже в хлебах густых перепела
Не отобьют зари ночной тревогу.
И тонкий след росистый у села
Не удивит, не позовёт в дорогу.
Как будто жизнь свершила новый круг.
Разомкнут мир былых её свиданий,
И на пустынный, обнажённый луг
Летит, летит листва воспоминаний.
И равнодушна дней осенних даль,
И нет тепла в её открытом взоре.
И так чего-то бесконечно жаль
На золотом, на голубом просторе.

* * *

Песни русские, песни родные,
Где берёте начало свое?
Величавы, как реки России,
И могучи, как люди её.

* * *

Ручей к ручью, ручей к ручью,
Поля, поля да небо —
Отцовский край. В твоём краю
Давно-давно я не был.
Как с самых ранних, ранних пор
Пылит, пылит дорога.
Вот поворот, вот косогор,
И я — у отчего порога.
Всё так же густ вишневый сад,
Всё так же пчелы хлопотливы,
И лип густейший аромат
Перебивает запах ивы.
Всё так же вечер свеж и тих,
И сад в цвету белее снега,
И только нету сверстников моих,
С кем вместе рос и в школу бегал.
И только мать к исходу дня
В кругу всё тех же дел и правил
Всё чаще отдыхает у плетня,
Медлительней хозяйством правит.
И только в ночь под тополя
Не позовёт гармошка друга,
Обезголосили поля, обезголосила округа.
И одиноко на сады

*Нисходит лунная соната,
Да вдалеке лишь плеск воды,
Где говорила мельница когда-то.*

Старая дорога

*В поля уходит старая дорога,
Пустынной далью опаляя взгляд.
И только звезды холодно и строго
На ней ночами яростно горят.
О, как она ухабиста, горбата,
Как неказиста и мала,
И впрямь соломенная хата
Ей лучшей спутницей была.
Как в непогоду кляча билась
На ней копытами вразброд.
И жизнь тележная катилась
Из года в год, из года в год.
Другие трассы, бешено и смело
Перечеркнув пространства, пролегли,
Но каждый раз вступаю оробело
На древний, древний путь моей земли.
Где сколько раз напомним чибис, чей я,
Где навевают столько разных дум
И след давно забытого кочевья,
И дней недавних небывалый шум.
Остановлюсь. Глаза на миг закрою
И вижу, как с холмов, из-за реки,
Из века в век с надеждой и тоскою
Идут, идут упрямо мужики.
Тревожен взгляд, решительная сила
Напряжена в раскосых скулах их,
И не отсюда ль время возносило
И ярый клич, и дерзновенный стих?
И тьмы прошли и сладостно и горько.
Где ваша мощь? Где ваши имена?
Летит, звенит и стонет тройка
За нашу даль, за наши времена...
И где-то я в пыли её кромешной
Затерян школьником, босой,
И мать с вязанкою неспешно
По ней торопится домой.
В поля уходит старая дорога.
Давно её не хвалят, не корят.
И только звезды холодно и строго
Над ней, как память, яростно горят.*

ПЕРЕПЁЛКА ВО РЖИ

Летом сорок третьего года в бою под Орлом на ржаном поле, изуродованном танками и взрывами, обмолоченном тысячами солдатских сапог, был убит рядовой Иван Жилин.

Вечером, накануне наступления, он рыл окоп вблизи замаскированной пушки, вслушиваясь, как полковой почтальон, невидимый в кругу сгрудившихся солдат, весело выкрикивал фамилии адресатов. В соседнем окопе уже кто-то читал очередное письмо лейтенанту Дронникову, погибшему ещё под Волоколамском, уже поредела толпа, когда Жилин, боясь ослышаться, по обрывку «...илин!» угадал свою фамилию, которую почтальон выкрикнул, как и остальные — весело.

Сбоку кто-то протянул Жилину полузакрытый мятый треугольник, прибавил глухим голосом:

— Последнее, браток...

На батарее каждый знал, что последнее письмо считалось несчастливым, что почтовую брезентовую сумку порою трясли и подкидывали на руках вместе с грузным почтальоном, чтобы это последнее, будто написанное на роду письмо, выпало случайно, как жребий, — по судьбе.

Отложив саперную лопатку, Жилин неловкими пальцами развернул сложенный треугольником двойной лист из школьной тетрадки. Это было известие, блуждавшее третью неделю по следам солдата, что в бомбежку, при налете немецких самолетов, погибла его жена Фрося.

Жилин долго каменел над изогнутым листом, потом сунул его за ворот гимнастерки и, будто заторопившись куда-то, стал швырять земляное крошево из начатого окопа вверх, на бруствер.

Жилин не заметил, как кончился чернозем и пошел гудящий (могильный) суглинок, как низко над полем встала багровая луна, перечеркнутая черным колом, — и пошла ночь, последняя перед боем...

В ту ночь, тихую и звездную, объявшую лунным сиянием всю холмистую равнину с изломистыми фронтами, провалами порушенных городов, Жилин на четвереньках выбрался из своего окопа, тяжело распрямился и долго стоял привидением на свежевырытой пахучей земле, привалившей ржанные стебли с редкими, смутно белевшими на концах колосками. Невысокий, с покатыми медвежьими плечами, в которых угадывалась заматерелая сила, он стоял лицом к луне, и его тень, уродливо перегнутая через холмик, обрывалась в зиявшем окопе. Коротковатые руки были опущены, стоял он, подавшись вперед, в растегнутой мешковатой гимнастерке. При лунном неверном свете были заметны складки морщин меж сдвинутыми бровями, из-под которых стеклом блестели неподвижные зрачки.

В сквозном сиянии луны Жилин долго стоял без движения. Земля, будто качаясь, уходила из-под ног. С тупой непокорностью беде он силился устоять, удержаться на ногах.

Машинально нащупал под гимнастеркой письмо. Перед глазами поплыли кривые строчки, написанные старческой рукой отца. При свете луны строчки сливались, и больше по памяти Жилин читал, спотыкаясь на каждом слове:

«Наша Фрося погибла в бомбежку. — писал отец. — Попала бомба в соседский двор, и в тот час там была Фрося. Пошла попытать солыцы хворому Мише, они ещё ни разу ей не отказывали. Он весь заплосал от слабой еды и в сильном жару...

Кричал по матери и все спрашивал, когда она придет... Теперь не отхожу от него и ночью караулю подать воды.»

Жилин перевернул лист, ледяной ладонью провел по воспаленным, в хойодной испарине векам, силясь дочитать до конца.

«Ты про нас не горюй сильно, — плыли перед глазами косые строчки. — С внука теперь глаз не спущу, как оздоровеет.

А ты, сынок, добивай фашистских гадов и вертайся домой. Немец тут все порушил. Фросю похоронили при людях рядом с братской могилой...»

Жилин растерянно взглянул на звезды, наискось падавшие трассирующими пулями, потом шагнул в сторону, мешковато повалился на свежевырытый холмик за окопом.

Ближе к полуночи небо стало покрываться плитами облаков меж ними, то скрываясь, то медленно выплывая из подсвеченных облаков, тихо шла луна. Из лощины, со стороны деревни, которую предстояло занять утром, на остистое поле потянул ночной ветерок. Но измятое поле не отозвалось обычным шуршанием спелой ржи. Высокие былинки вздрагивали, будто безголосо говорили: «Мы не можем», — и молчали, качаясь.

В этой тишине над великим покоем степи несмело ударил перепел.

«Как же так, как же так?» — тихо встрепенулась птица. Смолкнув, потом, как после раздумья, перепел ударил громче, будто спрашивая у людей от века неизменным волнующим голосом:

«Как же так, как же так?» Неожиданно где-то близко откликнулась другая пара перепелов, и гремящие, ладные удары крепили, заполняли собою всю округу.

Вслушиваясь в близкий перепелиный гром, Жилин, машинально нащупав ком сухой земли, сжал его, ощутил землю, ещё хранившую тепло минувшего знойного дня. Лежа на спине, он глядел в небо, различая с давней ребяческой радостью голос молодой перепелки, вопрошавшей одно, свое: «Как же так! Как же так!..» Зеленовато мерцающая звездами, светлело предрассветное небо. Шли последние минуты перед боем за нашу русскую землю, горсть которой, словно боясь просыпаться, Жилин сжимал в своей руке.

СЕРГЕЙ ПИСКУНОВ

ЗДРАВСТВУЙТЕ

Сейчас весна, и уже тепло. От нежной распутившейся зелени вечера стали тихими и ласковыми.

А это было раньше. Она подошла к нам, занятым разговором, и сказала:

– Здравствуйте все, кого я знаю.

Вряд ли кто заметил, как много сказала мне этими восемнадцатилетняя девушка.

Вот уже несколько дней наши случайные будничные встречи оставляют во мне ощущение неотчетливой тревожности потому что от улыбки её и глаз веет чем-то что уже давно искало моё воображение. Каждое утро приносит особенную свежесть, когда она подойдёт и повторит немножко неумело и длинно:

– Здравствуйте все, кого я знаю.

Так, наверное, бывает всегда, когда сквозь слова и поступки начинает пробиваться чувство, которому говорят:

— Здравствуй.

В мыслях и настроении ещё не осознанное, непонятное, едва уловимое желание повстречать человека, ставшего для тебя особенным, и сказать ему:

— Так здравствуй!

Однажды я повторил эти слова в вечернем лесу. Звуки ушли в потемневшую чащу осинника и растворились:

— Здравствуйте все, кого я знаю.

Хорошо, что человек может быть очарован. Чарует встреча с родными местами, которым мы так много обязаны, волнует величие знания, ночная гроза, ожидание дороги. Все это и помогает нам понять очарование жизни.

Но самое прекрасное пробуждает встреча с молодостью.

Осенью, даже в чудесную пору листопада, мы чаще и чаще вспоминаем весну, нежность первых цветов.

И грусть закрадывается оттого, что многое становится несбыточным, что многое мы уже не можем.

Со временем осознаешь всё это ярче, всё отчетливее. Так пусть мне останется хотя бы твоё тёплое и простое слово: здравствуйте.

1966, г. Орел

ВАРФОЛОМЕЕВА НОЧЬ

Поздней порою два мужика на подводе возвращались со станции. Ехали они по укатанному большаку в далекую маленькую деревеньку. Ехали долго, молча, изредка вполголоса перебрасываясь словами.

Стояли последние дни сентября. Немножко морозило. В такое время уже стынут руки и поскрипывают на огородах тугие кочаны капусты.

Была светлая лунная ночь. Дали открывались широко, виднелись холмы, перелески и овраги, по самые края залитые темнотой. По долинам стелились пласты тумана, а где-то далеко едва светились кровные огоньки деревень.

Глухой скрип телеги, редкий говор, неслышно тая в примолкнувшей округе. Так и пробирались они тихо и незаметно под покровом широченной ночи, то у неё внизу, то на самом дне.

Сухопарого мужика, пристроившегося впереди, звали Павлом. Он сидел, опустив на оглобли голенастые, в сапогах, ноги. Волосы у него были рыжие, густые и мягкие, сбившиеся от пота клоками, похожими на паклю. Почти круглый год он ходил в шапке, редко брил рыжую щетину. Павел слыл угрюмым и молчаливым.

Второй мужик был Игнат. Он расстелил на берёзовые слегы охапку соломы, сидел боком и глядел по сторонам. Игнат первым заговаривал и редко слышал в ответ короткие ленивые слова. Был Игнат в той поре, когда всё чаще начинают звать стариком.

— Хорошо, что успели обернуться обыдёнкой, — говорил он, — а то пришлось бы ходить по дворам — искать себе ужин.

Павел молчал. Лошадь стучала копытами. На рытвинах телега вздрагивала и скрипела.

— Сколько же время теперь?

— Наверное, часов десять, — неуверенно сказал Павел.

— Без часов как без рук, — пожалел Игнат. — Даже в нашем деле и то нужны.

Опять надолго замолчали. Откуда-то донеслись запахи антоновки и полыни. Дорога серебрилась лужицами лунного блеска. Силуэты деревьев темнели вкрадчиво и неясно.

Ночь была удивительно хрустальна. Луна тихо плыла по черной бескрайней стремнине неба-моря, а за ней скользила крохотная звездочка. Свет подтаявшего лунного лица, непривычно близкого и холодно-блестящего напомнил пустынный простор неба прозрачным мерцанием. Все краски потухли, всё стало голубым, нежно-лазоревым, мягко-синеватым, торжественным: и воздух, и жнивье, и одинокие старые ракиты, и даже бурьян возле дороги. Земля казалась тёмной тяжестью, а простор неба стал ещё бескрайнее и легче.

Игнат смотрел, как по сумрачному простору полей размашисто шагали столбы, вслушивался в звуки и втихомолку любовался голубым заревом ночи.

— Жизнь прожил, а такой красоты не видал. Глянь, аж руки голубые стали, — и, восхищаясь, он повертел заскорузлыми волосатыми пальцами. — А ты, Паша, отмечал, — заговорил опять Игнат, — что когда человеку хорошо сделается, то душа у него заболевает. Но, по-моему, у разных людей душа по-разному устроена. Иногда на покосе отдыхаешь, солнышко начнет заходить, заря займется, и, как подумаешь, что в такую вот пору мальчонками в ночное лошадей отгоняли, аж весь загорисься изнутри, сделается тебе томно и прямо хорошо до жалости становится. А другому ничего. Гори ему заря или не гори — покуривает себе и на небо не поглядит.

— Конечно, оно и так бывает, — проронил Павел, не оборачиваясь. — Конечно, бывает. Или вот, к примеру, не могу понять, отчего такое, но вот запоминаю я кусочки про человека, какую-нибудь глупость. Набежит она в голову, а после и всего человека как живого вижу. Вот раз в молодости пришёл я к своей невесте, а она ещё собраться не успела. Стоит и при мне кофту застёгивает. И вот, где кофточкой не закрыто, вижу я серую холстинную рубашку. Я тогда не токмо женского тела не касался, а просто был ужасно молод. Зарделся я, ну словно меня, лопуха, при народе пристыдили. Уж очень всё это близко и даже просто показалось. Ей-то я ничего не сказал, а вот этот момент, нет-нет, да и вспомню. И её, как тогда, молодой вижу...

Над уснувшими просторами стояла безмятежная тишина, такая, что пробуждает в человеке щемящее чувство одиночества или ранит его, делает почти беззащитным и мечтательным. Потому ничто и не помешало Игнату досказать свою задушевную историю. И эту от этого легко и весело. Он помолчал, поикал, стал мурлыкать какую-то забытую песенку, радовался ровной дороге, свежему воздуху и тому, что посчастливилось вот просто так долго ехать ночью.

— Слыхал я где-то, — сказал опять Игнат, — что вот ночи, кажись, называются вархоломеевским уж больно они за душу трогают.

— Да, красивая ночь, — согласился Павел. Диковинное словцо.

Они ещё долго ехали по большаку, переезжая чёрные тени деревьев, теряя клоки соломы, каждый чувствуя, как пробуждались тихая радость и непонятное волнение, настолько неуловимые, что завтра, уже о них не вспомнишь и не будешь сожалеть и уже не сумеешь сказать о них ни одного слова.

1967, г. Орел

Содержание

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА5

АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ БЛОК

ПОТОМСКИЙ ВАДИМ ВЛАДИМИРОВИЧ	
Диалог с народом	8
КАРАТЕЕВ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ	
Хлеб наш насущный.....	11
ЛОГВИНОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ	
Отсюда видно всю Россию.....	14
ГРАЧЁВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ	
Возрождение духовности.....	18
БОРЗЁНКОВ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ	
Дубовик. Опытное поле страны.....	19
МЕРКУРЬЕВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА	
Год культуры – институт культуры	21
ГЛАДКОВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА	
Библиотеки Орла вчера и сегодня	23
ТАРАБРИНА ЗОЯ ФЕДОТОВНА	
К Туреневу в Баден-Баден	27

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БЛОК

Очерки

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА	
Символ благополучия, единства физического и духовного существования	31
ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ	
Ода русскому хлебу	40
Седые хлеба	42
АЛЕКСАНДР БЕЛЬСКИЙ	
Орловская любовь великого поэта.....	46
ВАЛЕНТИНА АМИРГУЛОВА	
Путь издателя	49
АЛЕКСАНДР ВОРОБЬЁВ	
Три встречи	52
ЖАННА ТРАВИНСКАЯ	
Война глазами ребёнка	53
Я родом из Дебальцево	54
Петух кричит на всю Новороссию	55

Поэзия

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

Титаны на скале	60
Легенды Крыма.....	66
Пылающий Юго-Восток	75

ВИКТОР САДОВСКИЙ

Дым отечества.....	85
Рассказ деда.....	86
Четыре виноградных чубука	87
«Улица, улица, ты, брат, пьяна!»	89
Славяне в Славянске	89
И я пришёл к тебе с приветом... ..	90

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН

Лирика у истока Оки.....	91
Половодье	91
Сердцу тревожно	92
Хорошая примета	93
Аксинья.....	93
В ночи снега промчались над равниной... ..	93
Утром	94
А доброта — не привычка... ..	94
Март подобрел	94
Под ногами ледяное крошево... ..	95
Узелок на память	95

ВИКТОР РАССОХИН

Соловецкая молодка	96
--------------------------	----

ЛЕВ КОТЮКОВ

Стихи от Орла до Подмосковья	96
------------------------------------	----

ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН

По Белёву едет Пушкин	102
-----------------------------	-----

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

Отрывок из поэмы «Учитель» об Иисусе Христе	108
---	-----

Проза. Рассказы

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

Липа вековая.....	110
Его голубая мечта	114

МИХАИЛ ТУРБИН

Слободчане	120
------------------	-----

ВАЛЕРИЙ АНИШКИН

Василина	132
----------------	-----

ВАЛЕРИЙ ПРОТАСОВ

Душа художника.....	143
---------------------	-----

ВЛАДИМИР САМАРИН

Непрощённый147

ЛЮДМИЛА ИВАНОВА

Баба Груня.....155

Рецензии. Мнения. Замечания

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

Обозревая современников.....161

Критик о критике. Об Игоре Золотарёве172

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

По следам героев Тургенева.....173

Лирика в поэзии В.И. Корневой.....176

О книге «Я с приокских полей» Александра Логвинова.....178

ОЛЬГА СОКОВА

О книге Леонарда Золотарёва «Орловская лавра».....182

НИКОЛАЙ ЦОКОВ

Моё мнение о стихах Леонарда Золотарёва184

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

**Самая короткая рецензия
на стихи Валентина Васичкина.....186**

ВАЛЕНТИНА И ГИ ПОРСЕДДА

Письма из Италии186

Для детей

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

**Рассказы о Мише Кнопочкине
из книги «Грибное счастье»187**

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

Три рассказа из книги «Свиристели»196

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

Жар-птица.....199

Память о них жива

ДМИТРИЙ БЛЫНСКИЙ

Иду с полей202

Моя родословная203

В грубые передники одеты...204

Пойдём в мой край204

Русский Брод.....206

Черёмуха.....207

*ВИКТОР ДРОННИКОВ***Из книги «Зелёный купол».....208***АЛЕКСАНДР ЛОГВИНОВ***Из лирики. Немеркнущая строка212***ИГОРЬ ЛОБОДИН***Перепёлка во ржи217***СЕРГЕЙ ПИСКУНОВ***Здравствуйте218****Варфоломеева ночь.....219**

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
АГРАРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№1

Подписано в печать 16.02.2015 г.
Формат 84x108 1/16. Усл. п. л. 16,25.
Бумага офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Новое время»
ул. Итальянская, 23